ИМПЕРИАЛИЗМ

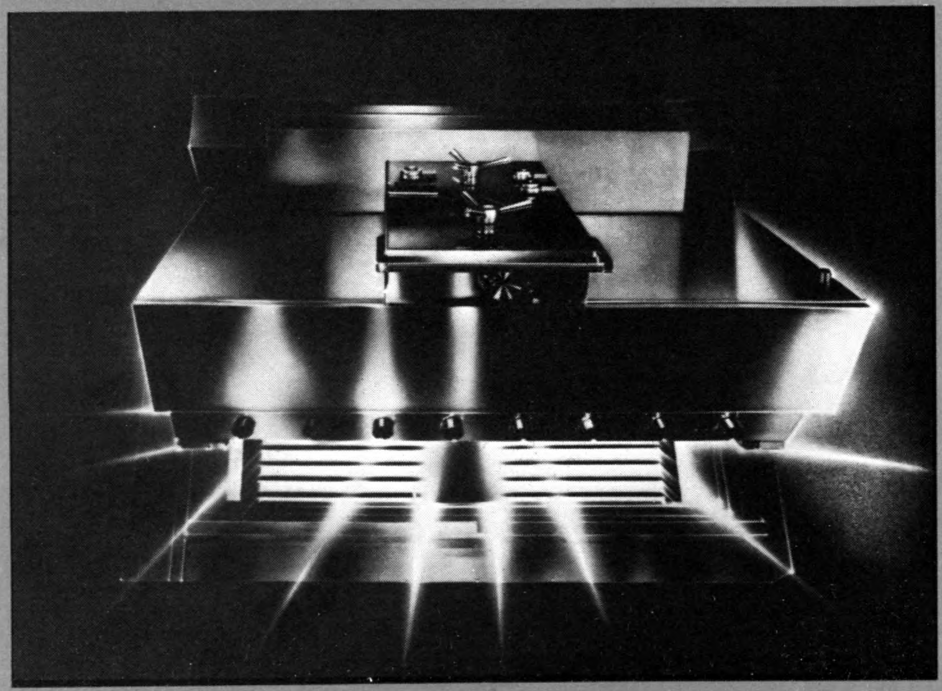
ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы



Р. М. Гасанов

Шпионаж особого рода



Шпионаж особого рода

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы



Р. М. Гасанов

Шпионаж особого рода

Москва
«Мысль»
1989

ББК 65.8
Г22

Редакция литературы по мировой экономике

Рецензенты:

доктора экономических наук
В. П. Федоров
Л. В. Сабельников

Приведенный в книге иллюстративный материал взят из фотохроники ТАСС и зарубежной прессы

Г $\frac{0604000000\text{-}055}{004(01)\text{-}89}$ 74-89

ISBN 5-244-00284-8

© Издательство «Мысль». 1989

Введение

— О времена, о нравы! — патетически восклицал Цицерон, выступая перед толпой римлян.— Пьяница и развратник, негодяй и кровосмеситель домогается высшей власти в Вечном городе. О нестерпимое бесстыдство! Ничтожность и гнусность, вселяющие в сердца людей мерзость,— продолжал ораторствовать он в полном соответствии с политическими нравами эпохи, направив острие своей инвективы против Марка Красса.

Прервав оратора, Красс, полный ярости и негодования, бросил в лицо Цицерону, как ему казалось, убийственную сентенцию:

— Не ты ли, о Цицерон, чуть ли не вчера восхвалял меня с этого же самого места?!

Однако, ничуть не смутившись, язвительную меткость политика оратор парировал остроумием.

— Красс, я просто упражнялся в искусстве говорить о низких предметах.

Прибегая к терминологии великого римлянина, скажем, что шпионаж, бесспорно, относится к делам низким. Но они заслуживают пристального внимания, ибо характеризуют времена и нравы. Шпионаж особого рода — это охота за тайнами во имя корысти, будь то личности, корпорации или государства. Патенты, технологические секреты, коммерческие тайны, биржевые спекуляции с использованием наводчиков — все мобилизуется, чтобы побить конкурента и победить в беспощадной войне «всех против всех». И в этой борьбе все позволено, нельзя только проигрывать.

Экономический шпионаж как сфера тайной деятельности по сбору, анализу, хранению и использованию особо ценной конфиденциальной информации охватывает все сферы рыночной экономики.

Тайны, будь то египетских жрецов, римского императора Септимия Севера, окружившего себя

шпионами всех мастей, или средиземноморских республик, создавших широко разветвленную сеть экономического шпионажа, приносили баснословные барыши. Выгода, словно путеводная звезда, парит над человеческой историей. Страсть к богатству и роскоши общеизвестна. Шпионаж тайно содействует удовлетворению этих страстей. «Страсти постижимы,— утверждал античный философ Аристипп,— но причины их непостижимы» [1].

С древнейших времен экономический шпионаж — привилегия больших организаций и богатых людей. Обездоленным не до секретов и экономического шпионажа.

Мораль и законы, сформулированные для предохранения рода и государства от порчи и вырождения, предписывают общие интересы ставить выше личных. В этом уже искус, ибо проверка возлагается на тех, кто в силу положения может их нарушить. Еще в XVIII в. великий философ Жан Жак Руссо писал, что «нет таких законных доходов, чтобы их не превысили незаконные» [2].

Недобросовестная конкуренция осуществляется в форме промышленного шпионажа, коррупции, фальсификации продукции конкурентов, манипулирования с деловой отчетностью и, наконец, путем прямого обмана потребителей. Очевидно, что все виды оружия недобросовестной конкуренции используются в зависимости от обстоятельств. Причем этические, или нравственные, нормы в расчет не берутся. Ни законный бизнес, ни тем более противозаконный не могут успешно осуществляться без достоверной информации.

Получить сколько-нибудь достоверную информацию законным путем практически невозможно, поскольку в мире капитала практикуется коммерческая тайна. Капитал функционирует за ширмой узаконенной секретности. Шпионаж — это охота за секретами.

Экономический шпионаж относится к экономическим преступлениям, или к беловоротничковой преступности. Последнее — это преступления «денежных мешков». Беловоротничковая преступность является наиболее масштабным, хотя и недостаточ-

но «романтичным» видом деятельности, в которой на равных играют банкиры и бандиты, политики и мафиози, менеджеры крупных корпораций и фальшивомонетчики.

Экономические преступления — наиболее сложные для расследования дела. Мошенников в «белых сорочках» охраняют адвокаты, телохранители, деньги, связи. Здесь, как правило, не проходят полицейские облавы, угрозы упрятать подозреваемого в камеру, под страхом самому там оказаться. На подозреваемых нельзя орать, угрожать им побоями, топать ногами, задевать их достоинство и использовать тот унизительный и жестокий арсенал полицейских трюков, от которого честных людей воротит, а слабых заставляет признаться во всех смертных грехах, от отцеубийства до разрушения Трои.

Нити этих преступлений, как правило, ведут в высокие сферы политики, банковского дела, международной торговли, а нередко опускаются в грязные наслоения гангстерских синдикатов.

Сокрытие доходов от налогообложения, валютные махинации, банковские и биржевые аферы, контрабанда и фальшивомонетничество и другие разновидности противозаконного бизнеса немыслимы без достоверной и тщательно скрываемой информации. Чтобы добыть необходимую информацию, в игру вводят шпионов различных мастей. Без экономического шпионажа современный деловой мир, базирующийся на конкуренции и коммерческой тайне, немыслим. Зачастую экономический и промышленный шпионаж употребляются как синонимы. Между тем промышленный шпионаж — часть экономического. Они отличны в той же мере, что промышленность от экономики *.

Что может объединять на первый взгляд такие далекие друг от друга понятия, как сокрытие доходов от налогообложения, преступления гангстерских банд в Чикаго, демонстрация нарядов в элитарных домах мод в Париже, деяния «пожизненных президентов» в банановых республиках, обворо-

* Подробнее см.: *Гасанов Р. М.* Промышленный шпионаж на службе монополий. М., 1986.

вывающих свои нищие народы при участии швейцарских банкиров, способствующих сокрытию их капиталов, миллиардеры, умножающие свои несметные богатства, научные исследования суперсекретных лабораторий, создающих новые виды оружия, и страны-хищники, пытающиеся любой ценой овладеть этими секретами?

Все эти понятия подпадают под определение «бизнес», все эти деяния совершаются в глубоком секрете, который не дает покоя конкурентам. Конкуренция вынуждает копить научно-технические секреты и коммерческие тайны, которые вызывают к жизни экономический шпионаж. Последнему, бесспорно, противопоставляется контршпионаж. Пресловутая триада «секреты — экономический шпионаж — контршпионаж» служила ориентиром при отборе фактов, событий и явлений.

«Кто знает секреты, тот о них не говорит, кто о них говорит, тот их не знает»,— гласит восточная мудрость. Результаты научных исследований, содержание патентов, формулы, технология, структура капиталов, планы инвестиций, геологические карты с достоверными запасами полезных ископаемых, статьи военных ассигнований, расходы на спецслужбы как направления и методы экономического шпионажа держатся в глубокой тайне.

Но время от времени на поверхность всплывают скандальные факты, которые, как перст судьбы, указуют, что же творится за ширмой респектабельности, довольства и высокопарных слов о социальной ответственности большого бизнеса. Такие книги пишутся, как выражаются эксперты шпионажа, «методом мозаики», или, говоря проще, «с миру по нитке». Широкий охват тотального шпионажа во имя корысти позволяет рельефнее отразить способы нечистоплотной конкуренции корпораций, мультимиллионеров, преступных синдикатов и государств, каждый из которых занимается своим бизнесом.

Книга посвящена перипетиям тайной активности дельцов во имя прибылей. Богатый спектр диктуется тем, что трудно найти сферу человеческой деятельности, где корысть не играла бы домини-

рующей роли. Даже знаменитая формула Цицерона: «Убитого Цезаря считать умершим» — была *продиктована корыстолюбием. Это соломоново решение*, не без элементов макиавеллизма, позволяло новой аристократии сохранить власть и богатства, нажитые в эпоху последнего консула и первого цезаря.

Глава I Перипетии шпионажа

Мутные истоки

Сначала было дело, которое кормило человека. Сбор ягод и охота, земледелие и ткачество, строительство и гончарное дело формировали экономическую базу первобытного человека. Как писал Диодор Сицилийский, первоначально люди жили неустроенной и сходной со зверями жизнью, выходили вразброд на пастбища и питались вкусной травой и древесными плодами. А Гераклит говорил, что «все живое гонится бичом божьим к корму» [1]. Голод толкал человека к неутомимому поиску пищи, инстинкт самосохранения — к стадности. Первое породило пахаря и ремесленника, второе — воина и стражника.

Охотник, увидевший ущелье, где в полдень от зноя пряталась мелкая дичь, мог тайно забивать ее и доставлять мясо своим. Хозяйка, случайно обнаружившая, что добавка соли повышает питательные и вкусовые качества мяса, или гончар, узнавший, что глина из дальнего карьера дает необычный эффект, могли извлекать выгоды, не раскрывая причин своих успехов. Для пущей важности можно было напустить мистического тумана об особой благосклонности тотемных богов и духов, что на практике и делалось. Работа порождала опыт, опыт приносил неожиданно открытия, которые хранились в тайне, а тайна приносила выгоды [1а]. Когда тайны становились наследственными, и выгоды становились наследственными. Секретами торгуют тайно. Те, кому не продают секреты или считают цены на них чрезмерными, занимаются шпионажем.

...Монополия Китая на шелк, казалось, будет длиться бесконечно. Широко известен рассказ о том, как «некая прекрасная принцесса» в XV в. до на-

шей эры, т. е. 3,5 тыс. лет назад, вывезла из Китая тутовый шелкопряд, спрятав его в цветок на шляпе. Это скорее легенда. Правда более груба и не менее плачевна для Китая. «Великий шелковый путь» помимо опасностей, длительности транспортировки и бесконечных налогов перекачивал в Китай огромные богатства, созданные на Евроазиатском континенте. Так продолжалось до тех пор, пока римский император Юстиниан не ввел в игру свою широко разветвленную шпионскую сеть. Странствующие персидские дервиши раскрыли ему секрет вытягивания из кокона шелковой нитки. Они же тайком в полой тростиночке доставили из Китая шелковичных червей, которых «расселили» в Греции по тутовым деревьям. Юстиниан прибавил к своему военному могуществу сказочные богатства, а Китай потерял сотни миллионов золотых монет [2].

Япония нашла свой способ изготовления шелка. Ко двору китайского императора прибыла японская делегация с официальной целью пригласить придворных мастеров в Японию для обучения японцев шелкоткацкому делу. Прибыла, заведомо зная, что ей в этом откажут. Но делегация так долго находилась при китайском дворе, вымаливая разрешение на приглашение мастеров, что успела разузнать все нужные им секреты и увезла их к себе домой. Вскоре Япония стала вторым производителем шелка в мире.

Уже в древнем мире шпионаж имел своих теоретиков. Так, в Китае еще в глубокой древности знали все разновидности шпионов. За 600 лет до нашей эры китайский философ Суньцзы в книге «Искусство войны» различал пять категорий шпионов: а) местные шпионы — это жители местности, которой интересуется правитель; б) от них следует отличать внутренних шпионов, которые обладают определенным статусом в стане противника; в) наименее полезными являются шпионы-двойники, симпатии которых трудно определить. Нередко они так усердно торгуют секретами обеих сторон, что сами не знают, на кого в действительности работают; г) обращенные шпионы, отличающиеся тем, что через них можно подбросить врагу нужную информа-

цию; д) обреченные шпионы — это те, кто вынужден играть изменников или обиженных для того, чтобы сообщить врагу заведомо ложную информацию. После раскрытия действительной роли «изменника» его ждет быстрая смерть, почему и называют их обреченными.

Наполеон говорил, что «шпион — естественный предатель», однако задолго до него Суньцзы поучал, что шпионов надо награждать со щедростью. Это подтверждает, как мало изменился шпионаж за тысячи лет, особенно если учесть, что и в настоящее время классификация шпионов мало чем отличается от тех времен.

Изначально войны велись исключительно во имя грабежей. Отнять, съесть — таков был сокровенный смысл набегов. Войны рассматривались как добыча пищи и добра естественным путем. Среди величайших завоеваний Александра Македонского значится и секрет создания одного из тончайших деликатесов — пищи царей. Деликатес назывался царским, поскольку отличался высокими пищевкусовыми качествами и был доступен только членам царских семей. Сейчас этот деликатес продается повсюду и называется мороженое.

В деятельности правителей экономический шпионаж занимал особое место. Если верить Библии, Моисей был не только мудрым правителем, но и хорошим знатоком шпионского ремесла. Прежде чем начать поход, он послал тайных соглядатаев в Ханаан, чтобы они наряду с наличием крепостей и численностью войск вызнали все о земле, ее плодородии, богатствах. Фактически это был военно-экономический шпионаж в чистом виде.

Три тысячи лет тому назад люди еще не владели высокой наукой эвфемизмов и войны велись не ради «идей справедливости и мира», а чтобы грабить. Египет и Ассирия, Хеттская держава и Аккада грабили, пока были в силе, и подвергались грабежам, когда вся энергия агрессии поглощалась внутренними раздорами и распрями.

Едва Ассирия окрепла, как начала походы в сопредельные государства. Новый царь Саргон II отправился в карательный поход в область, приле-

гающую к озеру Урмия. Царь Урарту Руса решил воспользоваться этим и зайти неожиданно в тыл и разбить супостата. Однако Саргон располагал слишком хорошо налаженной шпионской сетью в Урарту, чтобы Руса преуспел в тайных операциях. Неожиданно для Руса Саргон появился на его пути и разбил наголову урартское войско и, предавая все на своем пути огню и мечу, прошел через все земли. В обреченной столице Тушпе обреченного царства Руса покончил жизнь самоубийством. Но ни самому Саргону, ни его шпионам гибель царя и царства не казались достаточными. Саргон через своих соглядатаев знал, что правители повергнутого государства копили драгоценности в храме бога Халди. Словно предчувствуя будущее, храм был построен вне территории Урарту, в местах, отдаленных от Ассирии непроходимыми горными хребтами. Боги любят золото и серебро, слоновую кость и драгоценные поделки. Бог Урарту не был исключением. Именно здесь, в безопасном месте, в храме Халди, в период расцвета Урарту накапливались несметные сокровища царей.

Шпионы оказались столь проворны, жажда богатств столь неуемна, что Саргон II перевалил через горные кручи, считавшиеся неприступными, и застал стражей храма врасплох. Захваченные сокровища были столь значительны, что не отличавшиеся особой бедностью ассирийские цари об этой добыче шпионов и правителей помнили вплоть до той поры, пока соседние племена, алчущие богатств и могущества, не разграбили несметные сокровища самой Ассирии.

Как Ассирия плодила шпионов и доносчиков, так и ассирийские богатства притягивали тайных соглядатаев, информировавших новых правителей входящих в силу родов и племен. То же золото и те же богатства, что сорвали Саргона и его армию с насиженных мест, стали притягивать разрушительные силы враждебных государств. Если и существует историческая справедливость, то она, очевидно, проявляется в том, что награбленные богатства притягивают завоевателей, как магнит. Таинственные и непреодолимые чары богатств влекут

со всех сторон воинственные племена, алчущие чужих жен, чужого золота и чужих богатств.

Богатство было вечным проклятьем увядающего Египта. Хетты и персы, греки и римляне, османы и арабы захватывали храмы Амона и Исиды не для того, чтобы помолиться древним богам, а для того, чтобы отнять у них золото. Когда солдаты разносили вдребезги головы богов, они не святотатствовали, а искали припрятанные богатства.

Проклятием и Фригии стало богатство. Легенда о царе Мидасе, который якобы был наделен даром обращать все в золото, к чему ни прикоснется, является туманным отголоском богатств Фригии, в которой Мидас был только одним из многих правителей. Именно богатства этой древнейшей страны и послужили причиной гибели «царства золота». Киммерийские племена, убоявшись силы Ассирии, обрушились на этот цветущий край, подаривший Элладе, а вместе с ней и всему человечеству, такой вид искусства, как музыка, и разорили ее дотла. Богатства разграбили с помощью наушников и предателей, а блеклые побеги культуры растоптали подковами лошадей.

Дело мужчин — наживать, дело женщин — сохранять, писал Аристотель [3]. Вряд ли римские легионеры читали философа, но поступали они в полном согласии с максимой великого грека. Через своих шпионов Рим получал информацию. Сведения о состоянии любой страны собирались по многим экономическим аспектам, начиная от климата и наличия дорог и кончая плодородием земель, трудолюбием населения и наличием продовольственных запасов. Особой заботой сената было выявление объемов и мест захоронения сокровищ, накопленных царями и правителями намеченных для завоевания земель. И то, что ныне представляется чуть ли не случайным выбором в захватнических войнах, в действительности представляло собой хорошо продуманную стратегию по захвату наиболее богатых стран и территорий.

Рим упивался собственным военным могуществом и знал, что противостоять его железным легионам не в состоянии ни рафинированная органи-

зованность эллинов, ни дикая храбрость парфян, ни бессильная ярость местных царьков. Выбор направления удара в первую очередь обусловливался тем, что может принести победа. Это и предопределяло необходимость хорошо поставленного шпионажа. Именно хорошо поставленный экономический шпионаж позволил Риму, как гигантскому спруту, вытягивать из покоренных стран золото, серебро, жемчуг, пурпур и шелк, ценившийся в древнем мире наравне с золотом. Фунт шелка стоил фунт золота.

Наиболее предприимчивые купцы, ростовщики, авантюристы раскидывали свои сети не только в самых отдаленных провинциях империи, но и за ее пределами. Именно они служили лазутчиками и шпионами, именно они составляли карты, намечали пути продвижения, заботились о том, чтобы римские легионы были обеспечены продовольствием и фуражом. Но особую заботу они проявили о том, чтобы царские сокровища и клады богатых людей завоеванных стран не уплыли из рук римлян. Не удивительно, что так мало случаев нахождения кладов времен Римской империи.

Обладая активностью, смелостью, предприимчивостью, а также колоссальными финансовыми средствами, всадники подкупали воинов, слуг, сановников, полководцев, их жен, сестер, любовниц. Они проникали везде и повсюду, собирали тайную информацию, которая вслед за ударами легионов Рима превращалась в полноценное золото.

Часто борьба политических деятелей и полководцев за управление теми или иными территориями объяснялась не политическими мотивами, а именно экономическими. В пользу этого тезиса говорит тот факт, что политические деятели в ту пору, когда все богатые территории и страны были оккупированы, начали борьбу за перераспределение внутренних богатств, т. е. тех богатств, которые были сосредоточены в руках римской знати. Лучше всего об этом свидетельствуют проскрипции Суллы и второго триумвирата, т. е. того периода, когда все, что было достойно внимания Рима, было завоевано и началась агония республики с 600-летней историей.

«Война была в сии времена народным промыслом,— утверждал Н. Карамзин, повествуя о набегах киевских князей на Восточную Римскую империю.— Олег, соблюдая обычай скандинавов и всех народов германских, долженствовал разделить свою добычу с воинами и полководцами, не забывая и тех, которые остались в России» [4]. Именно нежелание делить с дружиною дань побудило князя Игоря повторно воротиться к древлянам с «малою дружиною». Корысть оказалась роковой. Древляне, чтобы им больше не докучали, привязали князя к деревьям и разорвали надвое, ибо «пурпур меняют только на саван». Сокровища князей и золото куполов сослужили плохую службу и Киевской Руси. Слава о богатствах возбуждала алчность близких и дальних соседей, по греческому образу называемых Карамзиным варварами, среди которых были и монголы.

Спаянные той таинственной внутренней силой, которая повелевает умереть, но не отступить, приученные к жесткой дисциплине, прекрасно обученные и вооруженные тумэны Чингисхана представляли собой скорее фалангу, чем дикую орду. Перед ней не могла устоять ни древнейшая цивилизация китайских царств, ни цветущие Хорасан и Самарканд, ни молодое Русское государство, ни жестокие остготы, ни лихие угры, ни погрязшие в грехе и словоблудии итальянцы. Воля Чингисхана, организованность, порядок и дисциплина в войске, когда за всякое ослушание ломали хребет, канализировали энергию, вдруг взбунтовавшуюся с неуемной силой в жилах доселе убогих кочевников. Они за короткий срок создали самую огромную в истории человечества империю — от Филиппин до «Апеннинского сапога», правда и самую «саморазваливающуюся».

Однако за неполных 40 лет расцвета империи был составлен свод законов «Великая яса», продиктованный самим каганом, установлен порядок правления и наследования высших должностей, образована новая администрация, централизованы финансы, выпущены бумажные деньги, которые по причине разумной эмиссии при Хубилае не подвер-

гались инфляции, создавались сокровищницы и государственные мастерские.

Чингисхан был предусмотрителен, и его жестокость была элементом стратегии. В 1207 г. он направил своего любимого и им же позже убитого старшего сына Джучи на завоевание племен, обитавших в долине Енисея. Этот поход всем казался бессмысленным, ибо ни платить дань, ни дать мастеровых, ни тем более обогатить сокровищами монголов они в силу нищеты и отсталости не могли.

Чингисхану было ведомо то, чего не знали сами обитатели долины: там были залежи железа, которые каган ценил не меньше, чем золото. Чингисхан создал широкую сеть того, что мы именуем экономическим и военно-политическим шпионажем. Он не предпринимал ни один поход без ясной цели, без изучения тех богатств, которые попадут ему в руки, без учета уровня развития ремесла и военного дела противника. Переодетые лазутчики и тайные агенты, предатели и изменники, купцы и обиженные более могучими соседями царьки, изгнанные наместники, просто корыстолюбцы и им подобные составляли тайную армию, которая помогала получить необходимую информацию, захватить крепости, навести на след сокрытых сокровищ, откопать клады и вскрывать захоронения, куда вместе с владыками опускались и драгоценности. Шпионское дело было налажено столь хорошо, что в руки чингисидов попали почти все богатства и культурные ценности китайских царей и багдадских халифов, золото скифов и несметные сокровища Аббасидов.

Как и все завоеватели, монголы особое внимание уделяли сокровищам и их захвату. Когда брали город, жителей по установленному порядку выводили в поле и убивали, чтобы не мешали грабить ценности, а награбленное вывозили в столичные грады, которые из-за огромности империи находились в разных местах. Но насильственной смерти не подлежали мастера, оружейники, специалисты по производству бумаги, златокузнецы, архитекторы, таланты в изящных искусствах и те, кто владели тайнами ремесла. Непреложным законом, установ-

ленным самим Чингисханом, было учиться у всех без исключения народов тому лучшему, что те создали.

Таланты поощрялись независимо от этнической принадлежности. Главным строителем империи, говоря современным языком, стал непалец Анико, который создал в Тибете «Золотую пагоду», трон для великого хана создал русский мастеровой Козма из захваченного Батыем золота. Стенобитные машины, камнеметатели и огнеметные машины, по тем временам первоклассное вооружение, изготавливали китайские мастера, которые достигали в империи высших хозяйственных и административных должностей. Оружейники из среднеазиатских улусов изготовляли холодное оружие из стали, которая могла соперничать с дамасской.

Захватив царство Сун, монголы почти в неприкосновенности сохранили систему управления. Они только ввели новое подразделение — управление ремеслами и художествами, в ведении которого находились мастерские по производству предметов быта и роскоши. Мастера по сути были рабами империи, но если трудились, то преуспевали, а если ленились или саботировали работу, им ломали хребет.

Плавать по морю более необходимо, чем жить, уверяли древние. Развитие цивилизации и усиление торгового обмена привели к созданию парусного и гребного флота. Нил, Евфрат, Эгейское море и Понт Эвксинский (Черное море) были, очевидно, первыми полигонами, где создавались и совершенствовались водные системы транспорта. Парусный флот сыграл колоссальную роль в истории человечества, верно служа тысячелетия завоевателям и купцам, пиратам и конкистадорам. Благодаря парусу дерзкий испанец сумел подарить цивилизации вторую половину земного шара, а Кук — пятый континент.

С гуманитарной, или научной, точки зрения Великие географические открытия представляют собой, бесспорно, подвиг во имя истины и человечества. С точки зрения практических целей эти путешествия с риском для жизни были дерзкими, крупномасштабными и все же заурядными акциями

по разведке несметных богатств. Да и последующие события на вновь открытых землях продемонстрировали, что благородная разведка превратилась в экономический шпионаж с последующими грабежами во всем их кровавом великолепии.

Ни вечная слава, ни забота о человечестве или о грядущем бессмертии гнали мореплавателей в гибельные дали, а стремление разбогатеть. Жажда золота и сокровищ гнала Колумба через неведомый, таинственный и страшный океан к новым берегам. Он не нашел ни Индию с ее специями, ни счастливую Аравию с ее благовониями, ни острова Сипанго с неиссякающими запасами золота и с жемчугом, «отличающимся необыкновенно чистым блеском». И, напрасно выдавая желаемое за действительное, Колумб писал не менее алчной королеве Изабелле с Гаити, что «золото — это совершенство... и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай» [5]. Человек, который жаждал золота, воссоединил два полушария Земли, умер в нищете. Согласно его же концепции, он вряд ли попал в рай.

Вслед «за неудачником» ринулись конкистадоры, которые мечом освобождали души индейцев от бренного тела, а крестом благословляли их вознесение в рай. С ненасытной жаждой золота в сердце и мечом в руке шли конкистадоры убивать цивилизацию, которая звездами интересовалась больше, чем деньгами, а золото было ритуальным металлом для сотворения лика Солнца.

Испанцы убивали всех подряд, надеясь, что бог отличит своих от чужих, а их души введет в рай. И по-райски благодатная земля с ее несметными богатствами стала местом, где аборигенов приучали жить, как в аду, если им доведется туда попасть. Все новые волны конкистадоров набегали на берега Нового Света, дабы послужить Богу, Ее Величеству, а также затем, чтобы завладеть его богатствами. В последнем все проявляли особое усердие, немыслимую жестокость, фантастическую изощренность и нечеловеческую настойчивость [6].

«Великолепные, жадно ищущие добычи и победы, белокурые бестии» оказались горсткой авантю-

ристов, грабителей и шпионов, выведывающих места захоронений золота и сокровищ индейских богов. Пришельцы были таинственны, непонятны и потому вселяли неведомый ужас. Первоначально индейцы даже лошадь и всадника воспринимали как единое целое. Касик Текум могучей рукой вонзил копье в голову лошади, которая рухнула. Он торжествовал победу, полагая, что чудовище повержено, когда всадник вскочил и поразил «победителя» насмерть. Так касик и умер, не сумев осмыслить, кто же его сразил.

Пушечные выстрелы воспринимались аборигенами как небесный гром и обещание страшной кары, которая не заставила себя ждать. Подкупленные жрецы Нового Света, такие же продажные, как и Старого, объявили разбойника Кортеса, «подчиненного мавританской кровью» и обремененного долгами, от которых он, собственно, и бежал, «белолицым и богатым богом Кетцалькоатль», которого давно ждали. Судьба ацтекской цивилизации после этого была предрешена. Новые боги — новые порядки.

Рядовой христианин, провозглашенный индейским богом, с неимоверной жестокостью перебил почти все население Теночтитлан. Из сокровищниц вынесли только украшения и утварь, изготовленные из золота, а дворец предали огню. Гибли люди и города, государства и ремесла, секреты и опыт великих зодчих и звездочетов. А художественные ценности переплавили в слитки золота и серебра.

Золото погубило индейцев и их цивилизацию. Когда бы не богатства, вряд ли христиане проявили столько активности и находчивости, истребляя «бездушных дикарей». Изничтожив неведомый для Евроазиатского континента тип цивилизации, Кортес захватил всего лишь 600 кг золота. В этом отношении более удачливым оказался Писарро, который так щедро лил чужую кровь, что реки Нового Света на долгие версты приобретали кроваво-желтый оттенок.

Хитростью захватив инка Атаульпу, он потребовал выкуп взамен жизни вождя. Поверив еще одному «белолицему богу», число которых множилось

в геометрической прогрессии, инки заполнили комнаты драгоценностями, золотом и серебром. Хитрый, коварный и жестокий Франсиско Писарро, свинопас в Испании и «белолицый» бог Америки, после получения фантастически богатого выкупа умертвил вождя, обвинив его во всех мыслимых и немыслимых грехах, о многих из них тот и представления не имел. Не потому, что был святым, а потому, что он и не подозревал, как далеко европейцы ушли в умножении преступлений и утончении греха.

Индейцы хоть и не знали цену золота, но уже знали подкуп, вероломство и предательство. Брат продал брата. От имени брата казненного вождя Писарро вошел в великолепную столицу инков Куско. Столица была столь прекрасна и богата, что испанцы назвали ее «Городом цезарей». Однако восторги не помешали разграбить город и Храм Солнца. Обезумевшие от жадности солдаты ломали золотую утварь, расплющивали фигурки, чтобы они занимали меньше места, переплавляли золотые пластины, удивительные, кованные из золота деревья, фигурки птиц и другие предметы...

По оценкам специалистов, размер выкупа составил 5,5 т золота и около 12 т серебра, не считая более тонны золота и 15 т серебра, взятых при разгроме «Города цезарей». Все-таки идея бога теплилась в окаменевшем сердце Писарро. Храм Солнца, после того как его ободрали, был превращен в католический монастырь, призванный «отпущать грехи ныне и во веки веков» [7].

Новый импульс экономическому шпионажу дало открытие Америки. Испанцы из своих заокеанских владений вывозили огромное количество золота в Европу. Купцы и авантюристы европейских стран стремились присвоить хотя бы часть добычи. Французский корсар Жан Флери перехватывал сокровища, попавшие в руки Кортеса и других испанских конкистадоров. А чтобы знать, когда, откуда и куда повезут золотые слитки, надо было иметь источники информации. Для этого французским и английским пиратам приходилось содержать большой штат экономических шпионов в обеих частях света. В свою очередь «для борьбы с французскими кор-

сарами Мадриду пришлось завести во французских портах Ла-Рошель, Нант, Дьепп тайных лазутчиков для получения известий об отплытии пиратских кораблей и о планах корсаров. Дурные примеры заразительны: по пути, проложенному французами, через некоторое время последовали пираты из Англии и других стран. Так что работы для испанских шпионов с годами все прибавлялось»,— писал исследователь истории тайной дипломатии Е. Черняк [8].

Поддавшись общему искушению, английская королева Елизавета объявила испанцев вне закона, а грабеж их каравелл — «богоугодным делом». Зная алчность людей, испанцы все операции по погрузке и разгрузке золота и серебра осуществляли в глубочайшей тайне. Они так же тщательно скрывали маршруты движения, содержимое трюмов, сроки отплытия и прибытия, равно как и порты назначения.

В один далеко не прекрасный для испанцев день шпионы королевы донесли, что враги собираются перевозить золото, серебро и другие драгоценности на фантастическую сумму в целях безопасности из Перу в Панаму. Маршрут считался совершенно безопасным. Грабили только в Атлантическом океане и, как правило, на подходе к Европе. В Тихий океан выходил только Магеллан, да и тот погиб в стычке с папуасами. Вице-король Испании, который руководил переброской ценностей испанской короны, мог не беспокоиться из-за бича испанских галлионов — английских пиратов на королевской службе.

Искушение было слишком велико, и королева Англии, решив, что дерзким помогает бог, послала разбойника и душегуба Френсиса Дрейка вокруг Америки и по существу во второе кругосветное путешествие. При всей фантастичности предприятия оно удалось. В 1580 г. пират вернулся с триумфом и с многотонными сокровищами, награбленными у грабителей, в Европу тем же путем, что и жалкие остатки магеллановской флотилии.

Шпионаж и грабежи, как корысть и соглядатайство, шли рука об руку через тысячелетия, ибо

налетчики без наводчиков обречены на голодную смерть. Еще не были изобретены морально-этические, социально-экономические, государственно-правовые, политико-идеологические и прочие обоснования грабительских акций. Племенной совет в лучшем случае поднял бы на смех человека, осмелившегося заявить, что грабить нехорошо. Если такие находились, их объявляли сумасшедшими или врагами племени.

Если верить Словарю иностранных слов, «шпионить» — слово немецкого происхождения, родственное русскому «следить», «подглядывать». В данном случае этимологический смысл совпадает с современной интерпретацией значения слова. Но сам шпионаж значительно древнее немецкой нации и уходит своими корнями в седую древность человеческой истории.

Очевидно, такие древнейшие чувства, как любопытство, зависть и желание позлословить, побуждали человека разумного следить за своими сородичами. Это и был эмбрион частного шпионажа. Исподволь люди, интересующиеся делами сородичей, не могли не понять всю выгоду, связанную с наличием информации. Тайны и шпионаж, как вор и торговец краденого, сопутствуют друг другу и сегодня, как и тысячи лет назад.

Информация, собранная шпионами, реализовывалась в грабежах. На раннем этапе человеческой истории частный шпионаж — это скрытый и повышенный интерес к делам, поступкам и словам других частных лиц, будь то дети, родители, супруги, приятели, друзья, соседи, сородичи, «кооператоры по охоте за мамонтами» и т. д. Частный шпионаж может быть личным, а может осуществляться и через третьих лиц — членов своей семьи, друзей, специально нанятых агентов или специализированные организации [9].

Грабежи себя изжили экономически. Издержки превышали результаты, ибо накопленные богатства быстро истощались. На смену силе с ее извечным законом «хочу и отниму» пришла торговля с ее хитростью, изворотливостью и обманом.

Тайны коммерции

Зародышем коммерческого шпионажа, набиравшего силу с развитием ремесел и торговли, был частный шпионаж. Еще на заре цивилизации египетские торговые дома, афинские торговцы и родосские купцы осуществляли сбор тайной информации, наличие которой могло бы способствовать коммерческому успеху. Но такая разведка носила эпизодический характер и осуществлялась самими торговцами или их посредниками. Купцы старались узнать, какой товар, какого качества, в каком количестве привезли на данный рынок конкуренты, по какой цене они будут продавать. Разумеется, по возможности они не упускали случая подпортить товар конкурентов, пустить слух об их нечистоплотности, об их мнимых и действительных пороках, оболгать, а также отметить непомерно высокие цены при недопустимо низком качестве товаров. Позднее все эти приемы получили более наукообразные и благозвучные названия — диффамация, имидж, конъюнктурный анализ, реклама и т. д.

В позднее средневековье наряду с государственным экономическим шпионажем в торговых городах Средиземноморья зародилась и частная разведка североитальянских торговых компаний. Венеция и Генуя стали центрами экономического шпионажа, где коммерческие тайны ценились выше, чем военно-политические. Маленькие итальянские республики защищали свои интересы всевозможными средствами. Шпионаж и подкупы, тайная дипломатия и явное лицемерие, манипуляции с таможенными тарифами и привилегии — все имело свое значение и свою цену. Понимая, что их сила — в производстве товаров и предметов роскоши, под угрозой смертной казни искусным мастерам запрещали покидать родину. За неукоснительным выполнением этого приказа следили и правители, и администрация, и вельможи, и стражники.

Итальянцы были первыми, кто оценил все преимущество создания частных коммерческих разведок. Торговые кланы других стран не преминули создать собственные частные разведки с широко раз-

ветвленной агентурой во всех странах, входящих в сферу денежных интересов торговых домов. Все торговые дома Германии, Голландии, Италии имели собственных шпионов в Лисабоне и Севилье, которые информировали своих патронов о всех экспедициях за океан и их операциях. Письма торговых агентов, сообщавших по сути о коммерческих тайнах, и копии этих писем весьма ценились. Так же как и карты-портуланы вновь открытых берегов, они считались дорогим товаром. Постепенно экономические секреты приобретали бóльшую ценность, чем военные и государственные. Шпионы от коммерции ценились на вес золота.

Если греки считали, что миром правит всемогущий и доблестный Юпитер, то уже Эразм Роттердамский отмечал, что еще более могущественный, но менее доблестный Плутос отвоевал корону вседержца. Жрецами Плутоса конечно же выступали купцы, высшей целью которых было обогащение. Купцы, писал в «Похвале Глупости» великий гуманист, вечно лгут, божатся, воруют, жульничают, надувают и при всем том мнят себя первыми людьми в мире только потому, что пальцы их унизаны золотыми перстнями [10]. Но у купцов была двойная мораль. Своим они доверяли, иначе они не могли бы вести дела. По-своему купцы были дерзки, смелы, предприимчивы и верны слову.

Эволюция хозяйственной жизни в зачаточной форме достаточно рельефно проявляется в мифе о Гермесе. Первоначально, как известно, он был богом-покровителем стад, затем простер свою божественную длань над путешественниками. С развитием торговли, немыслимой без товаров и контактов между племенами, без стад и путешественников, Гермес становится покровителем торговли, изворотливости и, наконец, обмана. В самом деле, трудно осуществлять торговые операции без хитрости, выступающей под различными масками.

История человечества — история борьбы за привилегии. Наибольшие привилегии по непостижимому, неодолимому и несправедливому праву принадлежали правителям. Казалось бы, интересы нации и простой здравый смысл велят правителям жить

(в материальном отношении) на уровне среднезажиточных граждан. Но история, увы, таких казусов не помнит! По мере экспансии купцы стали тайно соперничать в роскоши с правителями, затем капиталисты открыто кичились своими богатствами даже перед президентами, которые приходили и уходили, меняя высокое кресло на пенсионный полис.

Германия не знала Гревской площади и гуманного орудия убийства доктора Гильотена, а потому сохранила больше аристократических родов, которые и сегодня преуспевают в мире бизнеса. Пожалуй, к наиболее богатому, обуржуазившемуся аристократическому роду принадлежит Турн унд Таксис: пивоваренные заводы в ФРГ, собственные фирмы и банки в Европе, земельные массивы по обе стороны Атлантики. Несметные богатства, нажитые различными путями и умноженные в многочисленных войнах, в том числе и в двух мировых, росли как на дрожжах [11].

Но начало богатству было положено в Италии в XV в. Мужчины клана Такко подрядились развозить почту и доставлять депеши папы римского его многочисленным инокорреспондентам. На этой нелегкой, денежной и рисковой работе Такко стали пользоваться доверием папы, а затем испанского короля и многочисленных германских князей. Члены клана были очень ловки, молчаливы, умели хранить секреты и тайно торговать ими. Они оказывали бесчисленные услуги великим мира сего: кому страстно хотелось узнать, о чем папа печется в далекой Испании и Франции, почему зачастили курьеры к соседнему князю, сколько курфюрсту понадобится денег для сбора своих ландскнехтов, каковы намерения противоборствующей стороны и ее финансовые возможности, как много золота может быть потрачено с той или с другой стороны.

В этих условиях получение копий писем и договоров, в которых затрагивались болезненные вопросы финансирования войны, перекраивания политико-экономической карты Европы как лоскутного одеяла, приобретало особое значение. Семейство Такко стало признанными шпионами, которые

за риск и моральный ущерб требовали денежную компенсацию и получали ее сполна с враждующих сторон.

Успехи красноречиво свидетельствовали, что Такко на верном пути. Они выторговали право монопольного осуществления почтовой связи в германских княжествах. Служба удельным князьям в качестве почтмейстеров, перевозчиков драгоценностей и тайных осведомителей обогащала клан итальянцев. Неизвестно, знали ли ловкие курьеры изречение древних «Родина там, где хорошо», но следовали они именно этой лукавой мудрости. Такко переехали на север, переделали на немецкий лад фамилию (Таксис) и занялись организацией почтовой службы Германии. Почтой перевозились не только письма, пакеты и депеши, но и ценности. За действительные и мнимые услуги брали пошлины, дорожные тарифы, таможенные сборы и пр. Более того, были таинственные, но не менее значительные источники прибыли для «итальянских крестьян и немецких князей».

Деньги, как известно, любят компанию. Даже разбойники и лиходеи, которые свирепствовали на дорогах Германии, нередко во главе с сиятельными баронами и герцогами, приносили Такко-Таксисам барыши. Разбитые кареты, похищенные бриллианты, разорванные письма, вскрытые депеши с полным основанием списывались на разбойников. На разбойников можно было списать и то, что они не вскрывали, не похищали, не перелицовывали, не грабили. Грабители справок, как известно, не дают. Трудно было не верить, что грабители, которые свирепствовали по всей Европе, оставляли в неприкосновенности почтовые дилижансы Таксисов. Сколько тайных курьеров бесследно исчезало, сколько ценностей скрыли новоявленные сиятельные князья, сколько писем было вскрыто и продано папам и монархам, князьям и графам, светским дамам и королевам, банкирским домам и высокопоставленным интриганам — одному богу ведомо.

Торговля секретами великих мира сего приносила и золото, и титулы. Трудно найти почести, которыми бы обошли этих выскочек. Для Таксисов,

бывших крестьян, было отрезано «княжество» в Германии, чтобы они стали владетельными и сиятельными князьями. Финансово-политический шпионаж для них оказался кратчайшим путем «из грязи в князи».

Еще в XVI в. широко разветвленную разведку имел южногерманский банкирский дом Фуггеров, который давал деньги взаймы многим европейским монархам. Чтобы минимизировать потери, владельцы хотели знать в точности, насколько прочно положение и платежеспособность их должников. Но банкирский дом Фуггеров — пример того, что большая и эффективная разведка не одно и то же. Испанские Габсбурги, которые были основными должниками Фуггеров, потерпели финансовое банкротство, и они потянули за собой в финансовую пропасть южногерманских банкиров.

Умалчивание не всегда ложь, а вероломство не может обойтись без обмана. Вопреки широко распространенному мнению не все тайное становится явью, как не все захоронения раскрывают свои сокровища перед кладоискателями. Однако даже им необходима информация, где спрятаны сокровища. В ловких руках всякая информация превращается в богатство. Если информации нет, то ее инспирируют.

Во время войны с Наполеоном английский мошенник Чарльз Беренжер стал выдавать себя за адъютанта генерала Кэткарта, полковника Берга. В новом амплуа он столь удачно инспирировал слухи о смерти Бонапарта и предстоящем мирном договоре между соперничающими державами, что курс британских государственных облигаций резко качнулся и вновь испеченный полковник отхватил приличный куш. И он был не одинок.

У франкфуртского ростовщика Майера Ротшильда было пятеро сыновей. Четырех он разослал наместниками в важнейшие столицы: Якоба — в Париж, Соломона — в Вену, Калмана — в Неаполь, Натана — в Лондон. Братья давали деньги взаймы Бонапарту и его врагам, наживаясь на всех. Особо разветвленную шпионскую сеть создал лондонский банкир Натан. Его агентура действовала против Бо-

напарта, хотя и Наполеон в свою очередь не раз использовал деловую переписку британских финансистов, чтобы вместе с векселями получать разведывательные донесения из Лондона. Многочисленные деловые связи со всеми крупными промышленными и торговыми центрами, включая столицы европейских государств, позволяли этому дому осуществлять сбор разведданных как в континентальной Европе, так и на островной [12].

Хотя голуби и служат символами мира, но их довольно часто использовали в качестве курьеров, в том числе и для шпионских целей. Голубиной почтой пользовались египтяне, греки, инки, майя, ацтеки, финикийцы. Полагают, что именно голубям обязаны Ротшильды своим фантастическим обогащением. Благодаря крылатым курьерам лондонской ветви Ротшильдов удалось провернуть крупную финансовую аферу, которая стала классическим примером эффективного использования частной разведки. Лондонский банкир Натан Ротшильд в июне 1815 г. первым, еще за два дня до прибытия правительственного курьера, узнал о полном поражении Наполеона при Ватерлоо и решил этим воспользоваться. Ротшильд стал играть на понижении английских государственных облигаций. А так как все следили за Ротшильдом, писал Е. Черняк в своей книге «Пять столетий тайной войны», ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, что банкир имеет сведения о сокрушительном разгроме британских войск. Биржевики бросились сбывать свои ценные бумаги, опасаясь их дальнейшей девальвации. На бирже возникла паника, курсы государственных облигаций стремительно пошли вниз. Сити лихорадило [13]. Все бросились сбывать ценные бумаги правительства, считавшегося не без помощи Ротшильда побежденным, а потому обанкротившимся.

Тем временем в великой суматохе через подставных лиц Ротшильд скупил по бросовым ценам английские государственные облигации, от которых все спешно избавлялись. Ротшильд уже знал о своей победе, и до чужих бед ему не было никакого дела. На следующий день все узнали о победе. Курс государственных облигаций резко подскочил. Ликовал

народ, но не биржевики, которые проклинали Ротшильда, а заодно и Веллингтона, который, разбив «корсиканского узурпатора», разбил их надежды на большие барыши *. «В том, что история дома Ротшильда так переплелась с историей Европы в ее важнейших поворотах,— писал Э. Гемери,— огромную роль играло умение Ротшильдов быстро собирать информацию. А если надо — и распространять дезинформацию» [14]. Широко разветвленная шпионско-курьерская сеть в Европе, раздираемой войнами и междоусобицами, давала «этой немецкой диаспоре» колоссальные преимущества перед «враждующими собратьями».

Ротшильды всего на 10—12 часов раньше королевских послов информируют английское правительство о событиях, писал в частном письме Талейран, как никто другой, понимавший ценность своевременной информации в международных делах. Это происходит потому, что курьеры Ротшильдов пользуются специальными морскими судами, которые не имеют права перевозить никого, кроме этих курьеров, и отправляются в путешествие через Ла-Манш независимо от погоды [15].

Когда австрийский канцлер Меттерних приказал тайно распечатать послания Ротшильдов, они создали параллельную сеть шпионско-курьерской службы, единственной задачей которой было дать себя обнаружить и обыскать. Иначе говоря, параллельно сети информации была налажена и сеть дезинформации. И даже такой прожженный политик (и клиент), как Меттерних, попался на мякине дезинформации.

Шпионская служба была настолько хорошо налажена, что Ротшильды с самого начала стали

* Существует и другое мнение. Курьеры Ротшильдов опередили официальных вестников победы на 8 час. морским путем. Учитывая расстояние между Ватерлоо и Лондоном, а также важность и срочность сообщения, маловероятно, чтобы правительственные курьеры опоздали на такой срок. Или тут был сговор, вероятность которого ничтожна, или интуиция подсказала играть на поражении «бога войны», или, что вероятнее всего, голубиная почта сделала «невозможное возможным». Истину, так или иначе, знают только сами Ротшильды, которые покоятся в домашних склепах.

играть на поражении Наполеона. Они первыми узнали, что убит последний наследник Бурбонов, вместе с которым были похоронены надежды на реставрацию династии. Раньше Наполеона III лондонская ветвь богачей осознала неизбежность войны между французами и немцами, а французская ветвь первой выведала трудности египетского правителя, который хотел продать Суэцкий канал французам, но не сходился в цене. Ротшильды не только передали эту бесценную информацию английскому премьеру Дизраэли, но и предоставили 4 млн ф. ст., что было под силу только одной компании в мире — компании братьев Ротшильдов. Излишне говорить, что из информации Ротшильды выжали все возможное — и в виде процентов, и в виде доверия, и в виде взаимопонимания, столь необходимого между сильными мира сего.

Крушение «вселенской» империи Наполеона послужило лишь прологом для респектабельного, крупномасштабного мошенничества Ротшильда. Нарождающаяся буржуазия увидела в этом предательстве пример для подражания, ибо «бизнесмен, по ее мнению, прежде всего должен быть предан не нации, не родине, не отечеству, а бизнесу». Вот уже более 150 лет в лучших университетах Запада, в которых пестуются высшие управленческие кадры, этот пример преподносится чуть ли не как эталон предприимчивости, торжество духа бизнеса, ибо истинный делец и в крушении империй, и в гибели наций, и в падении цивилизаций видит зигзаг судьбы для новых афер и пролог к новым барышам.

Коммерческие тайны приносили деньги, а деньги давали власть слабым торговцам и банкирам над могучими властелинами Европы с огромными боеспособными армиями. Именно в эту эпоху экономическая мощь третьего сословия стала подтачивать освященные солдатчиной, привычками и религией устои феодального деспотизма. Именно в эту эпоху надменные рыцари, которые с королями говорили на равных, униженно склонялись перед торгашами, чтобы те предоставили кредит или отсрочили платежи.

Через всю «Человеческую комедию» Бальзака проходит яростная и скрытая борьба позолоченной власти и золотого тельца: борьба между шпагой и франком, борьба между политической структурой и экономической экспансией, между дворянством и так называемым третьим сословием. И экономический шпионаж занимал в этой борьбе не последнее место.

«Что такое жизнь,— говорит банкир Гобсек,— как не машина, которую приводят в движение деньги?.. Золото — вот духовная сущность всего нынешнего общества. Я и мои собратья, связанные со мною общими интересами, в определенные дни недели встречаемся в кафе «Фемида» возле Нового моста. Там мы беседуем, открываем друг другу финансовые тайны. Ни одно самое большое состояние не введет нас в обман, мы владеем секретами всех видных семейств. У нас есть своего рода «черная книга», куда мы заносим сведения о государственном кредите, о банках, о торговле. В качестве духовников биржи мы образуем, так сказать, трибунал священной инквизиции, анализируем самые на вид безобидные поступки состоятельных людей и всегда угадываем верно. Один из нас надзирает за судейской средой, другой — за финансовой, третий — за высшим чиновничеством, четвертый — за коммерсантами. А под моим надзором находится золотая молодежь, актеры и художники, светские люди, игроки — самая занятная часть парижского общества. И каждый нам рассказывает о тайнах своих соседей. Обманутые страсти, уязвленное тщеславие болтливы. Пороки, разочарование, месть — лучшие агенты полиции» [16].

Здесь с научной глубиной и художественным блеском раскрывается, как много тайн связано с деньгами и какую роль играет «черная книга», или, попросту говоря, шпионское досье, в мире торгашей. Направляя движение золотого тельца, Гобсек и ему подобные направляли страсти своих должников, выискивая во всем корысть. Искусный Гермес и хитрый Плутос стали брать верх над кровавым Юпитером. Коммерция плодами труда и таланта становилась более выгодной, чем грабежи, хотя они

не исключали друг друга, а скорее дополняли. Отнимать хитростью, а не силой стало девизом новой цивилизации, именуемой капитализмом.

Через секреты просматривается логика гибели старых форм общественной жизни и победа новых, ибо секреты способны и разрушать империи, и создавать их. Победа купца в смертельном поединке с дворянином особенно явственно проявилась в закате Испанской империи и восхождении в зенит Английской.

Защищая святость католической церкви, Филипп II выслал из страны ремесленников-фламандцев, не без основания подозревавшихся в протестантизме, и благодарил небеса, что избавил святую Испанию от ереси. Англия возносила хвалу своим богам, что приютила фламандских мастеров. Благодаря им, до известной степени, она стала экспортером высококачественной мануфактуры, которой Альбион славится и в наши дни. Англия стала расцветать на стыке двух формаций, именуемых первоначальным накоплением капитала. Именно в этот период фабриканты нанимали на работу слабоумных, «не ведающих, что творят», а потому не способных выдать конкурентам секреты хозяев.

Новый Свет также не отставал от Старого. Трудно представить себе отрасли производства, в которых не осуществлялся бы шпионаж в самых различных направлениях. Такая отрасль американской экономики, как текстильная, берет начало непосредственно в разновидности шпионского ремесла, которое даже трудно назвать неэтичным, не говоря уже о подсудности подобных дел.

Что мог простой английский подмастерье сделать для американской экономики? Как это ни парадоксально, очень много. Вернее, сделал так много, что анализ развития хлопчатобумажной индустрии США начинается с того, что английский рабочий Сэмюэл Слейтер дал первый мощный импульс зарождению новой отрасли промышленности США. Во второй половине XVIII в. в Англии усилиями таких изобретателей, как Аркрайт, Кромптон, Харгрэвс, была создана техническая основа хлопчатобумажной промышленности.

Понимая, что ее мощь концентрируется в передовой технике, Англия приняла все меры, чтобы предотвратить утечку промышленных секретов. Но рядовой рабочий, в котором никто не мог предвидеть ни компьютерной памяти, ни технического гения, не попал в поле зрения компетентных органов. Обычно американские авторы скромно упоминают о том, что «Сэмюэл Слейтер основал первую преуспевающую хлопчатобумажную фабрику в США с машинами, построенными по памяти. Стоит отметить, что фабрика Слейтера была оборудована только для прядения, а однониточная пряжа отпускалась семьям для производства ткани для собственных нужд или на рынок» [17].

Все вроде бы и правильно сказано. В любом случае ничего не переврали. Однако А. Рочерстер об этом самом факте писал следующее: «Все эти изобретения были привезены в Соединенные Штаты Америки Сэмюэлем Слейтером, английским рабочим-текстильщиком... В силу действовавших в Англии законов он не мог взять с собой чертежи и спецификации новых английских текстильных машин, но он встретился с двумя заинтересованными в этом деле род-айлендскими купцами — Уильямом Элми и Мозесом Броуном. Последний дал необходимый капитал, и Слейтер составил по памяти чертеж хлопкопрядильной машины Аркрайта». В 1790 г. Слейтер открыл первую в Америке текстильную фабрику [18].

Действительно, трудно обвинить рабочего в том, что он отличался великолепной памятью и сообразительностью и поставил это на службу себе и новой родине. Вместе с тем налицо явное нарушение интеллектуальной собственности и монополизации выгод патентодержателей. Конечно, все эти высокие сомнения насчет этичности использования чужих открытий вряд ли приходили в голову начинающему миллионеру. Но в реальности такие проблемы существуют.

Межконтинентальные аферы, как и похищения секретов, с течением веков множились. Известный уругвайский писатель Эдуардо Галеано писал, что, словно по волшебству, пароход «Айнтэн Лайн»

сумел углубиться на 2 тыс. км дальше обычного вверх по течению Амазонки. По возвращении в числе его пассажиров был и Генри Уикхэм, который вез с собой лучшие семена, извлеченные из плодов и высушенные в одной индейской деревушке. Он поместил семена в запертой каюте, завернув их в банановые листья и подвесив к потолку, дабы они не стали добычей корабельных крыс. Вся Амазония знала, что он везет по заказу короля Великобритании клубни редчайших орхидей для сада в Кью. Поскольку это чрезвычайно нежные растения, он и держит их в плотно закрытом помещении, поддерживая там постоянную температуру; если дверь открыть, цветы погибнут. Таким образом, все семена в целости и сохранности прибыли в Ливерпул [19].

Каучук был известен в Америке тысячи лет, но практический интерес стал представлять с конца 1841 г., когда удалось вулканизировать каучук. Предприимчивый и изобретательный американец Чарльз Гудьир сделал все, чтобы сохранить открытие в тайне и получить патент. Секреты вулканизации не раз похищались. Хотя в бесконечных тяжбах Гудьиру удалось продлить срок патента еще на семь лет, но нанесенный ущерб был слишком тяжелым. И основатель ныне процветающей резинотехнической компании «Гудьир» умер, оставив наследникам многотысячные долги. Начавшаяся эпоха массовой автомобилизации, развитие которой невозможно было без резинотехнической отрасли, потребовала большое количество каучука. Бразилия, рассчитывая на монопольные выгоды, под страхом суровой кары запретила вывоз семян каучуконосов.

Генри Уикхэму удалось нарушить монополию. В английском ботаническом саду из этих семян были выращены саженцы для посадки на островах Цейлон, Борнео и Малайского архипелага. За успешное похищение тайн, которое причинило экономике Бразилии колоссальный ущерб, пройдоха Уикхэм получил титул благородного дворянина. За что Англия возвеличила сэра Генри Уикхэма, Бразилия же, попадись он ей в руки, бесспорно, повесила бы этого новоявленного рыцаря туманного Альбиона на самой высокой рее.

Как некогда восточные пряности, так и какао завоевали мир. Королевские семьи, высший цвет аристократии и просто богатые люди полюбили продукт, изготавливаемый из какао-бобов. Шоколад входил в моду. Лакомки Европы вызвали ажиотаж в далекой Бразилии. Пеоны своим упорным и нищенски оплачиваемым трудом выращивали желтоватые плоды, напоминающие шарики со сладкими косточками. Их отправляли через порт Ильеус в далекие страны, где шоколад был в особой цене.

В течение целого столетия испанцы хранили секрет производства шоколада. Но в начале XVII в. о нем узнали по всей Западной Европе. Как и ацтеки, многие европейцы считали, что шоколад обладает возбуждающим действием. Некоторые полагали, что он излечивает лихорадку, хроническое несварение желудка и продлевает жизнь. Один же английский врач уверял, что шоколад — яд, своеобразно аргументируя свое заявление: «Для лекарства у него слишком хороший вкус!»

Какао — основа шоколада, а технология изготовления или рецепты — тайна. За такими рецептами идет подлинная охота на всех уровнях. Но пожалуй, в наибольшей степени охотятся за тайнами изготовления швейцарского шоколада. В западной прессе даже появился термин — «шоколадный шпионаж».

В настоящее время швейцарский пищевкусовой концерн «Нестле» имеет промышленные и финансовые интересы на всех континентах земного шара. Шоколад — один из основных продуктов компании.

Основатель фирмы Анри Нестле начинал свою карьеру не в шоколадном бизнесе, а в производстве детского питания. Но эксперименты со сгущенным молоком помогли швейцарскому кондитеру Даниэлю Петеру найти способ соединения какао и молока в твердой форме, и таким образом в 1875 г. появился первый молочный шоколад. Благодаря секретам производства шоколада «Нестле» взошел на вершину международного бизнеса. И нет такой силы, которая заставила бы руководство концерна обнародовать эти секреты.

В конце XIX в. швейцарцы разработали способ

приготовления твердого молочного шоколада. Были созданы новые машины для перемешивания жидкого шоколада, и его качество значительно улучшилось. Первоначально вообще скрывали наличие жидкого шоколада, затем наличие бобов, затем места плантаций, и так очередь дошла и до технологии изготовления шоколада.

Ученик повара при дворе князя Клеменса фон Меттерниха Франц Захер составил еще в 1882 г. рецепт изготовления шоколадного торта, названного по имени создателя. Его неповторимый аромат исходит от абрикосового джема, проложенного между слоями торта, покрытого шоколадной глазурью. Но рецепт держат в секрете и хранят в сейфе, доступ к которому охраняется всеми доступными хозяину средствами.

В условиях острой конкуренции рецепты приготовления шоколада охраняются как самые важные тайны. В 1980 г. в мировой прессе появились сообщения о «шоколадном шпионаже» в Швейцарии: один из служащих кондитерского предприятия компании «Зухард-Тоблер» ухитрился снять копии некоторых рецептов и попытался продать их нескольким иностранным посольствам. Анри Парель, занимавший тогда пост генерального директора фирмы, следующим образом комментировал этот факт: «У одного из наших молодых учеников были трудности с деньгами, он, по-моему, собирался купить автомобиль. Очевидно, он насмотрелся шпионских фильмов, поскольку держал рецепты в камере хранения на вокзале. Но его поймали. Газеты подняли большой шум вокруг этого. Можно украсть рецепт, но нельзя украсть огромный опыт, который необходим, чтобы приготовить шоколад» [20].

Бесспорно, опыт необходим. Но в данном случае генеральный директор занимается «ложью во спасение». Если действительно рецепты ничего не стоят, то почему их не публикуют, а хранят за семью печатями? В том, что эти секреты когда-нибудь добровольно будут опубликованы, очень малая вероятность, ибо секреты приносят дивиденды. Генеральный директор просто хочет убедить широкую публику и потенциальных похитителей в бес-

полезности таких акций и, следовательно, занимается профилактикой.

Скромный изобретатель вертела, безвестный кулинар, открывший достоинства жареного мяса, или тот, кто обратил внимание, что его козы начинают резвиться, когда пасутся в местах с кофейными кустами, для человечества сделали, бесспорно, больше, чем все сотрясатели Вселенной. Ныне чай, кофе, шоколад, как и многое другое, кажутся богоданными продуктами для того, чтобы бодрить и услаждать человека. Однако этими продуктами стали пользоваться не столь давно. Античные цивилизации не имели о них никакого представления, как и раннее средневековье.

Тайны производства и заварки чая и сегодня приносят прибыли, поэтому многие чайные, рестораны, фирмы, всемерно рекламируя свой товар, в строжайшей тайне держат фирменные секреты, за которыми охотятся асы шпионажа.

Шпионов никогда не щадили. Нередко их находили с перерезанным горлом, проломленным черепом или удавкой на шее. Во время войн их расстреливают без суда и следствия. Французская революция шпионов гильотинировала, Крупп после «энергичного допроса» замуровывал их в подвалах частной контрразведки, американцы сажали на электрический стул... однако меньше их не становилось.

Промышленный шпионаж

Переговоры о мире и шпионская активность особенно усиливаются в преддверии войн. Первая мировая война не была исключением. Европейские страны, еще не выяснив, кто с кем будет воевать, активно внедряли шпионов в концерны потенциальных противников и союзников.

В середине 80-х на телеэкранах в Англии появился новый Джеймс Бонд — умный, смелый, неразборчивый в средствах, изощренный в общении с мужами от политики и, разумеется, одинаково неотразимый в идейных спорах и в будуарах кра-

савиц. Три месяца подряд этот английский супермен появлялся на экране, завораживая фанатов и вызывая кривую усмешку тех, кто знает, как нелегок хлеб шпиона. Прототипом героя киноверсии послужило подлинное лицо — незаурядное, волевое и отмеченное печатью трагедии.

...В конце 1925 г. советская газета «Известия» сообщила среди прочего следующее: «В ночь с 28 на 29 сентября четыре контрабандиста пытались перейти финскую границу. В результате стычки с пограничниками двое были убиты. Третий арестован, а четвертый умер в результате тяжелого ранения». В 20-е годы ничего сенсационного в этом не было. Между тем событие имело чрезвычайно важное значение. Одним из убитых был Сидней Джордж Рейли, который сделал себе карьеру на сборе секретов военно-промышленного характера, но свернул шею на политическом шпионаже.

Рейли родился в Одессе. Отец был ирландским капитаном, а мать — русской мещанкой. От первого он унаследовал упорство в достижении целей, от второй — фантастичность идей. Сидней рано проявил талант и склонность к тайным акциям и продемонстрировал природные качества, столь необходимые в мире шпионажа. Этот человек обратил на себя внимание «самой тонкой разведки мира» — английской «Интеллидженс сервис».

Помимо ирландских корней выбору способствовал еще тот факт, что в начале века Сидней работал в петербургском военном концерне «Мандрочовича и графа Шуберского». Компания производила оружие для императорского военно-морского флота и потому не могла не вызвать интерес английских спецслужб сама по себе. Но ценность информатора многократно возрастала, если учесть, что военно-морской концерн сотрудничал с зарубежными фирмами. Англия и завербовала Джорджа Рейли. Время и условия вербовки русского подданного английской разведкой неизвестны до сих пор.

Провидению было угодно, чтобы Сидней поступил на службу в концерн «Мандрочовича и графа Шуберского» в те годы, когда он сотрудничал со

многими промышленными предприятиями и финансовыми институтами Германии, в том числе всемирно известными гамбургскими судостроительными заводами Блюма и Фосса. Если учесть, что вся германская программа строительства военных судов и подводных лодок так или иначе отражалась в деятельности концерна «Блюм и Фоссе», то можно предположить, как английское адмиралтейство дорожило своим агентом в русском стане. Секретные сведения военно-промышленного и финансового характера постоянно стекались в соответствующие секторы промышленности и банковского дела владычицы морей, как тогда именовалась Англия. Сколько кораблей и где строить, какой мощности и водоизмещения, количество и качество вооружений на кораблях и субмаринах, какие корабли планируется строить в будущем, кто кого кредитует и на каких условиях — все эти сведения, что составляют военно-промышленную тайну любой державы, одессит поставлял хозяевам.

Кстати сказать, «соплеменники» в чужих краях, каковы бы ни были их успехи там, наиболее часто оказываются вовлеченными в шпионские аферы против своей отчизны. Можно при желании найти аргументы в пользу того, что диаспории чаще предлагают сотрудничество, играя на их ностальгии. Равным образом можно уверять, что они сами, побуждаемые «генетической памятью», хотят принести пользу родине предков. Так или иначе, факт остается фактом. И спецслужбы всего мира прежде всего ищут агентов среди своих «сородичей».

К Сиднею Рейли это не относится в полной мере, ибо он только наполовину англичанин, вернее ирландец. Сделай ему русские предложения раньше и повыгоднее, быть может, он стал бы шпионить на островном государстве в пользу России. Спорить об этом можно бесконечно, но отрицать за ним шпионские таланты не приходится.

Рейли имел обширные связи и свободно владел семью языками. Знание языков позволило ему успешно осуществлять тайный сбор сведений в Японии, куда он был отправлен как «доверенный представитель» Русско-азиатского банка. Излишне го-

ворить, что Англия имела свои интересы и в этом регионе мира и, как всегда, Сидней Рейли поставлял важную промышленно-финансовую информацию. В любой части света деньги являются кровью войны и нервным узлом экономики. По интенсивности, направлениям движения и количеству их оборачиваемости всегда можно установить начинания того или иного правительства или министерства.

Японию он оставил для работы в США, где также продемонстрировал свои незаурядные способности, высокий профессионализм и результативность. В «Интеллидженс сервис» Рейли числился под кодовым обозначением «1 Эсти» и столь высоко котировался, что руководство отозвало его из Америки в 1916 г. и дало по сути дела фантастическое задание.

В том же году он перешел швейцарскую границу и внедрился в структуру германской военной машины. Трудно поверить, но ему удалось под видом офицера немецкого военно-морского флота проникнуть в германское адмиралтейство, похитить и переправить в Лондон тайный код германской военно-морской разведки. Без преувеличений это была самая блестящая и самая результативная операция в течение всей первой мировой войны.

В начале 1918 г. капитан Рейли был переведен в Россию, интересы которой уже не раз успешно продавал. Вначале казалось, что счастье шпиону улыбалось и в новой России. Связи, опыт, английские деньги и личные качества способствовали успеху. Он намеревался свергнуть революционное правительство, действовал уверенно, смело, но без больших успехов.

После убийства Урицкого в Петрограде отряд чекистов оцепил английское посольство. Началась перестрелка, в которой были убиты комиссар отряда и еще несколько сотрудников ВЧК, а также английский шпион Кроми, который и открыл пальбу. То, что Рейли чуть задержался, спасло его от пленения. В России он представлялся «товарищем», и у посольства, уже оцепленного ВЧК, его опознал чекист, но, к сожалению, «как товарища». Это и спасло шпиона. Ночь Рейли провел на квартире у эсера

Дронского. Затем по заданию тогдашнего военного министра Черчилля Рейли помогал Деникину. Рейли мечтал освободить Москву от «красной скверны». Он не скрывал своих честолюбивых амбиций и на сомнения возражал, говоря: «Корсиканский лейтенант артиллерии загасил пламя Французской революции, почему бы агенту английской разведки, при стольких благоприятных данных, не стать хозяином Москвы». Но вместо вожделенного титула «хозяина Москвы» Сидней получил пулю в лоб и кончил жизнь как заурядный контрабандист. Даже Англия, кому так преданно он служил, не нашла ни одного теплого слова в адрес сотрудника «Интеллидженс сервис». Скромный некролог гласил: «Сидней Джордж Рейли убит 28 сентября войсками ГПУ у деревни Аллекюль в России». Ни соболезнований, ни комментария, что вышеозначенный Рейли делал у деревни с чухонским названием Аллекюль *. Так кончил свою жизнь этот незаурядный шпион, много преуспевший в сфере промышленно-финансового шпионажа на трех континентах и потерпевший полное фиаско в политических заговорах.

Перед первой мировой войной в Германии разразился скандал, связанный с охотой шпионов концерна Круппа за секретами военного ведомства страны. В книге «Купи себе министра» повествуется о том, как Германию «потрясло» дело Корнвальцера. Бывший кайзеровский офицер подкупал по заданию Круппа чиновников военного министерства. Те поставляли важную секретную информацию. Таким путем Крупп стал крупнейшим производителем оружия, поскольку он заранее знал все потребности и все, что предлагали конкуренты [21]. Разумеется, нельзя объяснить успехи концерна только тайной сделкой офицеров военного министерства и шпионов, но то, что Круппы умели, как ни одна другая династия в стране, собирать секретную информацию и пользоваться ею, не приходится отрицать.

...Восемнадцатилетний английский студент Генри Перкин, в то время как его сверстники предавались

* Существует и другая версия, согласно которой Рейли заманили и расстреляли сотрудники ОГПУ (см.: *Минаев В. Н.* Тайное становится явным. М., 1960. С. 48).

первым наслаждениям взрослой жизни, возился с колбами, пытаясь извлечь из вонючей смолы хинин. В пробирке не было и намека на лекарство от малярии, но содержимое окрасилось в ярко-фиолетовый цвет. Результатом случайного открытия и был первый анилиновый краситель. До конца прошлого века художники при написании картин использовали красители естественного происхождения. С изобретением Генри Перкина отпадала необходимость добывать из коры и насекомых различные красители. Это была революция. Перкин сознавал значение собственного изобретения.

Но английские промышленники не разделяли восторга Перкина. Воистину, нет пророка в своем отечестве. Он был вынужден взять патент и начать собственное дело. У него не было предпринимательских талантов, родители не оставили капитала, в результате чего он не попал в число выдающихся капитанов индустрии. Фабрика скорее разоряла, чем обогащала.

Зато изобретение Перкина было по достоинству оценено немцами, которые зачастили в Англию. И вовсе не для того, чтобы выражать свои восторги изобретателю, а затем, чтобы овладеть его секретами. Выведав секрет извлечения красок из каменноугольной смолы, немцы стали совершенствовать способы добывания красителей и основали по сути новую отрасль индустрии, благодаря которой Германия и стала родиной химии. К началу XX в. она стала основным и, пожалуй, единственным крупным продуцентом анилиновых красителей. Сумрачный германский гений, подталкиваемый как отсутствием стратегического сырья, так и милитаризацией экономики, начал производить синтетическую нефть, каучук, а также аспирин и новокаин, сульфамиды и ракетное топливо.

Пауль Эрлих, лауреат Нобелевской премии, был среди тех, кто создавал сальварсан, предназначенный для лечения сифилиса, а химический концерн «Хёхст» получил патент на монопольную торговлю этим дорогостоящим препаратом. Ученые из секретных лабораторий химических концернов получали больше Нобелевских премий, чем ученые мужи из

именитых университетов. Карл Бош получил ее за синтезирование селитры и бензина, Герхард Домагк — за сульфамидные препараты, а Фриц Габер — за фиксацию азота. За этим наивным термином скрывалось создание отравляющих веществ и истоки химической войны. Не зря химиков, работавших на военные концерны, называли «алхимиками дьявола».

Правда, фиксацию азота, как и любое фундаментальное изобретение, можно было бы использовать и для мирных целей — для повышения урожайности полей. Но так было угодно судьбе и немецким милитаристам, которые использовали это величайшее изобретение не для того, чтобы накормить человечество, а для того, чтобы истребить его. Вслед за Германией возможности химии по достоинству оценивались и в других странах. Секреты росли в цене, как никогда раньше.

Германия защищала свои открытия путем запрета строительства заводов за рубежом. Патентные тяжбы, сбивание цен, переманивание ученых были обычным делом. Тайком вывозили не только идеи, чертежи, патенты, но и создателей патентов. Вот что писал, например, американский исследователь Джозеф Боркин о трудностях налаживания «сотрудничества» между крупнейшими химическими концернами США и Германии, которая, бесспорно, лидировала в химии красителей: «Производство красителей фирмой «Дюпон» получило дополнительный стимул благодаря технической помощи химиков «И. Г. Фарбениндустри», тайно вывезенных из Германии, а также активному содействию артиллерийско-технической службы армии» [22].

В 1920 г. председателю совета директоров концерна «Дюпон» удалось за большие деньги завербовать четырех немецких химиков из фирмы «Байер». Глава американского концерна смог тайком вывезти сундук с чертежами, формулами из Германии, но голландская полиция, случайно обнаружив на своей территории содержимое «саркофага», наложила арест. По обе стороны океана поднялся шум. Немцы обвиняли американцев в сознательном демонтаже своей химической индустрии, заманивании специа-

листов, в экспансии и агрессивности, а американцы в свою очередь напирали на свободу интеллектуалов выбирать себе альма-матер.

Арестовали четырех химиков. Флакслендра и Рунге удалось переправить в США, чтобы они работали в секретных лабораториях «Дюпона», Энгельмана и Йордана пришлось выкрасть из Германии с привлечением американской военной тайной полиции оккупационной армии США в Европе.

В апреле 1915 г. в Германии было испытано секретное оружие Габера. Секретным оружием было не что иное, как отравляющие вещества, которые уничтожили две французские дивизии и опустошили ряды англичан и канадцев.

Секрет создания отравляющих газов не мог не стать объектом промышленного шпионажа со стороны стран Антанты, и в первую очередь Франции. Французскому тайному агенту Люсьето удалось путем многих ухищрений овладеть осколком снаряда при испытаниях, на которых присутствовал «сам император Вильгельм II». И вскоре страны Антанты приступили к производству отравляющих газов [23].

В преддверии большой войны Гитлер встречался с представителями «Фарбениндустри». Он показал такую осведомленность и понимание важности создания жидкого топлива из угля, что Бош, который с самого начала стоял в оппозиции, воскликнул: «Этот человек умнее, чем я думал». Но Бош был человеком большого личного мужества и не побоялся перед фюрером выступить в защиту евреев, утверждая, что вынужденный уход ученых этой этнической группы отбросит развитие химии и физики на 100 лет. Гитлер прервал его: «Тогда мы будем работать 100 лет без физики и химии» [24].

Прежде всего Бош ходатайствовал за Габера, который сочетал в себе разум гения, хватку дельца и цинизм политика. Но Габера не спасло даже то, что из иудаизма он перешел в христианство. Национал-социалисты лишний раз продемонстрировали, что происхождение выше личности, анкета — таланта. Габер преследовался как еврей и был обвинен в вероломных чувствах по отношению к Германии, которую он очень любил. Он не выдержал этого

удара и скончался от сердечного приступа. Так погиб мозг, который не могла заменить даже живая дивизия «Мертвая голова». С Габером ушли и те секреты, которые исподволь складывались в мозгу этого творца оружия.

Немцы шпионили за американцами, англичанами и русскими, и наоборот. Один из асов фашистского шпионажа, Пиккенброк, писал, что главное внимание органов абвера было направлено на разведку конструкций и проектов самолетов, мощности и возможности перестройки промышленности на военный лад. В этом отношении американские инстанции и промышленные фирмы были откровенны. «Мы разыскали в Германии хороших технических специалистов и дали им указание прибыть на авиационные заводы безукоризненно одетыми, с заявлениями о приеме на работу в качестве монтажников и затем постараться зарекомендовать себя в глазах начальства. Чаще это удавалось, хорошие работники быстро выдвигались и допускались к производству секретной продукции. Если же этот путь не приводил к цели, то наши люди в большинстве случаев старались сдружиться на предприятиях с конструкторами, чертежниками, копировщиками и т. д.» [25].

Потсдамский мир ничего нового в тайную войну монополий не привнес. Как занимались шпионажем, так и продолжают, ибо конкуренция не знает перемирий и передышек.

Питер Гопэл, служащий американской корпорации «Интел», вошел в контакт с Томасом Данлопом. Последний представился менеджером американской электронной компании «Нэшнл семикондактор» и согласился купить у Питера схемы и чертежи перспективного блока компьютерной памяти, похищенные у «Интел». Условия джентльменского договора предусматривали обмен секретных бумаг на 100 тыс. долл. дорожным чеком на предъявителя. В действительности Томас Данлоп оказался офицером службы безопасности «Интел» и с самого начала переговоров фиксировал все разговоры на микромагнитную ленту. Через пару дней Питер передал секретные чертежи, но вместо чека на 100 тыс. получил полицейские браслеты.

Канадец Кеннет Брихнэн стажировался в американской корпорации «Калтэ электроникс» по созданию машин для анализа крови. Кеннет нашел свои заработки недостаточными и решил поторговать секретами приютившей его корпорации. Он привлек своего друга Роберта Лэмба, чтобы тот нашел покупателя. Друзья стали предлагать конкурентам на выбор схемы или коммерческую информацию. Более того, они предлагали саботировать работы «Калтэ», правда, за дополнительную оплату. Секретные схемы и коммерческая информация предлагались за 40 тыс. долл., а за саботаж, сверх того, требовали еще 60 тыс. долл. На предложение откликнулась «Текникон корпорейшн», которая и предупредила полицию. Когда друзья прилетели в Нью-Йорк Сити, их взяли с поличным [26].

Экономический шпионаж не обходился и без курьезов. Шпион попытался подкупить привратника конкурирующей фирмы, но выяснил, что опоздал. Увы, шпик третьей конкурирующей фирмы опередил вербовщика и получал информацию, доступную привратнику, а ему есть что сказать. Оказалось, что привратник поставляет необходимые материалы и информацию другому шпиону на основе «джентльменского договора».

Корпорации, которых обкрадывают, вынуждены молчать, а сам факт воровства держать в тайне. Это и понятно: никому не хочется публично расписаться в собственном бессилии. Но главное — в другом. В ходе судебного разбирательства экспертам, доказывающим приоритет корпорации, приходится раскрывать тайны промышленного, технического или коммерческого характера, которые асам экономического шпионажа и не снились.

Нередко менеджеры становятся шпионами, и наоборот. В начале 80-х годов руководство американской компании «Каст эквипмент» в Кливленде заметило, что заказы фирмы резко упали. Оно наняло частных детективов, ибо чувствовало, что дело нечисто. Пинкертоны обнаружили, что бывшие служащие прихватили с собой секретную коммерческую и технологическую документацию и открыли собственное дело. Знание секретов бывшей альма-матер

позволило новым бизнесменам наладить выпуск продукции и переманить клиентуру.

Экономический шпионаж в западном мире — очень выгодный вид бизнеса. Хотя шпионы работают, что называется, без основного капитала и без торговой марки, порой прибыли составляют огромные суммы. Это и толкает все новых искателей титула «аса шпионажа» на рискованные операции.

В начале 80-х годов полиция в северной Калифорнии арестовала специалиста «Мавез Кейк энд Кук компани» при попытке продать секреты корпорации конкуренту. Первоначально компания «Пепперидж Фармс» решила воспользоваться 12 кулинарными рецептами, предложенными начинающим шпионом. Однако вскоре «Пепперидж» так повела дело, что рецепты оказались в руках властей, которые и арестовали специалиста оклендской корпорации.

Трудно установить истинные побудительные мотивы руководства «Пепперидж Фармс», хотя оно склонно объяснить это деловой щепетильностью. Щепетильность в 99 случаях из 100 приходится отметать вообще. В данном случае звучит как издевательство над исконным смыслом этого слова. Если бы было иначе, зачем было вести переговоры?! Или в рецептах ничего стоящего не содержалось, и «Пепперидж», почувствовав подвох, решила отомстить, а «шпион понарошку», очевидно, не мог признать, что действовал по заданию собственного руководства. Или «Пепперидж» получила информацию, что полиция пронюхала и вышла на след. Тут не подходит и знаменитое «третьего не дано».

Более вероятным представляется то, что руководство корпорации «Пепперидж» изучило содержание рецептов и, предварительно скопировав, выдало их вместе со шпионом в руки полиции. Естественно, отпала необходимость платить и возиться «с этим грязным делом». Данный случай предупреждает собственных служащих о карах, которые падут на головы тех, кто польстится на легкие заработки за счет торговли секретами «родной» корпорации.

Крупный бизнес, будь то производство кофемо-

лок, услуги менеджмента или торговля оружием, не может обходиться без разведслужб. Так, компания «Интерармс» торгует старым американским оружием по всем континентам под эгидой ЦРУ. Как любая фирма, осуществляющая операции на межнациональной основе, она нуждается в деликатных услугах. «Копируя действия патронов,— писал публицист В. Левин,— президент «Интерармс» создал и собственную разведывательную систему. Дочерняя фирма компании «Камминге инвестмент ассошиэйтес» занимается выведыванием тайн частного рынка торговли оружием, чем приносит пользу не только «Интерармс», но и Вашингтону. Английская аббревиатура этой фирмы звучит точно так же, как и Центрального разведывательного управления: «Си-ай-эй». Намек прозрачен — малое ЦРУ в структуре «Интерармс»» [27].

Бизнесмены копят секреты и занимаются шпионажем не потому, что любят детективные ходы на сцене жизни, а потому, что сокрытие своих и выуживание чужих приносят дивиденды. Тайны имеют непреходящую ценность. Еще со времен французской революции острословы утверждали, что единственное средство от перхоти — оригинальное изобретение французского врача под названием «гильотина». Конечно, масса людей, подверженных этому нудному заболеванию, не могла удовлетвориться таким острословием. Фармацевтические и парфюмерные компании вели изыскания по созданию менее болезненных и более эффективных средств.

Так, западногерманская компания «Ганс Шварцкопф» создала противоперхотный шампунь «Себорин». При этом фирма, рекламируя свой товар, имеющий мировую репутацию, скромно отмечала: ««Себорин» содержит вещество, предупреждающее появление перхоти». Конечно, содержание вещества, как и технология его изготовления, хранится в строгой тайне. Ибо на этом основано процветание компании с международными масштабами деятельности.

Наряду с решениями правлений корпораций и банков, бухгалтерскими книгами, планами маркетинга и научных исследований коммерческую тайну

составляет содержимое контрактов. Одна и та же фирма может за аналогичные поставки платить совершенно различные суммы, или издательство за равноценные рукописи — существенно отличающиеся гонорары. Потерпевшая сторона остается в блаженном неведении, даже не подозревая, что условия договора могли бы быть лучше, а заработки выше. Коммерческая тайна, как и всякая тайна, ущемляет интересы многих в пользу немногих.

Секреты неистребимы, ибо обусловлены выгодой, потому и множатся. На их охрану тратятся колоссальные средства потому, что они приносят доходы, умножают привилегии и позволяют диктовать свои условия и правила деловых игр конкурентам и потребителям.

Секреты столь многообразны, сколь и виды человеческой деятельности. Любой бюрократ, допустив ошибку, может поставить на документ гриф «секретно», «конфиденциально», «совершенно секретно! по прочтении уничтожить» или, как шутят профессионалы, «сверхсекретно, перед прочтением уничтожить» и отправить в архив, где он истлеет со временем. Однако секреты в бизнесе оберегаются и похищаются с ловкостью и ожесточенностью корсаров. Охота за секретами становится все более изощренной, охват — все более масштабным. Прогрессирующее количество фактов подтверждает шпионскую мудрость «никому не доверяй!».

...Как и положено богатейшему человеку Франции, да еще в преклонных годах, авиапромышленник Марсель Дассо, выступая по телевидению в связи с «инцидентом Анри де Вотер», демонстрировал добродушие, снисходительность и даже сочувствие к чисто французской слабости. Суть инцидента была в том, что главный бухгалтер столь секретной фирмы, как авиакосмическая, Анри де Вотер пустился в бега, оставив собственную бездыханную супругу в ванной, где он ее случайно обнаружил. Однако испуг не помешал бухгалтеру прихватить 1,5 млн долларов, принадлежащих фирме. То, что помимо чужих денег доверенное лицо магната прихватило и хорошенькую танцовщицу, придавало инциденту чисто французский колорит. Не потеря

столь значительной суммы огорчала патрона, а исчезновение доверенного лица. Казалось, ничто не могло поколебать снисходительности Марселя Дассо, пока не обнаружилась мелкая пикантность, обернувшаяся первоклассным скандалом.

У танцовщицы был еще один любовник: более молодой и менее богатый. Как человек предусмотрительный, Анри собирал досье на Марселя Дассо и, как влюбленный мужчина, забыл о женском вероломстве. Эта юная особа, не долго думая, выкрала досье и отдала своему бедному возлюбленному. Решив воспользоваться удачей и пошантажировать магната, он передал часть материалов в газеты «Франс суар» и «Ле пойнт», которые и поведали широкой публике о том, что Марсель Дассо покупает политиков по всему миру, где сосредоточены его интересы, фальсифицирует отчеты, завышает издержки производства, обманывает потребителей, дает взятки местным властям, посылает своих людей в парламент и т. д.[28]

От благодушия Дассо не осталось и следа. Хотя набор обвинений был стандартным для магнатов, он сильно расстроился Одно дело — абстрактные обвинения, другое — когда о мошенничестве уважаемого и высокопоставленного человека кричат на всех перекрестках с указанием фактов, дат, адресов и фамилий вовлеченных в аферы лиц. Подлость бухгалтера тоже не прибавляла оптимизма. Тем более что французская общественность стала требовать национализации авиакосмической компании Марселя Дассо.

Неизвестно, как далеко зашли бы шантажист и газеты в «вывешивании грязного белья» и какова была закулисная сторона «полюбовной» сделки, но этот инцидент лишний раз подтвердил, что в мире бизнеса нельзя доверять никому, даже главному бухгалтеру, с которым проработал не один десяток лет. Шпионские сведения в руках шантажистов выступают мощным орудием давления. Досье собирают и миллиардеры и на миллиардеров. Такова жизнь бизнесмена.

В современную эпоху масштабы экономического шпионажа резко возрастают. Охота за чужими

тайнами позволяет сэкономить собственные средства на ведение прикладных и фундаментальных исследований, быть в курсе дел конкурента, сосредоточить все внимание на производстве и маркетинге. Дальнейшее развитие научно-технического прогресса, увеличение потока патентов и ужесточение конкуренции как «войны всех против всех» делают похищение чужих секретов особенно прибыльным и потому особенно притягательным.

Секреты охраняются законом. Против нарушителей можно возбудить иски, воспользоваться такими мерами судебной защиты, как возмещение фактических убытков, юридический запрет их использования, раскрытие торговых секретов третьим лицам, оплата судебных издержек, карательные штрафы.

Теоретики тужатся систематизировать шпионские трюки, расчленяя и ранжируя их по целям и средствам. Однако, как говорил Гёте, «суха теория везде, а древо жизни пышно зеленеет». В беспощадной конкурентной борьбе побеждает тот, кто обладает достоверной информацией, новыми идеями, оригинальными техническими решениями, т. е. научно-технической информацией. Те, кто обладает информацией, в погоне за выгодами пытаются утаить ее от конкурентов, а последние в свою очередь пытаются любой ценой овладеть их секретами. Носители секретов принимают всевозможные меры, чтобы не допустить утечки информации и закрыть доступ к ней. Именно секретность создает идеальные условия для коррупции.

Глава II

Шпионаж во имя бизнеса

Грани коррупции

Образ Фауста лепили и до Гёте, и после него. «Новый Фауст» следующим образом резюмировал последствия изобретения денег дьяволом для человечества: «...какой гениальный шаг вперед сделан был, когда словом «деньги» мы заменили золото, когда мы изобрели потом векселя, билеты, ассигнации, арбитражи, переводы, лажи, проценты, акции, капиталы, облигации, дивиденды! Какое облегчение явилось от них роскоши, мотовству, разбою, эгоизму, скупости, глупости!.. Прежде, когда надобно было подкупить судью бараном, всякий мог заметить подкуп,— баран блеял, соседи видели, а теперь никто не видит и не блеет, когда приносят судье того же барашка, но только в бумажке!» [1]

Подкуп при наличии денег — самый прямой и эффективный путь достижения целей, будь то получение секретной информации, нужного решения или защита интересов «дары приносящих» на алтарь государственной бюрократии.

Путь вокруг земного шара для Магеллана и его спутников напоминал ад, хотя для тех, кто дожил, он стал дорогой богатства и славы. Однако путь через пролив в южной оконечности огромного Американского материка не мог устраивать торговцев. По мере вовлечения Нового Света в хозяйственную жизнь Старого все более очевидной становилась необходимость прорытия канала через Панамский перешеек, словно созданного самой природой посередине материка, для того чтобы соединить два океана.

«Дорога в ад вымощена благими пожеланиями»,— формулируют французы извечную и трагическую дисгармонию между благородством целей и отвратительностью средств. Инженерный гений

французов уже видел, как континент прорезается судоходным каналом, который откроет немыслимые горизонты для коммерции и обогащения человечества. Любое начинание нуждается в деньгах.

Как и предписывает закон, в конце XIX столетия во Франции была организована компания с капиталом 900 млн фр., что по тем временам было колоссальной суммой. Отец и сын Лессепсы стали во главе дела по «перекраиванию» географической карты мира. И творец всемирно известной башни в Париже, Эйфель, принял посильное участие в этом гигантском проекте.

На поверку оказалось, что технический проект предусматривал слишком большой объем работ, сметная стоимость позднее представилась слишком заниженной, рабочие оказались очень ленивыми, к тому же подверженными «желтой лихорадке», которая косила их сотнями, административный аппарат — раздутым, техника — ненадежной, поставщики — жуликоватыми, земля — твердой, погода — жаркой, кухарки — грязными, москиты — агрессивными и т. п.

Единственно, что было великолепно, так это только то, что в Париже была выстроена величественная штаб-квартира, на которую ухлопали 2 млн фр. Конечно, руководить строительством из Парижа было не очень удобно, зато под боком были и Булонский лес, и ресторан «У Максима», и Монмартр, где танцевали головокружительный канкан, до которого мулаткам из забытой богом и руководством Панамы было так же далеко, как от парижской биржи до заброшенного котлована на перешейке.

Акционеры ждали дивидендов, но, чтобы сбить ропот, их обманывали, рисуя новые перспективы. За ширмой высокопарных рассуждений деньги расхищались повсеместно. За воровством следует обман, за ним — еще большее воровство. Скандал был неминуем, ибо дело подменили разговорами о деле. То, что казалось возможным в прекрасной Франции, оказалось непреодолимым в не менее прекрасной Панаме. За четыре года было истрачено более половины собранных денег, а дела шли все хуже и хуже. Логика вещей требует, чтобы долги покрыва-

лись новыми долгами, как большой обман прикрывался еще большим. Махинации зашли слишком далеко, финансовое положение было плачевным, акционеры чересчур возбуждены, высокопоставленные лица уж очень погрели руки, чтобы предпринимать что-нибудь во имя дела. И тогда было решено выпустить облигации выигрышного займа.

Выпуск займа считается законным актом для восстановления финансового положения компании. Но то, что предлагало руководство компании, было лотереей. Займы подлежат погашению, да еще с процентами. Выигрышный заем хорош, как и любая лотерея, тем, что, собрав 100 млн и выдав из них 10 как выигрыш, 90 млн можно прикарманить.

Такие игры монополизированы государством, и для их осуществления требуется особое разрешение правительства. Естественно, французское правительство не желало сотворить себе конкурента. Тогда в лучших традициях парламентской республики компания натравила на правительство прессу. Взятки — вот та сила, которая заставила прессу «тявкать и кусать» как отдельных представителей власти, так и все правительство целиком. Только на подкуп прессы было израсходовано более 30 млн фр. История свидетельствует, что это были столь благоприятные для газетчиков времена, когда достаточно было прийти в штаб-квартиру и показать визитную карточку знакомого редактора, чтобы получить деньги на карманные расходы. В сложной политической обстановке, когда несколько партий с равным успехом могли прорваться к власти, никто не хотел ссориться с газетами. И такой выигрышный для руководства компании заем был разрешен. Руководство компании еще на 300 млн фр. обобрало французов, привлеченных бешеной рекламой к этой межконтинентальной афере.

Быстро улетучились и эти деньги. И немудрено. Компания содержала шпионов, жуликов, аферистов самых различных мастей, лазутчиков, наводчиков, взяткодателей и взяткополучателей во всех эшелонах государственной власти. Депутаты, сенаторы и министры состояли на довольствии компании, не говоря о такой «мелочи», как главные редакторы

газет и высокопоставленные чиновники соответствующих министерств и департаментов. Из привлеченных почти 1,5 млрд фр. на строительные работы было затрачено около 600 млн, и те осели в карманах поставщиков и шушеры, орудующей на Панамском перешейке. Почти 900 млн фр. растеклись по таинственным каналам коррупции. Если бы это были государственные деньги, то их бы списали на ушедшее правительство.

Но это были персонифицированные деньги, и акционеры вели себя «возмутительно», требуя компенсации. На мутной скандальной волне взошли новые политические лидеры, которые до хрипоты требовали восстановления попранных прав обманутых акционеров. Незамешанные депутаты и министры, газетчики, чиновники, а также просто порядочные люди, которых никогда не стоит сбрасывать со счетов, объединились, требуя суда над растратчиками. Запахло жареным. Все бросились искать алиби и покровительства влиятельных лиц. Тревога нарастала.

Ко всеобщей радости, банкира Жака де Рейнака, ответственного за выпуск займа, нашли мертвым. Тайну смерти похоронили вместе с банкиром. Заинтересованные люди в один голос стали обвинять его во всех злодеяниях. Предполагаемое самоубийство преподносилось как доказательство того, что он один был во всем виноват, за что бог и покарал.

В бесконечных парламентских запросах, в судебных дискуссиях, обвинениях, опровержениях, контробвинениях и контропровержениях все как-то забыли не только о строительстве канала, но и о миллионе мелких держателей акций, которые разорились. Панамский процесс стал прекрасным предлогом для нового сведения старых счетов.

Следственная комиссия, назначенная парламентом, установила, что квартиру Рейнака «забыли» опечатать, зато не «забыли» его труп похоронить без вскрытия. Комиссия потребовала дать ей широкие полномочия, но глава французского правительства Лубе, чувствуя, что комиссия может вытащить на свет «партийные скелеты», отказал. Парламент взбунтовался, обвиняя правительство Лубе в соучас-

тии, и вынес ему вотум недоверия. Новый кабинет возглавил Рибо, который пересел из кресла министра иностранных дел. Освободившееся место занял Лубе. Об этой политической рокировке немецкий посол в Париже сообщал своему министру, что правительство Лубе — Рибо, которое утонуло в Панамском канале, возродилось как правительство Рибо — Лубе [2].

Между тем следствие продолжалось. При обыске у банкира Тьерре, замешанного в этом скандале, среди прочих бумаг был обнаружен чек на 2 млн фр. на имя Корнелиуса Герца. Последнее многим было не по нутру, и этот «фактик» попытались замять. Но не тут-то было. Имя Корнелиуса Герца всплыло вопреки всем усилиям обвиняемых.

Одаренный от природы умом, с деловой хваткой, образованный, любознательный и щедрый, он представлял собой экземпляр международного авантюриста, шпиона и сводника между дельцами, которым всегда необходима политическая поддержка, и политиками, которым всегда катастрофически не хватает денег. Недаром один из обвиненных депутатов, Рувье, с высокой трибуны утверждал: «Здесь делают вид, будто только в конце XIX в. впервые узнали, что для правления страной нужны деньги. Если же парламент не дает их в достаточном количестве, то политический деятель, который находит их благодаря своим личным связям, заслуживает всяческой похвалы» [3]. Но никто его не похвалил ни принародно, ни через газеты, а парламент еще лишил мандата неприкосновенности.

Без матерого тайного агента, пользующегося доверием руководителей Панамской компании и правительственных кругов, такая грандиозная афера была бы немыслима. Именно таким агентом и был «всеобщий друг, советчик и кредитор» Корнелиус Герц. Он был первоклассным шпионом, до тонкостей изучил механизм функционирования государственной власти, рычаги, приводящие его в действие, скрытые мотивы политиков, их чаяния, стремления, слабости и пороки.

Когда Шарлю Лессепсу впервые представили Герца, тот засомневался в том, что новоявленный

«экономический Фуше» вхож в высшие сферы. Каково же было удивление Шарля, когда через пару дней Герц принес ему приглашение в загородную виллу Жюля Греви — президента Франции. Шарль не верил до тех пор, пока президент сердечно не поздоровался лично с ним. Они вместе провели целый день, и не было никаких сомнений, что Герц — друг семьи президента Французской Республики. С этого дня руководство злополучной компании предоставило Герцу безграничный кредит, чем он и пользовался, ни в чем не отказывая ни себе, ни «друзьям».

Политическая, дипломатическая и шпионская ловкость Корнелиуса и колоссальные деньги сделали его «человеком, от которого зависели судьбы, к ногам которого бросались, у которого вымаливали милости, которого заклинали молчать», хотя он никем не был. Имя это всплыло в самый неподходящий момент и самым скандальным образом. Председательствующий уже собрался объявить заседание закрытым, когда депутат Дерулед сделал запрос о намерениях правительства относительно Корнелиуса Герца, «кавалера большого офицерского креста ордена Почетного легиона». «Каким же образом этот вражеский агент смог завоевать такое беспримерное положение?» — вопрошал Дерулед, обвиняя Клемансо в том, что именно его поддержка и сделала английского тайного агента всесильным Корнелиусом.

Зал замер. Стало слышно, как тяжело задышал Клемансо. Это была его ахиллесова пята. Вопрос означал, что его лично обвиняют в измене и шпионаже. Левый радикал, социалист, поборник славы Франции и гроза кабинетов, который своими острыми, умными, едкими и аргументированными выступлениями ввергал правительство в пучину кризиса, оказался в ложной ситуации. «Тигр», как прозвали Клемансо за агрессивную, атакующую манеру спичей, после довольно слабого опровержения достаточно экспрессивно бросил в затихший зал: «Господин Дерулед, вы солгали». И Клемансо послал Деруледу вызов на дуэль. Условия дуэли были убийственными: три выстрела с 25 метров. Большая

толпа людей сопровождала депутатов, чтобы быть свидетелями, как люди чести умирают «за честь и величие Франции».

Тупой шовинист и острый радикал обменялись выстрелами. К великому разочарованию толпы, никто не был убит. Хотя честь Франции и была спасена, кровавый спектакль не состоялся. Стрелки вернулись в парламент. Деруледа, хотя он никого и не убил, чествовали как героя. Клемансо слишком многим досадил, а потому всех еще больше раздражало то, что он не дал себя убить. Дерулед нашел еще одно неопровержимое доказательство того, что Клемансо был тайным агентом: оказалось, что он бегло говорил по-английски. Парламентарии не могли не согласиться с этим аргументом. Можно полагать, что только тайные агенты Англии говорили во Франции по-английски. По этому поводу Дерулед сорвал новые аплодисменты «отцов отечества». «Тигр» вновь вызвал «обидчика» на дуэль, на этот раз с намерением убить. Он был прекрасным стрелком.

В этом деле Клемансо преследовали неудачи. В дуэли ему отказали. Тогда в радикальной газете «Жюстись», что в переводе с французского означает «Правосудие», Клемансо оскорбил Деруледа: «Этот субъект известен как лжец. Теперь он показал себя еще трусом. И этого достаточно!» Но этого оказалось явно недостаточно. Газета «Кокард» поместила редакционную статью, в которой отмечала, что имеет документы, неопровержимо доказывающие шпионскую деятельность Клемансо в пользу иностранной державы.

Дело было в том, что негр по имени Нортон представился врагам Клемансо переводчиком при английском посольстве и предложил в обмен на 100 тыс. фр. 14 писем, изобличающих Клемансо как агента английской разведки. Ликованию правых не было предела. Им виделось, что Клемансо уже политический труп, и они поспешили поведать об этом всему миру. Доставленные Нортоном письма были в копиях, но за гербовыми печатями и на официальных бланках, с пометкой «Служба секретных фондов» и за подписью секретаря британского

министерства иностранных дел Листера. В списке английских агентов значился и Клемансо. Дело выглядело слишком серьезным, и было решено проверить, есть ли в посольстве такие люди. Нортон и Листер там значились.

24 июня 1893 г. соратник Деруледа, депутат Мильвуа, в предчувствии триумфа поднялся на трибуну и был... осмеян. Обвинения были настолько несерьезными, насколько представленные «неопровержимые улики» — фальшивыми. Оказалось, что хотя Нортон и Листер значились в списках английского посольства, но они не имели никакого отношения к тому негру, который продал им документы [4]. Черный человек сделал свой черный бизнес.

Желание видеть Клемансо раздавленным было настолько велико, что не заметили, как за огромную сумму им подсунули поддельные документы. Два голоса, прозвучавшие против осуждения Деруледа и Мильвуа, принадлежали Деруледу и Мильвуа. Им пришлось покинуть парламент.

Клемансо подал в суд и получил с клеветников один сантим, как то и предусмотрено законом. Хотя Клемансо и вышел почти незапачканным, но потерял мандат депутата. Избиратели, помня, что «не то он что-то своровал, не то у него что-то своровали», прокатили «Тигра», как котенка. Впервые в 52 года он оказался не у дел. Что ни говори, возраст не самый подходящий для начала новой жизни.

Пожалуй, из политических деятелей этой грандиозной финансовой аферы наиболее пострадал Клемансо, который потерял звание депутата и приобрел сомнительную честь называться агентом английской разведки. Если представить величие Франции в виде двуглавого Эльбруса, то, бесспорно, наиболее высокая вершина была покорена Наполеоном, вторая, так же бесспорно,— Клемансо, победителем в первой мировой войне.

И вопрос совсем не риторический: был ли поднявшийся из нокдауна и занявший в грозные годы войны место на вершине государственной власти Клемансо замешан в этой афере? Бесспорно, «Тигр» любил Францию, работал на ее величие, не продавался иностранным разведкам, не торговал инте-

ресами нации. Но истина свидетельствует о том, что он искренне любил себя и свои удовольствия, а это в Париже стоит недешево. Если к этому прибавить помимо семьи любовь к оперной диве Роз Карон, то станет ясно, что денег надо было много. Клемансо не имел ни состояния, ни богатых родственников, Панамская компания дала ему Корнелиуса Герца с его деньгами. Клемансо и воспринял это как дар небесный. Не случайно он позже утверждал, что его друг был законченным мошенником и, «к сожалению, этого не было написано на кончике его носа». На кончике, может, и не было, но вся его жизнь и желание угодить властям деньгами и услугами были тому порукой. И не мог политик не знать, что Корнелиус не всем нуждающимся дает деньги, а только тем, в ком он и его «друзья» нуждаются.

Людям свойственно прощать себе то, за что другие, по их мнению, заслуживают казни. Клемансо, который глубоко и искренне ненавидел фальшь и коррупцию и никогда не упускал случая ввязаться в борьбу за чистый облик государственных деятелей, считал для себя позволительным пользоваться карманом «бескорыстных» друзей вообще и Корнелиуса Герца в первую очередь, который вовремя сбежал из Франции.

Между тем судебная машина медленно проворачивалась, выявляя все новые имена «проворовавшихся сторожей». Все происходило, как в известной книге Ильфа и Петрова. Лессепсу-старшему в 1893 г., когда суд близился к концу, исполнилось 88 лет, а потому он стал неподсуден, ибо в эти годы человек ближе к небесному престолу, чем к земной суете. В отличие от зиц-председателя из «Золотого теленка» Лессепс-старший не собирался сидеть, а потому его сын, который и заправлял всеми делами, назвал новое имя — Байо. Будучи министром общественных работ, он получил около 400 тыс. фр. в дополнение к министерскому жалованью от Панамской компании.

Министр стал каяться в «помутнении разума», нашедшем на него, когда он согласился взять «проклятые деньги». Другие пять членов парламента стали уверять серьезно и громогласно, что вообще не

знают, что такое взятка, а то, что им Панамская компания «заплатила», так это «гонорары за консультации и экспертные оценки». За «отсутствием улик» их оправдали, а Байо, возможно единственный человек, искренне каявшийся, поплатился пятью годами тюрьмы и штрафом в 750 тыс. фр. Высокие слова «министр и депутат» стали синонимами слов «мошенник и взяточник». Правда, и это было не ново. На оскорбление «подлец» еще шекспировский Яго отвечал не меньшим оскорблением: «А ты сенатор!»

В этом же году состоялся суд над директоратом Панамской компании по обвинению в мошенничестве и злоупотреблении доверием. Оба Лессепса и инженер Эйфель отрицали свою вину на том основании, что те, кто были поставлены соблюдать законы, требовали с них денег за выполнение собственных прямых обязанностей. Жаловаться на властей, как известно, некуда.

Красноречию адвокатов не было предела. Они цитировали Сократа и Софокла, Катона-старшего и Катона-младшего, Гумбольдта и Гёте, Шекспира и Шопенгауэра. Если им верить, получалось, что тысячелетиями все величайшие умы человечества тем и занимались, что оправдывали взятки власть имущих вообще, а панамских аферистов в особенности.

Да и сами обвиняемые не теряли присутствия духа. Сидели в удобных креслах, обращались к ним «господа обвиняемые», и каждый раз, когда прокурору приходилось произносить слова «взятка», «мошенничество» или «обман», он предварительно извинялся. Если бы они обворовали бакалейную лавку, то и прокурор, и судья нашли бы действенные слова, чтобы заклеймить позор, коррозирующий человеческое достоинство. Но люди, которые разворовали 1,5 млрд фр., вызывали уважение. Масштабность и есть величие. Если во имя своих интересов какой-нибудь субъект убивает старуху процентщицу, от которой всем только вред, его, как Раскольникова, обрекают на вечную каторгу. Если такие, как Александр Македонский, Наполеон, умерщвляют миллионы, их называют великими. Такова история.

На вопрос судьи о непомерной щедрости компа-

нии по отношению к политикам Шарль Лессепс не без пафоса ответил:

— Мсье ле жюж, когда в глухом лесу вам приставляют к горлу нож, вы ведь вынуждены отдать и кошелек, и часы, и все, что потребуют.

— Но если вас ограбили,— попытался возразить судья,— вы обращаетесь в полицию...

— Разумеется, господин судья,— парировал Шарль с чисто французским остроумием,— за исключением тех случаев, когда кошелек и часы отбирают полицейские [5].

После судебной волокиты, неизбежной в таких грандиозных делах, кассационный суд предписал отпустить всех арестованных членов директората «за недоказанностью вины». А то, что канал не построен, деньги разворованы, акционеры разорены, как-то не укладывалось в остроумные и не лишенные чисто французского изящества судебные диспуты о политике, морали, этике, судебных казусах, о насмешках судьбы и кривотолках, на которые столь падки непросвещенные слои и пресса. Об этих мелочах предпочитали, проявляя высший светский такт, не говорить [6].

Пожалуй, Панамская компания сотворила самый колоссальный канал по перекачке денег из карманов жаждущих обогатиться обывателей в карманы алчных дельцов, продажных политиканов и нечистоплотных журналистов. Панамский канал был построен американским капиталом с не меньшей помпой и не без коррупции, столь излюбленной потентатес.

Коррупцию породила не Панамская компания, и не с ней она умерла.

В начале века крупнейший промышленник и торговец оружием Захаров широко использовал взятки как «смазку, без которой бюрократическая машина проворачивалась со скрипом». Помимо прямых взяток, «проигрышей в карты сановникам», «катания на санях с цыганами» и прочих трюков, на которые охотно ловятся власть имущие, он применял новшества собственного изобретения. К примеру, он вбегал в кабинет нужного человека в военном департаменте России и начинал с «пеной у рта»

доказывать, что «сегодня — среда», заведомо зная, что «сегодня — четверг». Спор заканчивался большой ставкой. Высокопоставленный чиновник без труда доказывал абсурдность его утверждения и «с чистой совестью» и самоуважением (у самого Захарова выиграл) клал в карман приличную мзду.

Эти трюки кажутся детскими шутками по сравнению с подкупами, осуществляемыми транснациональными корпорациями в мировых масштабах. Подкуп государственных чиновников, как и борьба с ним, имеет глубокие исторические корни. Так, правительство «блестящей Порты» решило, что можно извлекать выгоду из столь бурного и непреоборимого темперамента своих чиновников, установив налог со взяток, который аккуратно собирала особая канцелярия. Приемы взяткодателей столь же разнообразны, как и характеры людей. Тут работает только индивидуальный подход. Так, для ажана из полиции нравов достаточно, чтобы его бесплатно допускали до мулатки, хотя бы раз в неделю, начальнику уже нужно, чтобы дочке подарили платье от Диора. Мэр города требует, чтобы в его кабинете предприниматели не забывали портфели с купюрами, когда там находятся помощники. Политик требует, чтобы честно финансировали его предвыборную кампанию, а лидер партии — чтобы регулярно на спецсчета партии поступали деньги «от неизвестных поклонников» [7].

Как и суверенные государства, международные монополии содержат систему агентств во всех странах мира, представляющих их торговые и промышленные интересы. Обладая огромной финансовой и экономической мощью, они навязывают свои условия правительствам стран базирования, равно как и «правила игры» суверенным государствам Азии, Африки, Латинской Америки.

Сейчас золото, как неприкосновенный запас государства, хранят в подземных хранилищах и сейфах под надежной охраной «хитроумных, как Одиссей», электронных церберов. Но его полномочные символы — бумажные деньги и чеки остаются такими же надежными отмычками к сердцам законодателей и исполнителей верховной власти. Пер-

вые, получив взятки, принимают нужные крупному капиталу законы. Вторые их исполняют с рвением, достойным лучшего применения, а нередко и в обход законов, во имя исполнения и защиты которых они и были выбраны «от имени народа и для народа».

Подкуп — сложный процесс, включающий в себя экономический шпионаж в чистом виде. Прежде всего надо выяснить возможности того или иного деятеля содействовать осуществлению целей. После этого точно установить его финансовое и семейное положение, привычки, склонности, слабости, присущие как ему самому, так и членам его семьи. Затем надо собрать необходимый, а если есть, и компрометирующий материал на его доверенных лиц, ибо посредниками в основном выступают они. Другими словами, надо точно знать, кому дать, сколько, когда и через кого. Это требует долгой, кропотливой работы, ибо деликатная информация дается не сразу. А потому крупные корпорации через свои специальные отделы постоянно собирают всевозможную информацию относительно общественных и политических деятелей.

«Зло проистекает свыше»,— писал французский журнал «Экспресс интернасиональ», имея в виду зло, именуемое коррупцией [8]. Коррупция финансирует предвыборные баталии, округляет доходы государственных служащих, способствует снижению налогов взяткодателей и фальсифицирует рынок ширпотреба, освобождает от штрафов и увеличивает доходы рантье, помогает быстрее решать свои проблемы, застревающие в бесконечных лабиринтах бюрократических структур. Правда, она же подрывает экономику, общее благосостояние, разрушает окружающую среду и обворовывает казну. Но это, так сказать, издержки подкупа. Коррупция и бюрократия — две стороны одной медали, имя которой истеблишмент.

Рантье платит «денежным барашком» налоговому инспектору, промышленник — мэру, финансист — политику, наконец, одно государство подкупает членов правительства другого государства. И всем участвующим хорошо. Поскольку платить

кому-то надо, то и платят широкие слои, которым и неведомо, почему они так много работают и так мало получают.

Государства, основанные на запретах, быстро приходят в упадок, хотя и гниют долго. Поэтому бюрократические лабиринты — это наикратчайший путь к декаденсу. Истеблишмент понимает это и пытается бороться, опять-таки бюрократическими методами, организационно-юридическими мерами.

В той же Франции за взятки дают до 10 лет отнюдь не вольготного режима. Официально 110 тыс. высококвалифицированных специалистов занимаются борьбой со взяточниками в рамках Генеральной инспекции национальной полиции. Иначе говоря, это полиция против полицейских юристов, виновников, которые не прочь поживиться за счет тех, кого они обязаны опекать.

Во время второй мировой войны американское правительство наложило арест на имущество совместной американско-немецкой компании, считая ее дочерней фирмой «Фарбениндустри». После войны немцы начали судебную тяжбу, надеясь получить компенсацию за убытки. Однако дело медленно переходило из одной судебной инстанции в другую, везде получая отказы. Уже к 1950 г. наследники «Фарбениндустри» были согласны получить хотя бы 14 млн долл., чтобы считать свои претензии удовлетворенными. Но им столь же упорно, сколь и однозначно, отказывали. Казалось, дело было проиграно окончательно.

Вопреки всем сложностям в середине 60-х годов наследники получили 122 млн долл. Чудес не бывает, тем более в английском праве. В силу вступили таинственные политические пружины, приводимые в действие деньгами. То, что не удавалось армии высококвалифицированных немецких, швейцарских, где фирма была зарегистрирована, и американских адвокатов, удалось аристократу, в общем-то далекому и от юриспруденции, и от политики.

Долгое время имя «заступника» держали в тайне, пока в 1968 г. на суде, под честное слово не публиковать имя таинственного ходатая, оно не

было произнесено. «Это князь Радзивилл, зять президента США Кеннеди»,— заявил истец [9].

Американский президент Т. Джефферсон любил цитировать Цезаря, который утверждал: «За деньги мы достанем людей, а с людьми сделаем деньги». В этом суть многоликой коррупции. Как ни парадоксально звучит «Взятка через суд», но и такая уловка имеет место. Так, в начале 80-х годов миллиардер и торговец оружием Аднан Хашогги предъявил через суд иск американской корпорации «Нортроп» на сумму 20 млн долл. На суде юристы корпорации признали все притязания Хашогги обоснованными и выразили готовность выплатить обусловленную сумму. Суду оставалось только вынести соответствующее решение.

Спрашивается: к чему суд, если корпорация и так соглашалась на выплату комиссионных? В том-то и дело, что пресловутые комиссионные по сути были взяткой, которая, как известно, карается американским законом. Едва произносят имя Хашогги, писал журнал «Жен Африк», «как в воображении сразу же возникают каскады долларов, оргии, неслыханная роскошь, богато отделанные частные самолеты и яхты, секретные встречи, баснословные взятки, ожесточенные и грязные торги, в ходе которых незначительный процент означает колоссальные суммы, взятки официальным лицам, облеченные в достойную форму займов. Это своего рода Уолл-стрит эпохи сказок «Тысячи и одной ночи»» [10].

Такая персона сама по себе не могла не привлечь внимание журналистов, политиков и юристов. Военно-промышленная корпорация «Нортроп», которая экспортирует 80% своей смертоносной продукции за рубеж, вынуждена прибегать к помощи Хашогги, контролирующего экспорт оружия на Ближний Восток. «Нортроп», желая избежать расследования со стороны американской Фемиды, и прибегла к такому оригинальному способу дачи взятки, как комиссионные через суд. Уж если суд обязал дать взятку, то с участников аферы «взятки гладки».

Официально зарегистрированные лоббисты, будь то в Вашингтоне, Париже или Токио,— это только

вершина айсберга. Тысячи нитей, которые связывают мощные корпорации с государственным истеблишментом, остаются невидимыми. Именно скрытность позволяет обогащаться за счет налогоплательщика и тем, кто принимает законы, и тем, кто размещает заказы от лица государства, и тем, кто их выполняет. Более того, к их услугам специалисты, которые ловко угадывают желания власть имущих и умеют «вплетать золотые нити» в серое полотно жизни столичных политиков, законодателей и чиновников Пентагона.

Желания эти стары, как мир, и сводятся к роскошным апартаментам в фешенебельных отелях, поездкам на острова Фиджи и Гонолулу с их великолепными барами и ресторанами. И все это бесплатно! Разумеется, для гостей. Все это они отрабатывают в Вашингтоне или в Лондоне, где проталкивают выгодные контракты и ведут борьбу за снижение налоговых ставок с монопольных прибылей. Такие международные монополии, как «Экссон», «Шелл», ИТТ, «Дженерал моторс» и другие, могут организовать зарубежные ознакомительные турне нужным людям с очередной возлюбленной без лишнего шума, нередко на собственных самолетах. В то же время специальные агенты корпораций и банкиров усиленно обхаживают любимых и нелюбимых жен нефтяных шейхов и эмиров, преподнося им «безделушки» (редкостные самоцветы, паранджи, изготовленные по стандартам «Кристиан Диор»), или организовывают концерты звезд — «хит парады», с тем чтобы «розы гаремов» выступали ходатаями тех, кто проявляет столько внимания, щедрости и «бескорыстия».

Везде свой шик. Лоббисты из Капитолия носят роскошную обувь только итальянской фирмы «Гуччи». Человек, который зарабатывает 400 долл. в час, может себе позволить такие ботинки. Сколько получают сами конгрессмены и сенаторы «за услуги» — тайна за семью замками.

В США в 80-е годы лучшим толкачом считался Майкл Дивер, который был вынужден покинуть пост заместителя руководителя аппарата сотрудников Белого дома за то, что оказался не чист на

руку. После этого он стал зарабатывать в 6 раз больше, чем командуя министрами. Дело в том, что он сохранил доступ в Белый дом. Это чего-то да стоит. В частности, для сеульского правительства «доброе слово Майкла перед лицом президента» стоило 1,2 млн долл.[11]

Лоббистами стали бывший министр обороны Клиффорд, заместитель помощника госсекретаря Андерсон и многие другие высокопоставленные лица ушедших администраций. Достаточно сказать, что фонды крупнейших корпораций США, предназначенные для подкупа, достигают десятков, а то и сотен миллионов долларов. Еще царь Македонии, отец Александра, говорил, что «осел, нагруженный золотом, возьмет любой город».

Политика — тот же бизнес, куда вкладывают деньги и ждут дивидендов. Секретность — душа подкупа. «Наше правительство не может функционировать, погрузившись в тину секретности», — утверждал американский конгрессмен Ли Гамильтон [12]. Не может — еще не значит, что не функционирует, о чем свидетельствуют бесконечные скандалы в Вашингтоне.

...Призраки, именуемые джименами, появились во вторник, 14 июня 1988 г. Они объявились в 13 местах одновременно. Их самоуверенность, оперативность и цепкость вселяли ужас, словно явились не специальные агенты ФБР, чтобы наложить арест на служебные кабинеты Пентагона и военно-промышленных корпораций, расквартированных в 12 штатах США, а настоящие призраки, наделенные злой волей и коварством.

Их появление в Пентагоне и штаб-квартирах корпораций, подвизавшихся в военном бизнесе, ввергло в панику даже Белый дом и Капитолий. Оказалось, уже два года Федеральное бюро расследований вкупе с другими специальными службами, не поставив в известность ни министра военного ведомства, ни президента страны, в строжайшей тайне вело расследование фактов крупномасштабной коррупции и мошенничества американских оружейников и служащих правительства.

Специальные агенты ФБР произвели обыски в во-

енных концернах, а также в служебных кабинетах Пентагона, связанных с этими концернами. Джимены имели достаточно оснований предположить, что заправилы военно-промышленных кругов и чиновники военного министерства занимаются махинациями, подлогами и взяточничеством. Об этом ФБР стало известно от своих осведомителей. Оно разослало более 250 повесток на предоставление документов и дачу показаний. Подозреваемым инкриминируется торговля секретной информацией государственной значимости и использование нечистоплотных приемов при выбивании контрактов у Пентагона [13]. Говоря проще, чиновники и законодатели в обмен на взятки предоставляли секретную информацию, которую военно-промышленные корпорации превращали в миллиарды долларов.

Сотрудники ФБР допросили Стюарта Берлина, ведущего специалиста Пентагона, на предмет передачи секретной информации о системах навигационных аппаратов стоимостью 100 млн долл. В ходе расследования выяснилось, что из Пентагона 20 лет назад уволился Уильям Перкин, специалист по крылатым ракетам. С репутацией неподкупного стража интересов налогоплательщиков он создал в Вирджинии собственную консультативную фирму. В 1986 г. его клиентом стала военно-промышленная корпорация «Хэзлтайм», подвизавшаяся в области электронных систем навигации. Корпорация, будучи не в меру щедрой, обязалась платить 24 тыс. долл. в год за любую информацию, имеющую отношение к системам навигации. Бес попутал и «неподкупного» Перкина. Он вспомнил своего старого друга Фреди Лакнера, который за 50% от щедрых подачек «Хэзлтайма» согласился поработать на заказчика. Для этого он нашел своего друга Стюарта Берлина... и круг замкнулся. Потом всех их не без помощи конкурентов нашли агенты ФБР, которые и раскручивают эту аферу [14].

Этот незначительный эпизод, поведанный журналом «Ю. С. Ньюс энд уорлд рипорт», свидетельствует о взаимоотношениях бизнесменов, «консультантов» и стражей интересов нации. ФБР, по его признаниям, располагает видеозаписями сцен

передачи взяток из рук в руки дельцом Мельвином Виктору Коэну — заместителю министра ВВС США и многим другим. Но Мельвин не одинок. Распроданные секреты Пентагона разыскиваются повсюду, и, очевидно, урожай будет богатым, а скандал — достойным американского размаха.

Масштабы следствия в год президентских выборов повергла республиканцев в пучину неопределенности. Администрация не имеет возможности приостановить следствие, делает все, чтобы локализовать скандал, придать ему окраску случайности и незначительности. В верхних эшелонах власти хорошо понимают силу ФБР, чтобы притормозить его следствие на начальной стадии в период газетной шумихи. По всем признакам это будет самое крупное дело о коррупции и взяточничестве в США.

Следствие по делу Пентагона только начинается, и трудно предсказать, сколько грязного белья вывесят для всеобщего обозрения. Но канву развития событий можно предсказать, не дожидаясь конца следствия, ибо она проторена давно. Служащих Пентагона, против которых найдут неоспоримые улики, упрячут за решетку, конгрессмены рискуют потерять места, как и помощники министра обороны. Что касается таких гигантов, как «Нортроп», «Макдонелл-Дуглас», «Юнайтед текнолоджиз» и другие, то высшие менеджеры принесут в жертву средних, которые в свою очередь попытаются свалить вину на мелких администраторов и исполнителей. В целом корпорации отделаются, как бы масштабны ни были аферы, мизерными для их оборота штрафами. О реальных хозяевах капитала и речи не может быть. Более того, сотрудники Пентагона сами начнут публично возмущаться наемными менеджерами, которые злоупотребляют доверием и из рук вон плохо ведут дела. Не вчера это началось и не завтра завершится. Если есть капитал, то он функционирует по имманентным законам самовозрастающей стоимости, каковым он и является.

Политики и бизнесмены проповедуют милосердие и взаимовыручку только в отношениях между собой. Природа словно позаботилась, чтобы одним

дать власть, другим деньги. Бизнесмены могут укреплять власть, власти компетентны принимать решения, способствующие обогащению дельцов.

Японская полиция разыскивала крупного мошенника, который представлялся секретарем премьер-министра Накасонэ и вымогал «пожертвования» у банкиров и промышленников. Таким образом японский «сын лейтенанта Шмидта» прикарманил 30 млн иен, из чего можно заключить, что «подлинные дети лейтенанта» орудовали не там и не в тех сферах.

В самом конце 1983 г. в Бонне разразился беспрецедентный по масштабам, а не по сути скандал, связанный с подкупом ряда высокопоставленных лиц, с мандатами парламентской неприкосновенности. Органы западногерманской прокуратуры выдвинули официальное обвинение против министра хозяйства ФРГ Ламбсдорфа и его предшественника на этом посту Фридерикса, а также против бывшего министра хозяйства земли Северный Рейн-Вестфалия Римера в связи с крупными взятками, полученными ими от Браухича и Нейштца, бывших менеджеров печально известного еще со времен мировых войн концерна Флика.

По результатам расследования боннской прокуратуры от концерна Флика Фридерикс получил 375 тыс. марок, а Ламбсдорф — 135 тыс. марок. Обвинительные акты по этому делу составляют ни много ни мало — 23 тома по 250 страниц каждый [15].

Полюбовные сделки правительства и фликовских менеджеров позволили этому роду избежать громадных налогов и выжить в мире бизнеса, где прошлые заслуги ни во что не ставятся. Политики тянутся к деньгам, которых и им постоянно не хватает, бизнесмены — к политикам, которым мешают закон и народ. В отличие от народа, который всегда платит за алчность сильных мира сего, в правительстве интересы финансовых баронов находят понимание и отклик.

Шпионско-налоговые аферы, на фоне которых отец восстал против сына, брат против брата, нередко связаны с наиболее респектабельными и богатыми кланами Америки и Западной Европы.

Все это четко прослеживается во взлетах и падениях клана Фликов, которому в конечном счете удается преумножить свои богатства и усилить влияние на экономическую и политическую жизнь страны.

Нарукавники и наручники

Бизнес имеет свои законы, в каком бы краю и какие бы лица им ни занимались. Казалось бы, что может быть общего между немецким миллиардером Фликом-старшим и американцем Аль-Капоне, кровавым гангстером и убийцей? Оба занимались бизнесом, оба культивировали экономический шпионаж, оба уклонялись от налогов, оба приносили в жертву чужие жизни, не останавливаясь ни перед чем в умножении своих богатств. Но то, что оба начали действовать одновременно и оба сидели под охраной у американских тюремщиков, как и то, что и магнат, и убийца заведовали тюремной библиотекой в нелучшие дни их жизни, можно считать случайностью. Хотя философы и утверждают, что неизбежность возникает на пересечении случайностей, однако налоговые аферы — феномен далеко не случайный. Нет ни одной страны, где сокрытие доходов не было бы модус вивенди.

«Первые крупные финансовые манипуляции,— писал венгерский публицист Э. Гемери,— Флик предпринял в годы после окончания первой мировой войны, когда в Германии разразился крупнейший финансовый крах и галопом поскакала инфляция. Они-то, собственно, и заложили основы создания фликовского капитала» [16]. С этим трудно спорить, хотя не всем, далеко не всем, удалось разбогатеть на «финансовых крахах» и «галопирующей инфляции». Очевидно, личностные качества будущего магната совпали с условиями наиболее благоприятными для проявления его незаурядных потенций.

Подобно коронованным особам, Флик-старший всегда говорил не «я» и «мне», как все смертные,

а «мы» и «нас». И как истый самодержец, он решил осчастливить человечество своим портретом и изрек: «Нас следует увековечить». Для этого пригласили знаменитого художника Пауля Маттиаса Падуа. Когда портрет был завершен, между «королем и художником» состоялся примечательный диалог!

— Это не руки,— сказал Флик,— а какие-то когти.

— Но ведь это так и есть,— возразил художник и, видя замешательство оппонента, прибавил: — Разве вы, господин Флик, когда-нибудь отдавали то, что вам удалось схватить этими руками? «Король» самодовольно усмехнулся. В сущности это был комплимент такому человеку, как Флик, которого еще в начале карьеры звали «стервятником». Этот «стервятник» и внедрил «деловые игры с краплеными картами», которые с успехом используются и по сей день отпрысками магната. Он имел не только хваткие руки, но и цепкий ум [17].

Непритязательный в еде и жилье, чуждый роскоши и тщеславия, одинаково равнодушный к вину и женщинам, картам и наркотикам, этот человек прошел через две мировые катастрофы, личные и национальные крушения, через разочарования и успехи с одной-единственной святой и неискоренимой страстью — страстью к деньгам.

Фридрих Флик — единственный человек в истории бизнеса, которому дважды удалось стать миллиардером. Этот рекорд не повторял никто ни до, ни после Флика-старшего. Флик был одним из первых в Германии, кого включили в известный реестр богатейших людей мира, составляемый нью-йоркским рекламным агентством Фельдмана. Он шел пятым в этой геральдике толстосумов после шейха Кувейта Саббаха, Онассиса и Нирахоса, греков по происхождению и космополитов по размаху деятельности, и нефтяного набоба Гульбекяна — армянина по происхождению, англичанина по паспорту и парижанина по образу жизни.

Начав с бухгалтера, Флик вскоре стал управляющим акционерного общества «Менден», женился на миловидной девушке Марии Шус, которая при-

несла ему 30 тыс. марок золотом приданого. Флик стал акционером фирмы, что и позволило ему заниматься биржевыми сделками. В 20-е годы Флик уже миллионер и признанный «финансовый гений», обладавший уникальной способностью пользоваться разницей в денежных курсах и перераспределять капитал в свою пользу.

Если отбросить эмоциональную окраску портрета, Флик-старший был жестоким, расчетливым, хладнокровным, с безошибочной интуицией биржевым игроком. Он никогда не создавал новые предприятия, ничего не изобретал, не строил, не реконструировал, не улучшал и не совершенствовал. Он только спекулировал тем, что было создано чужими руками, чужой волей, чужим капиталом. Флик задумывал и осуществлял свои операции в величайшей тайне, за что и был прозван «демоном бесшумного бизнеса».

Кроме интуиции Флик обладал великолепной частной шпионской сетью, которая обеспечивала «демона» секретной информацией, столь необходимой в биржевой игре. Жестокости, изворотливости и скрытности Флика могли позавидовать Тиссен, Квандт и даже Абс, которых он не раз переигрывал. Агентурная сеть Флика не без оснований считалась лучшей в германской экономике. Многочисленные специалисты и управляющие были тайными агентами старого Фрица и поставляли всю необходимую информацию для захвата очередной жертвы. Специальный отдел экономического шпионажа собирал и анализировал все отчеты конкурентов. Как текущие, так и итоговые отчеты крупных фирм приобретались всеми праведными и неправедными путями, данные систематизировались. Картотека на крупных акционеров и менеджеров с самыми интимными подробностями и компрометирующими материалами постоянно пополнялась благодаря хорошо поставленной службе шпионажа.

Так, он воспользовался сведениями о личных долгах одного из своих конкурентов — Фридриха Айхберга, генерального директора немецкого стального концерна «Линке-Хофман», и с успехом за-

хватил эту фирму. В 1931 г. в руках Флика оказалась компания, которая терпела огромные убытки из-за противодействий стального магната Тиссена. Флик, чтобы избежать банкротства, обратился к шведскому «королю спичек» Кройгеру, но тот отказался его кредитовать, видимо, не без подсказки Тиссена. Загнав Флика в угол, Тиссен предложил свои условия сделки.

Там, где любой другой увидел бы поражение, Флик усмотрел успех. Он дал команду своим сыщикам выяснить, к кому Тиссен обращался за кредитом, ибо такие суммы, не прибегая к займам, не в силах был уплатить никто. Детективы установили, что Тиссена поддерживает консорциум голландских и французских банкиров. Среди них был крупнейший французский банк «Креди Лионнэ».

Флик через своих шпионов во Франции организовал «утечку информации». Согласно этой версии, «Креди Лионнэ» якобы предложил Флику за контрольный пакет фирмы «Гельзеберг» пятикратную, по сравнению с биржевым курсом, цену. Дело было состряпано настолько ловко, что официальные заявления руководства французского банка, что ни Флик, ни его компания ни с какой стороны его не интересуют, воспринимались «как коварство французов», которые хотят «опутать и поработить Германию».

Такие известия болезненно воспринимались немцами, потому что Германия после первой мировой войны выплачивала репарации французам. Пресса заговорила о «Париже и связанной с ним еврейской финансовой олигархии», которая жаждала умножить свое благополучие на несчастьях немцев. Германское правительство, по уши увязшее в долгах, из патриотических побуждений согласилось заплатить 100 млн рейхсмарок за акции, в действительности стоившие 25 млн марок. Сам Флик — «этот патриотически мыслящий магнат» — уговорил чиновников держать сделку в тайне, чтобы не возбуждать нездоровый ажиотаж тех, кому «чужды интересы нации». Пожалуй, это была одна из самых дерзких и наглых афер магната.

Западногерманские исследователи Бахман и Карлебах не без оснований писали, что во второй половине 30-х годов Фридрих Флик «занялся преобразованием центрального правления своего концерна в собственное общество «Фридрих Флик К. Г.»». Этот шаг освободил молчаливого, весьма чуждающегося прессы Фридриха Флика от неприятной обязанности публиковать балансы своего акционерного общества. Газета «Ди вельт» по праву видела в нем «самого таинственного из немецких сверхбогачей» [18].

В 1933 г. к власти пришли нацисты, объявившие во всеуслышание: «Германия превыше всего». Флик был одним из немногих магнатов, который с самого начала поддерживал нацизм в Германии. Алчность и неразборчивость не знали границ. Он был среди первых, кто «ариизировал» предприятия, принадлежавшие евреям. Он вступил в партию и получил сомнительной чести звание «вождь экономики». Флик дружил с Герингом и Гиммлером. Такая дружба позволяла ему обогащаться неимоверно. Он был единственным магнатом, который выступил за идею Геринга об автаркии металлургической промышленности. В свою очередь Геринг не забывал этого. Жестокость Флика, соединенная с крестьянской хитростью, нашла идеальные условия для расцвета при фашизме.

Флик осуществлял свои операции в полной тайне, а пресса, послушная Геббельсу, молчала относительно сделок «вервиртшафтсфюрера». Более того, под завесой секретности Флик игнорировал и финансовые органы, которые по долгу службы пытались выявить его доходы. Однако успехам Флика мешало то, что дела фюрера шли неважно. Фасад «тысячелетнего рейха» все еще блистал, но в несущих конструкциях появились гигантские трещины.

Флику пришлось активизировать свою разведку. О размахе, оперативности и характере частного шпионажа Флика можно судить по тому факту, что уже в 1944 г. агенты старого Флика держали в руках карту Германии, на которой союзники наметили четыре оккупационные зоны. Ни абвер,

ни гестапо, ни фюрер такой карты не имели. И когда кругом гремели речи об оружии возмездия и приближающейся победе «третьего рейха», Флик думал над тем, как спасти миллиарды [19].

Личный врач Гиммлера, финский хиропатрик Крестен, который «пользовал и Флика», сообщил ему, что его разговоры прослушиваются с помощью специально установленных микрофонов. Принятые меры предосторожности с подачи такого авторитетного агента «в стане врага» помогли Флику избежать смертной казни «за саботаж и измену». В середине июня Флик сдался американским ВВС и попал в число военных преступников под номером 3 после «пушечного короля» Круппа и генерального директора «И. Г. Фарбениндустри» Карла Крауха. Суд приговорил Флика к семи годам. В тюрьме Ландсберг, в которой некогда почти безызвестный Шикльгрубер диктовал «Майн кампф», он стал сапожником.

Подкупив тюремное начальство, Флик выбился в регистраторы тюремной библиотеки, которую запустил вконец. Запахи тюремной кухни и тюремных мастерских не повлияли на нюх Флика. Он учуял, что возрождение Западной Германии связано с возрождением бундесвера, и даже преуспел в таком деле, как добыча и обогащение урана. Весной 1950 г. из тюрьмы Флик распорядился искать «уран для Штрауса». Это было противозаконно, так как такие работы были запрещены конвенцией. В конце этого года он был досрочно освобожден. Запреты союзников мало смущали Флика, который заручился поддержкой самого канцлера Аденауэра. Как это ни кажется парадоксальным, но личный секретарь Флика Тильманс в 1953 г. стал министром по особым поручениям и соответственно информатором.

О таком назначении своего человека только можно было мечтать. Но Флик не был мечтателем. Он делец и свои намерения держал в строжайшем секрете. Своего бывшего личного секретаря он использовал с большей для себя и немалой для Тильманса выгодой. Аденауэр лично помог Флику, чтобы предприятия не были распроданы с молотка,

как это предписывалось законом. И Флик пошел на шаг, на который не отважился даже Крупп. Он продал угольные предприятия французам с большим приращением. Трезвый коммерческий расчет взял верх над инсинуациями завистников, и Флик выиграл. Используя свои громадные капиталы, вырученные от продажи угольных предприятий, Флик стал тайно приобретать акции автостроительной компании «Даймлер-Бенц». На смену моде на танки шла мода на автомобили. Переиграв в этой афере Квандта, он пустился в новые, которые сделали его вновь мультимиллиардером.

Миллиардер Флик с послужным списком военного преступника в возрасте, когда многие доживают свой век, был недоволен своим наследником — старшим сыном Отто Эрнстом. Жестокий, неумолимый, упрямый, он смотрел, как хиреет его род, не успев расцвести. Он не видел в сыне ни хватки, ни размаха, необходимого для фликовской школы. Единственное, что их объединяло,— это упрямство. В этом сын не уступал отцу. В смертельной схватке за деньги и власть сошлись отец и сын.

«В личной жизни Фридрих Флик был так же холоден и беспощаден, как и в сфере экономики,— писал Э. Гемери в книге «Сверхбогачи».— Ему было уже больше 80 лет, когда в 1966 г. он похоронил жену, в тот же день снова сидел за письменным столом и давал указания биржевым агентам» [20]. Это тем более странно, что она принесла ему первые капиталы, которые он так успешно пустил в оборот. Она была верна не только в годы взлетов, но и в годы падений и даже катастроф, каковыми были для него и Нюрнбергский процесс, и тюремное заключение. К сыновьям он тоже не питал особо нежные чувства. Средний сын был убит в заснеженной России, старший стал судиться с отцом под шум и улюлюканье прессы. Разочарованиям не было конца.

Флик-старший, достигший мафусаилова возраста, поселился в Швейцарии, где и умер, думая о превратностях судьбы и об умножении состояния,

а Флик-младший продолжил его дело. Родители повторяются в детях.

4 ноября 1981 г. главного бухгалтера фликовской империи Рудольфа Дила неожиданно посетили «вежливые ребята» из прокуратуры и налогового управления. Так началось дело Флика. Они предъявили ордер на обыск. Перепуганный Дил извлек из сейфа папку, в которой лежали два ключа. Ему было чего бояться. Он не отразил в налоговых декларациях сумму в 700 тыс. марок, полученных, так сказать, наличными, и потому был грешен. А грех побуждает к раскаянию, особенно если он сулит тюремную камеру.

В сейфе, или, как позднее его назовут, «гробнице фараона», кроме наличных денег был найден журнал, в котором главный бухгалтер с немецкой педантичностью записывал так называемые неофициальные пожертвования политическим партиям, ведущим деятелям, а также высокопоставленным чиновникам боннского правительства. Естественно, все это налогом не облагалось.

Дил попался из-за дневниковых записей расходов, которые он вел со скрупулезностью. Конечно, можно удивляться глупости бухгалтера. Но тут есть одно «но». Дело в том, что Дил, который в конечном счете был рядовым исполнителем, в любое время мог быть обвинен в растрате денег Фликов. Он знал, что им пожертвуют без больших сожалений, потому и вел спасительные для себя записи. Этим же объясняется, что он с ходу запел о «черной кассе», хотя ревизоры первоначально явились выяснять личные доходы бухгалтера и их несоответствие налоговым декларациям. Кроме того, деньги любят счет. И кому, как не бухгалтеру, об этом знать. Эти записи «во спасение» оказались неопровержимой уликой против «Флика и компании».

Откуда же взялись эти не учтенные нигде деньги или, говоря иначе, каков механизм пополнения «черных касс», которые практикуются повсеместно? Боннское правительство, как и другие, поощряет благотворительно-религиозные чувства руководителей концернов, считая религиозность

граждан делом, угодным и богу, и государству. Христианские чувства магнатов поощряются понятным всем имущим слоям способом, а именно уменьшением налогов. Иначе говоря, с сумм, потраченных на благотворительные цели, налоги не взимаются. Этим и воспользовался «Флик и компания». Будучи добрыми христианами, Флик и управляющие концерном жертвовали католическо-миссионерскому обществу «Зовердия» ежегодно 1 млн марок. Делопроизводитель «небесного филиала на земле» пастор Йозеф Шредер, еще более добрый христианин, из этой суммы возвращал Флику 800 тыс. марок. Конечно, возвращение было тайным, без официальных бухгалтерских и банковских счетов, в то время как пожертвования обставлялись «флагами и барабанным боем» [21].

Однако Дил эти суммы оприходовал в потайном гроссбухе, что и подвело его. Это дело продолжалось в течение 10 лет, пока не вмешалась прокуратура. За это время было переведено 10 млн марок, из них 1 млн остался служителям культа, 1 млн передали посреднику, депутату бундестага Вальтеру Леру, а 8 млн марок тайно возвратились «Флику и компании». Суммы были упрятаны в потайной сейф «Дрезденер банк», оттуда частями, тоже с глазу на глаз, передавались своим людям в Бонне. Таким образом, «Флик и компания» служили и богу, и мамоне, не забывая о себе.

Помимо пополнения «черных касс» этот трюк с двойной бухгалтерией имел ту очевидную выгоду, что спас концерну более 5 млн марок, которые в противном случае пришлось бы уплатить государственной казне. Зачем же платились такие суммы министрам и депутатам, лидерам партий и даже канцлеру ФРГ? В стратегическом плане, чтобы воздействовать на них в угодном крупному капиталу направлении, в тактическом — получить те же налоговые льготы [22].

Фридрих Карл Флик продал контрольный пакет акций концерна «Мерседес», некогда такими усилиями захваченный отцом, и выручил около 2 млрд марок, с которых следовало уплатить налог в размере 56%. Й. Штраус — один из крупнейших

клиентов «черной кассы» — дал главе концерна «бесплатный совет», как избежать выплаты более 1 млрд марок. Для этого оказалось достаточным направить капиталы в химическую промышленность США, а в Бонн представить бумаги, что взамен марок оттуда «потекут технические знания», что, бесспорно, заслуживает содействия со стороны властей. Благодаря такой операции Флику удалось спрятать от налоговых обложений двухмиллиардную сумму. Но это не говорит, что у него не было расходов по данному делу. Деньги ушли на то, чтобы подкупить нужных людей, сломить упрямцев, нейтрализовать демагогов, отвлечь недовольных и дать министрам, от кого зависело решение. «Связи Флика с министерством хозяйства функционировали столь хорошо,— писал В. М. Меньшиков,— что в штаб-квартиру концерна поступали даже боннские документы, помеченные грифом «для служебного пользования». Так что государственных секретов с рейнской «правительственной кухни» для Флика практически не существовало. Зато финансовые махинации концерна долгие годы оставались тайной для боннской администрации» [23].

Такое знание тайн правительства не могло не способствовать успешному проведению «лодки, нагруженной миллиардом марок», через финансовые, политические и конкурентные рифы. Флик ссылался на то, что эти аферы подручные осуществляли без его ведома. Но когда ему вежливо указали на его собственные подписи, то он сослался на то, что «ежедневно визирует бесчисленное множество документов и не всегда знакомится с тем, что подписывает». Боннская прокуратура нашла это, с позволения сказать, объяснение достаточным. Воистину, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Если бы клиентом «черной кассы» не была политическая элита, вряд ли боннская юстиция сочла бы такое безответственное подмахивание бумаг достаточным оправданием в глазах ослепшей Фемиды. Так убийца может сослаться на то, что ему ни разу не приходилось держать в руках уголовный кодекс, потому и не ведал, что творил.

Деньги, идет ли речь о долларах или марках, франках или гульденах, порождают одни и те же проблемы, одни и те же преступления. Два голландских коммерсанта ходили в банки с портфелем, набитым гульденами, и просили их повыгоднее разместить. Больше всего их волновало, как избежать налогообложения. Все восемь банков, в которых они побывали, давали им советы, как перехитрить государство, каждый предлагал себя как лучшего спеца по этой части. Были и такие уголовно наказуемые советы, как приобретение акций на подставные фамилии, открытие счета на вымышленное имя, а также анонимного счета, о котором никто, кроме банкира и вкладчика, не знает. И никто не сказал назидательно-торжественно: «Налоги надо платить».

Разразился скандал. «Коммерсанты» оказались подставными лицами, журналистами, которые записывали все разговоры на магнитную пленку и обнародовали все на потеху публике. Утаивание доходов от налоговых органов — настолько распространенное явление в США, что говорить об этом, как о чем-то преступном, почти неделикатно. Размеры недополученных государством сумм настолько громадны, что, видимо, могут соперничать только с военным бюджетом этой страны.

Во второй половине 80-х годов по случайному стечению обстоятельств был арестован торговый персонал престижного ювелирного магазина на Пятой авеню в Нью-Йорке во главе с менеджером Говардом Уорноком. Фирма «Картье интернэшнл» торгует предметами роскоши и считается выше подозрений. Поймали их на мошенничестве с утаиванием налогов. Делалось это следующим образом. Клиента, «который внушал доверие», приглашали в кабинет вице-президента Томаса Фостера, где в обтекаемой форме предлагали сделку. Клиент указывал адрес, куда доставить украшения или богато инкрустированные часы. После чего из рук в руки передавались деньги в обмен на драгоценности, клиент забирал их с собой, а упакованный соответствующим образом футляр отправляли по указанному адресу. Поскольку адрес был ложный, футляр

возвращался, и магазин как бы оказывался внакладе. Есть, конечно, более крупные мошенники в царстве беловоротничковой преступности.

Юристы и бухгалтеры, специализирующиеся на консультациях по минимизации налогов, получают столько же, сколько сенаторы и верховные судьи, наиболее ловкие — больше, чем президент США. Хорошие эксперты могут законно упрятать в различных статьях и псевдосделках миллионные суммы, которые подпадают под налоговый пресс. Нередко экспертами выступают бывшие инспектора налоговой службы и получают за свои труды треть «сэкономленных» или ловко припрятанных сумм. Не случайно почти все 500 крупнейших промышленных корпораций являются клиентами восьми бухгалтерских фирм, наиболее ловких, а потому наиболее престижных.

Эти бухгалтерские компании имеют своих людей во всех эшелонах налоговой, государственной, законодательной и финансовой власти. От них они получают всю необходимую для успешной деятельности информацию, в том числе и конфиденциальную. Они прекрасно осведомлены о характере взаимоотношений многочисленных налоговых, финансовых, валютных и таможенных органов, их руководителях и сотрудниках, слабых и сильных сторонах, о «болевых точках», нажав на которые можно добиться успеха, о тайнах функционирования сложной государственной машины. Эти знания бухгалтеры используют к вящей корысти международных корпораций и собственной выгоде. Те концерны, которые не консультируются с «великолепной восьмеркой», тоже не безупречны. Просто они нашли других консультантов, может быть еще более ловких и менее заметных. Тайна — верный признак больших махинаций.

«Бухгалтерам» в США противостоит налоговое ведомство. Знатоки утверждают, что можно укрыться от ФБР и ЦРУ, от АНБ и «Интерпола», но скрыться от ИРСа невозможно. Эта аббревиатура означает «разведка налогового управления США». На Западе шутят: «Будьте любезны с людьми, пока не заработаете миллион, а потом люди будут любез-

ны с вами». При всей истинности этой сентенции она вряд ли относится к сотрудникам ИРСа, призванным стоять на страже государственных доходов США. Пожалуй, это самая жестокая по сути государственная организация США, ибо ее доходы зависят от того, как много сумеют ее сотрудники выявить скрытых дивидендов. Известный французский исследователь таинственного мира шпионажа Жак Бержье писал: «Мне так и не удалось выяснить, каким образом американское налоговое управление устанавливало доходы шпионов. Вероятно, последние в своих декларациях называли эти доходы «вознаграждением за консультации», тогда как те, кто их нанимал, добивались снижения своих налогов, относя эти расходы к категории расходов по исследовательским работам... Во всяком случае, несомненно одно: американское налоговое управление поняло значение частного шпионажа, ибо оно учредило агентство частного шпионажа! Тайные агенты отдела по выявлению случаев сокрытия доходов от органов фиска являются добровольцами, которые получают 10% суммы выявленных ими сокрытых доходов. Они не всегда доживают до старости, например если разоблачают сокрытие доходов гангстерами» [24].

Именно сотрудниками отдела внутренних доходов гангстер Аль-Капоне был привлечен к суду за неуплату налогов, а не за бутлегерство, бандитизм, рэкет и убийства. Бизнес вообще дорожит таинством, а бизнес Капоне мог осуществляться только за плотной завесой и непроницаемой секретностью. Капоне знал толк в шпионаже. Без широко разветвленного и хорошо организованного шпионажа любая организация обречена на быструю деградацию. Шайки преступников как прообразы государства имеют ту же структуру, функции и иерархию, потому свои спецслужбы они строят по тем же канонам.

Аль-Капоне создал специальную службу «Джи-2», на которую возлагалось решение задач по сбору, анализу и хранению секретной информации, шпионаж за объектами, интересующими мафиози, а также контршпионаж против чужих в своем стане. «Парикмахеры и бармены, служащие отелей, портье

и чистильщики обуви, служащие мэрии, полицейские и шоферы такси во всем Чикаго знали номер телефона на тот случай, если они могли сообщить «великому Капоне» что-либо интересное»,— писали К. Полькен и Х. Сцепоник в книге с красноречивым названием «Кто не молчит, тот должен умереть» [25]. «Джи-2» свое дело знала.

Подручные Аль-Капоне (Скаличе и Ансельмо) рекомендовали на вакантный пост капо Джунтаса. Как человек предусмотрительный, Аль поручил «Джи-2» проверить нового претендента. «Клубок подколодных змей» — таково было резюме спецслужбы. Джунтас оказался «торпедой» у злейшего врага Капоне — главаря конкурирующей банды Дж. Айелло. Именно Джунтасу было поручено убить Аль-Капоне, двум другим (Скаличе и Ансельмо) — помочь ему захватить власть в банде Аля на правах «вице-короля» нью-йоркской банды Айелло.

Капоне не были чужды фантазия и театральность. Так, под предлогом празднования по поводу назначения нового капо была собрана вся банда. Во время пиршества Капоне собственноручно убил всех троих... На следующий день в пригороде Чикаго в придорожной канаве полиция нашла три изувеченных трупа, убийцу которых так и не смогли обнаружить.

Свои далекие от законности барыши «великий» гангстер добывал руками подставных лиц, а потому уличить его никак не могли. То, что не смогли сделать ФБР, министерство юстиции и чикагская полиция, сделал простой бухгалтер, агент налогового управления Фрэнк Вильсон. Ему случайно подвернулась бухгалтерская книга игорного дома «Шип». Записи в гроссбухе вывели на некоего Шамуэйа. Под страхом каторги он сознался, что работает на Аль-Капоне. Нитка хитросплетений подпольного бизнеса привела к самому Аль-Капоне, которому по американским законам можно было дать 25 тыс. лет каторжных работ. Однако он отделался 10 годами тюрьмы, из которых 7,5 года ему пришлось отсидеть. «За хорошее поведение» его выпустили досрочно, и он поселился на своей вилле на берегу океана.

Позднее аналогичную службу под тем же названием создало ФБР. Она функционирует и по сей день.

С высоким профессионализмом нередко соперничает простая взятка. Крупный мастер готового платья и изысканных туалетов в Филадельфии Альберт Нипон не стал связываться со знатоками налоговых лабиринтов. Он передал в руки двум налоговым инспекторам 200 тыс. долл. наличными и налоговые декларации, где указал не то, что есть, а то, что нашел нужным. Инспектора не могли засомневаться в порядочности такого щедрого человека. Это помогло Нипону «сэкономить» более 0,5 млн долл.

Неожиданно грянул гром. Вернее, нагрянули контролеры из центрального аппарата. Инспектора попали за решетку, а Нипон сослался на незнание законов. Это вряд ли его освободило бы от тюремного заключения сроком на 15 лет и от штрафа в 30 тыс. долл., не внеси он залог в 1 млн долл. По американской юриспруденции, налоговые управления и налоговые мошенники могут полюбовно договориться, что снимает вопрос о тюремном заключении. Хотя это и кажется аморальным, но налоговое управление занимается «не исправлением нравов», а выколачиванием налогов. Мистер Нипон продолжает торговать шикарными платьями, цены которых порой достигают 2 тыс. долл., как ни в чем не бывало, ибо те, «кто интересуется модными платьями, не читают статей о налоговых аферах» [26].

В середине 80-х годов в США был поставлен своеобразный рекорд налогового мошенничества. Раскручивая рядовую аферу с поставками нефтепродуктов и неуплатой налогов, специальные агенты вышли на Рича и Грина, которым удалось от всевидящего ока налоговых служб упрятать 100 млн долл. Пока хитросплетенный клубок международной аферы разматывался, сами чемпионы налогового кульбита спокойно проживали в Швейцарии. Когда им предложили установить истину, они разыграли святую невинность. Единственное, что они хотели, так это то, чтобы журналисты и американское налоговое управление оставили их в покое [27].

Американские службы согласились с такими доводами и, чтобы окончательно развеять недоразумение, пригласили их в США. Об этом они и слышать не хотели. Попытки убедить их в необходимости заокеанского вояжа ничего не дали. Неизвестно, как бы долго длились эти процессуально-дипломатические пируэты, когда бы американцы не арестовали активы, принадлежащие тихим разбойникам. В мошенниках неожиданно «проснулась совесть». Они выразили сожаление по поводу всех этих недоразумений и допускали, что, может, и не все, что они делали, соответствует «этим запутанным американским налоговым законам», но, как честные торговцы, они готовы платить. Последнее действительно имело значение. Сторговались на 200 млн долл. Рич и Грин, скрепя сердце, согласились с карательными налогами, ибо из двух зол выбирают меньшее.

На Западе беловоротничковая преступность стоит на первом месте. Поскольку преступления осуществляются тихо, бесшумно, в особняках и офисах, охраняемых частными детективами, то они так и остаются неизвестны. Кроме того, в этом виде преступности нет ни открытых перестрелок, ни кровавых сцен, ни жажды сенсаций со стороны участников, они проходят таинственно, как высасывание чертополохом соков земли. Только в США мошенники от бизнеса присваивают денег в 18 раз больше, чем хваленый уголовный мир [28].

Правовые и карательные мероприятия бессильны против экономических законов. Еще император Рима Диоклетиан принял эдикт о твердых ценах, направленный против спекуляций и мошенничества. Будучи человеком решительным и жестоким, он приказал сурово карать нарушителей вплоть до смертной казни. Во исполнение воли императора на многих рынках империи были сооружены плахи, и дежурные палачи отсекали головы спекулянтам тут же. Но и эта мера не могла ликвидировать спекуляцию. Хотя и тяжело было терять головы торгашам, но еще труднее оказалось отказаться от барышей. Так было, и так есть.

Налоговые аферы — самый распространенный и

масштабный вид мошенничества. Именно сокрытие доходов является ахиллесовой пятой претендентов на высшие государственные должности. Конкуренты, которых всегда много, выявляют такого рода преступления. Уличение в сокрытии доходов, бесспорно, означает преждевременную политическую смерть соискателя должности «слуги народа».

Так же бесспорно, что махинации с акциями дают наиболее острые и драматические повороты в деятельности мошенников с респектабельными отмычками, каковыми в ловких руках биржевых игроков и являются акции солидных корпораций.

Респектабельная отмычка

Один из главарей американской мафии, Лючиано, по прозвищу Счастливчик, попал за решетку. В интервью журналистам он поведал, что еще на свободе для него организовали посещение Нью-Йоркской фондовой биржи и объяснили механизм биржевой игры. Здесь Счастливчик понял, что просчитался, вступив не в ту банду.

На бирже многомиллионные «ограбления» совершаются простым поднятием пальца. Это, пожалуй, самая непыльная работа, ибо полностью соответствует постулату: «Работать как можно меньше, зарабатывать как можно больше». К тому же она редко приводит к тюремной камере, хотя наживаются быстрее и чаще, чем гангстеры [29].

Учредители компании для привлечения капитала выпускают акции и облигации, которые продаются желающим. На вырученные деньги приобретают здания, машины, оборудование, сырье, а также привлекают рабочую силу. Все это составляет так называемый реальный капитал, который не подлежит купле-продаже. Акции и облигации, именуемые фиктивным капиталом, можно продавать, покупать, отчуждать, дарить, завещать и т. д.

Акция как титул собственности дает право ее держателю на получение дивидендов. Термин «стричь купоны» — порождение акции, поскольку

некоторые ценные бумаги имеют купоны, которые по получении годовых доходов отрезаются по установленной линии, т. е. их «стригут». Причем только акции дают право на участие в управлении делами компании. Необходимый минимум для контроля корпорации и называется контрольным пакетом акций. Держатели облигаций таких прав не имеют, они могут рассчитывать только на заранее обусловленные доходы. Потому акции и являются биржевым товаром номер 1.

Первая биржа возникла в Амстердаме, когда из-за непогоды уличная толкучка перенесла место сборищ в церковь, откуда, согласно легенде, Христос изгонял менял. На знаменитой Лондонской бирже рассыльные до сих пор называются официантами в память о тех временах, когда биржевики собирались в питейном заведении Джонатана.

На бирже играют состоятельные люди. По сути биржа-игротека — для миллионера. Именно на бирже покупают и продают облигации и акции крупнейших корпораций. Спекулятивный ажиотаж вокруг биржи ценных бумаг обусловлен тем, что простое поднятие пальца влечет за собой обогащение одного и разорение другого. Миллионеры играют не сами, а через посредников, именуемых брокерами. Только они имеют доступ в святая святых биржи — торговый зал.

Цены, по которым на фондовой бирже продаются акции, и называется курсом акций. Именно в угадывании курса заключается весь смысл игры на бирже. Акционеры должны дать правильную команду брокерам, акции какой компании сбросить, а какой приобрести. Курсы акций постоянно меняются.

Это схема законной, или честной, игры. Но ставки столь высоки, что редко кто не поддается искушению угадать судьбу, а то и схватить ее за шиворот, чтобы знать наверняка, какие акции покатятся вниз, а какие поползут вверх.

Как любая игра с нулевым результатом, биржевая игра одних разоряет, других обогащает. Причем, как и у картежников, прежде всего выигрывают те, кто играет краплеными картами. Такими игроками

на бирже являются те, кто имеет достоверные сведения так называемого конфиденциального характера. Механизм ограбления выглядит примитивно. Достаточно вспомнить, как Стендаль описывает биржевую игру в своем романе «Люсьен Лавен». Министр, владея служебной информацией, сообщает достоверные сведения банкиру, который сбрасывает ценные бумаги, падающие в цене, и приобретает те, что поднимутся. Поскольку речь идет о многомиллионных сделках, то доходы колоссальны.

Порой нечестная, но расчетливая игра на бирже дает не только богатства и славу, но и титул правителя, причем не в какой-нибудь банановой республике, а в праматери Хартии вольностей — в Англии. В XVIII в. путем ажиотажа и лжи дельцы взвинтили курс акций компании «Южные моря» в 10 раз против номинала. Спекулятивная горячка закончилась грандиозным крахом и разорением держателей ценных бумаг, за исключением посвященных в тайны спекуляции. Они вовремя сбыли акции «бурно растущей» компании и нажили огромные состояния. Среди них был торговец Роберт Уолпол. После того как свои акции сбросил с большой прибылью, он приступил к санированию компании, которую спас от банкротства. Это повысило его авторитет среди вигов. События эти происходили в 1720 г., а в следующем он стал главой английского правительства на целых 20 лет. Уолпол торговал всем, начиная от негров из Африки и кончая местами в парламенте и министерскими постами в Лондоне. Подкуп и шпионаж стали образом жизни английского правительства и в метрополии, и в заморских территориях.

«Использование конфиденциальных сведений в целях наживы,— писал лондонский журнал «Экономист»,— практика столь же старая, как и сами биржи. В 1862 г. Джон Пирпонт Морган-старший установил в своей конторе собственный телеграфный аппарат, благодаря которому получал сообщения о ходе войны между Севером и Югом раньше конкурентов. Бюллетени, переправленные его отцу Джуниусу в Лондон, давали тому преимущество перед английскими инвесторами» [30].

Самые большие состояния создаются игрой на бирже. Биржа разоряет миллионы держателей и создает гигантские финансовые империи. Немецкий миллионер Гуго Стиннес-старший уже к 30 годам стал легендарной личностью. Биржевые спекуляции были столь удачны, прирост миллионов столь стремителен, что он всю жизнь оставался эталоном делового человека для второго сына, который, пустив по миру старшего брата, стал единовластным хозяином империи. Отец постоянно играл на грани «или все, или ничего». Внешне аристократически беспристрастный, хладнокровный, расчетливый и беспощадный, Гуго-старший умел использовать тайную информацию, поставляемую многочисленной оплачиваемой агентурой. Наиболее удачной аферой Гуго-старшего считается захват горно-металлургического акционерного общества «Даненбаум», акции которого пошли в гору. На этом, казалось бы, можно было остановиться, но Стиннес пошел дальше. Через подкупленных биржевых маклеров он пустил слухи, что акционерное общество находится на грани банкротства. Владельцы акций бросились сбывать свои акции, но мало кто торопился их приобрести. Курс катастрофически падал. Тогда Гуго-старший стал их по дешевке тайно скупать и выиграл. Отчаянию бывших владельцев акций не было предела. Сначала они проклинали себя за то, что приобрели по высокой цене эти акции, а потом — что отдали по бросовым ценам. Да еще в то время, когда общество обещало большие дивиденды.

В середине 20-х годов, после смерти Гуго-старшего, между наследниками началась борьба, которая не могла не ослабить империю Стиннесов. С той же хищностью, с которой Гуго рвал чужую добычу, другие промышленно-финансовые кланы стали рвать на части богатства, нажитые неправедными трудами.

Во второй половине 20-х годов Гуго-младший переживал тяжелые дни, ибо империя шла ко дну, а кредитов банки не предоставляли. И тут берлинский коммерсант Кунерт под строжайшим секретом раскрыл доверенным людям Гуго-младшего государственную тайну относительно займов правительства.

Этот финансовый шпион поведал о том, что, согласно тайному договору между Германией, с одной стороны, и Францией и Румынией — с другой, Берлин обязуется без сложных формальностей выкупить облигации немецких займов с немедленной выплатой 12,5%, приобретенные до 1 июля 1920 г. (Долг германского правительства перед своими и иностранными держателями составлял фантастическую сумму.) В октябре 1926 г. Гуго-младший провел со своими сообщниками секретное совещание, на котором все было предусмотрено до последних мелочей и составлен план по ограблению государства.

Германское правительство платило по займам 2,5%, а Стиннес и его компания стали платить по 3%. Перекупленные через подставных лиц облигации переправлялись во Францию и Румынию, где они должны были «сыграть» роль приобретенных до «рокового срока». Таким образом, каждый миллион, потраченный на приобретение облигаций, обещал 4 млн марок, а стоимость облигаций исчислялась десятками миллиардов [31]. Стиннес-младший, видимо, подсчитывал ожидаемые миллиардные дивиденды, когда явились полицейские чины и с большой предупредительностью сопроводили мультимиллионера в следственную камеру.

Кунерт не был агентом-двойником и торговал не препарированными тайнами. Как финансовый шпион, он честно выполнил свой долг. Дело было в конкурентах, которые донесли в управление по конверсии займов. И вместо миллиардов Гуго пришлось довольствоваться тюремной камерой. Если бы он не был Стиннесом, вряд ли за международный разбой ему удалось бы отделаться следственным изолятором, где его подержали около года. Немецкий исследователь Э. Чихон так писал по поводу этих событий: «Уже барон фон Ротшильд содержал частных детективов и шпионов, услугами аналогичной «службы информации» пользовался и Гуго Стиннес. Впрочем, эти фирмы были просто дилетантами по сравнению с тем аппаратом шпионажа, который создал у себя концерн «И.Г. Фарбениндустри» в виде своего бюро «И.Г. Берлин NW-7» и

который тесно сотрудничал с фашистским аппаратом военного и партийного шпионажа» [32].

Очевидно, такой вывод сделан на основе слабой результативности «службы информации» Гуго Стиннеса, которая и привела его на грань банкротства. В бизнесе, как на войне, только результаты имеют цену. Горе побежденным! Из этого следует: не всегда пути шпионажа ведут к славе и миллионам. Неумение должным образом оградить тайны аферы и привело к банкротству, а акции, вместо того чтобы служить отмычкой к миллионам, стали пропуском в тюремную камеру.

Советский публицист В. Цветов в книге «Мафия по-японски» очень образно описал отчетное собрание акционеров компании «Исудзу». Президент зачитал годовой отчет, из которого явствовало, что все прекрасно. Но когда с трибуны был оглашен проект решения о назначении новых директоров фирмы и о выплате выходного пособия директорам, уходящим на пенсию, «рядовой акционер» Симадзаки прокричал с места: «Акционеры надеются, что долголетний труд директоров будет достойно вознагражден согласно славным традициям фирмы. Предлагаю оставить вопрос о конкретной сумме на усмотрение председателя собрания». Сумма была столь неоправданно велика, что руководство фирмы не осмеливалось назвать ее вслух. Рукоплеща, Симадзаки и его «компания» поднялись с мест, давая президиуму понять, что акционеры считают собрание законченным. Оно продолжалось 23 минуты. Симадзаки со своей «сокайя» получил от правления компании в том году около 40 млн иен [33]. «Исудзу» расширяла свое производство, ибо ее автомобили пользовались большим спросом на мировом рынке. Руководство компании решило, что нельзя так много платить «самураям с акциями в руках».

«Сокайя» — гангстеры от бизнеса — приняли вызов. Они обнаружили незаурядные таланты в области шпионажа и саботажа. Специалисты, нередко с дипломами лучших университетов страны, принялись изучать истинное положение компании. Руководство банды подключило к делу собственных детективов и частных сыщиков. Они устанавливали

«электронные блохи» в квартирах и «любовных гнездышках», где развлекались должностные лица концерна, осуществляли тайную слежку за членами их семей и записывали на портативные магнитные ленты разговоры в барах и ресторанах. Японская деловая этика предписывает, чтобы бизнесмены «расслаблялись» или по устоявшимся традициям угощали деловых партнеров. В увеселительных заведениях шпионы вынюхивали у маклеров о биржевых спекуляциях, собирали всевозможный компрометирующий материал на руководителей, которые так не вовремя дерзнули пренебречь услугами такой респектабельной банды, как «сокайя».

На следующий год президент компании «Исудзу» Окамото, как всегда, ровно в 10 часов объявил акционерное собрание открытым и зачитал годовой отчет, из которого явствовало, что дела компании превосходны. Но на этом обычный ход вещей кончился. Сначала пошли вопросы хотя и задевающие больные места, но в целом разумные. Затем начались вопросы: ответить на них честно означало, что руководители предают интересы акционеров, которые они в первую очередь обязаны защитить. Если говорить неправду, то их тут же уличат в преднамеренном обмане акционеров, общественного мнения, ибо присутствовали газетчики, и государства.

Руководство компании, привыкшее смотреть на собрание акционеров, как на воскресную проповедь прихожанам, было с самого начала «охоты за истиной» шокировано, особенно когда речь зашла о финансовых махинациях руководителей компании. Ужас охватил президиум, когда в ход пошли обвинения в аморальности, если не сказать в развратности, некоторых высших менеджеров, их деловой и личной нечистоплотности, корысти и аферах за счет компании и акционеров. В шоковое состояние пришли неорганизованные акционеры, которые не знали, как реагировать, кому верить и что предпринять. Только репортеры потирали руки, чувствуя сенсационный материал [34].

Самое страшное для руководителей было то, что «рядовые акционеры» говорили правду и имели доказательства. Почти шесть часов длилось истязание

руководителей «Исудзу», и не было сил, чтобы унять распоясавшихся «сокайя», ибо они, как «рядовые акционеры», были возмущены, что руководство из корыстных побуждений пренебрегает их интересами.

В Японии пытаются бороться с «сокайя», этим бичом бизнеса, хотя и без особых успехов. В 1982 г. был принят закон, предусматривающий для участия в высшем форуме акционеров наличие 1 тыс. акций, а не одной, как было прежде. Зная, что рядового акционера всегда можно подбить на сотрудничество с «сокайя» (что на деле и происходит), закон предусматривает за альянс с «финансово-промышленным мафиози» шесть месяцев тюрьмы или штраф в 300 тыс. иен.

Когда был принят закон, призванный противостоять вымогательствам «сокайя», многие из членов этих банд перешли на торговлю «информацией о бизнесе». Попросту говоря, результаты экономического шпионажа стали продавать ее конкурентам по непомерно высоким ценам. Помимо достоверности информации и ее деликатности цены взвинчивались под гарантию того, что пресса и общественность не будут знать тех, кто тайком покупает информацию. Но бизнес есть бизнес. Мораль, принципы, сомнения этического характера оказываются в стороне, едва заинтересованные лица предложат бóльшую сумму. Тот, кто больше заплатил, вправе узнать вопреки всем гарантиям, кто и какую информацию покупает, чтобы решать, как следует вести дела в мире ожесточенной конкурентной борьбы. Давно известно, что жестокость законов не повышает морально-этический уровень общества. Страх хотя и может убить преступность, но он же может удушить и добродетель.

Для собрания акционеров — этого высшего форума совладельцев — снимается, как правило, помпезный зал, где хочется думать и говорить о вещах, вызывающих положительные эмоции. С первых шагов акционер встречает доброжелательность и предупредительность со стороны обслуги, торжественные и «накрахмаленные» руководители говорят доверчиво, запросто, как равные и равнозаин-

тересованные лица. Подчеркиваются только выигрышные моменты в деятельности руководства и корпораций; специально нанятые клакеры или группа акционеров, имеющие «общие интересы» с высшими руководителями или крупными акционерами, хлопают или «создают гул одобрения». В такой обстановке вряд ли кто рискнет выступать против или опровергнуть руководителей. Если мнения руководства разделились или главные акционеры не смогли поделить власть и дивиденды, тут рядовые акционеры становятся очевидцами того, как группировки «готовы умереть за интересы рядовых подписчиков», лишь бы они за них проголосовали.

«Сокайя» — чисто японское явление и связано с нюансами островного понимания «хорошего тона». Считается большим унижением, если президент компании или другое должностное лицо вынуждены стоя отвечать на вопросы, которые, как правило, означают недоверие. Даже само слово «сокайя» переводится как «посещающие собрание». По смыслу же «сокайя» соответствует организованным вымогателям, каковыми они в действительности и являются.

Многомерный мир, порожденный единым стремлением банкиров и бандитов обогатиться любой ценой, претерпевает самые несуразные преобразования, отягощая производительный капитал паразитическими наслоениями. «Сокайя» действуют по интуиции и вдохновению.

Между тем существует один безотказный прием, заставляющий голосовать собрание за любое решение. Научно доказано, что после первого часа внимание рассеивается, а после второго наступает зона безразличия, когда слушателю становится все равно, что скажут и какое решение примут, лишь бы поскорее покинуть помещение, выпить кофе, позвонить жене и т. п. А если речи длятся более трех часов, нет такого предложения, которое бы не прошло, будь то собрание, заседание, конференция, коллегия, съезд или другое мероприятие.

Этим широко пользуются. Еще Перикл, чтобы провести угодные ему решения, говорил часами. Измученные афиняне голосовали за любые предложения. Под палящими лучами солнца, утомленным

и усталым, с пересохшими ртами, им становилось муторно от одной мысли, что кто-то еще выступит и, не дай бог, возразит. Толпа торопилась быстрее завершить голосование. Разумные и высокоорганизованные люди, какими были эллины, становились дикарями, если кто-нибудь пытался пробраться к лобному месту, чтобы опровергнуть доводы великого оратора.

Что говорить о современных менеджерах, которые не по наитию, а из блестящих лекций лучших профессоров Гарварда и Сорбонны, Принстона и Кембриджа, Токийского и Боннского университетов знают о тайнах «коллективного психоза». Знание психологии, социологии и мотиваций людей считается непременным атрибутом будущих менеджеров.

Не пойман — не вор, но, если попался, приходится платить не только миллионеру, но и шпионунаводчику. Так, репортер колонки «Слухи с Уолл-стрита» Уинас, работавший в респектабельном журнале для миллионеров «Уолл-стрит джорнел», был приговорен к 1,5 года тюремного заключения. Вся вина репортера заключалась в том, что за день до публикаций он показывал оттиски статей своему приятелю. Эта невинная на первый взгляд любезность была по сути сговором двух мошенников, ибо приятелем репортера был биржевой маклер из посреднической фирмы «Кидер Пибоди».

Маклер, пользуясь информацией, которая остальным станет известна только на следующий день, заключал сделки, сбрасывая те акции, которые падают в цене, и приобретая те, чей курс резко повысится. Любое слияние, концентрация, захват, смена руководства, экономические пертурбации моментально отражаются на курсе акций. Слухи, как известно, подтверждаются, в то время как официальные заявления надо перепроверять. Этим и пользовались два афериста, один из них сел за решетку, другой потерял право играть на бирже.

Даже политическая информация трансформируется в биржевые выгоды. Когда шах бежал из Ирана, акции концернов, связанных с экономикой этой страны, резко упали в цене. И те, кто раньше

остальных получил информацию, успели сбросить свои акции по высокой цене, а те, кто приобрел, через неделю из прессы узнали о катастрофе, постигшей шаха, следовательно, и их, злополучных держателей этих обесценившихся акций.

Никто не хочет проигрывать, а потому прибегают к помощи звездочетов, хиромантов или к советам экспертов, использующих для прогнозов ЭВМ. Однако ученейшие мужи также часто ошибаются. Это заставляет игроков прибегать к инсайдерам (внутренним шпионам и наводчикам), поставляющим конфиденциальную информацию. Эти мошенники постоянно и выигрывают.

Если существуют биржевые преступники, то есть и биржевая полиция. В США она называется Комиссией по ценным бумагам и бирже. Как всякая полиция, биржевая имеет тайную сеть осведомителей по всему миру. Тайный осведомитель из далекой страны, имя которого финансовая полиция не склонна афишировать, донес о поразительных успехах цюрихской брокерской фирмы «Эллис». Эта посредническая фирма так успешно спекулировала акциями, что прибыли ее клиентов за четыре года превысили 100 млн долл. Самое примечательное было в том, что за это время брокеры фирмы ни разу не «прокололись».

Вместо того чтобы порадоваться за посредников и их клиентов, финансовая полиция США в мае 1986 г. обратилась к помощи швейцарских властей. Руководствуясь договоренностью о взаимопомощи по выявлению преступников, швейцарские компетентные органы согласились «проявить» анонимные счета «Эллиса» в швейцарском банке.

Среди них значился Денис Левин — менеджер американского инвестиционного банка «Дрексел Ламбер». Будучи банкиром, через которого проходила информация о готовящихся слияниях и поглощениях, захватах и перегруппировках, Левин заранее, тайком скупал акции обреченной корпорации. Анонимный, или секретный, счет в Швейцарии позволял ему совершать спекулятивные сделки, не привлекая внимания жертв, сослуживцев, прессы и финансовой полиции, которая не без оснований

рассматривает сделки на базе служебной информации как биржевой разбой и соответственно наказывает [35].

После того как официально объявляли о слиянии или захвате обреченной компании, Левин тайком продавал ранее приобретенные акции, но уже по более высоким ценам. Этот средней руки спекулянт сумел нажить 12 млн долл. и спрятать их в Швейцарии. Но спекуляции на основе секретной информации показались банкиру недостаточно прибыльным занятием, о чем догадывалась и полиция. Когда агенты из финансовой полиции обрисовали ему ближайшие перспективы (многомиллионные карательные штрафы, равнозначные разорению, и порядка 10 лет тюрьмы), он согласился сотрудничать с полицией. И первым делом «заложил» своих деловых друзей.

Этот банкир и спекулянт оказался еще инсайдером. Он вовсю торговал тайнами инвестиционного банка, которые был призван охранять. Поставлял он информацию в основном Ивану Бойски — хищнику и грозе крупнейших корпораций по обе стороны Атлантики. Отец Бойски, покинувший в начале века Россию, ни счастья, ни денег в Новом Свете не нашел [36].

Иван Бойски в пику Ивану русскому продемонстрировал, что только дураки могут лежать на печи, ждать принцессу, а еще полцарства в придачу. Он колесил по стране великих возможностей в поисках счастья и денег. Неизвестно как счастье, но деньги он нашел. Он сумел очаровать дочь Бена Сильберштайна, крупного американского торговца недвижимостью. Тесть устроил его клерком по биржевым операциям в банк Ротшильдов в Нью-Йорке.

Когда зять овладел тайнами биржевых спекуляций, тесть ссудил необходимые деньги, и Иван Бойски начал собственное дело. Он стал биржевым игроком, скупал и продавал акции, имея тайную информацию, поставляемую инсайдерами, в том числе и Левиным. Шпионские труды Левина ценились в 5% от суммы сделок, совершенных на основании конфиденциальной информации. Если учесть, что сделки достигли сотен миллионов дол-

ларов, то можно представить, что ремесло шпиона с каждым годом все лучше оплачивается.

От своих инсайдеров Бойски стало известно о желании английской торговой фирмы «Аргиль» захватить производителя знаменитых марок шотландского виски «Дистиллерс». И он вылетел в Англию, чтобы предложить руководству «Аргиль» свои услуги по «тихой» скупке акций намеченной жертвы. Чтобы не платить Бойски, который смахивал на биржевого шулера, каковым в действительности он и был, хозяева «Аргиль» выставили его за дверь. Иван, как сказочный герой, неудач не признавал. С таким же предложением он обратился к хозяевам пивной компании «Гиннесс», где быстро сообразили, что этот человек знает толк в спекуляциях. Хотя операция, как говорят англичане, и дурно пахла, однако решили этот аспект сделки не обсуждать. Бойски с компаньоном стали скупать тайком акции «Гиннесса» по обе стороны океана и продавать акции компании «Аргиль».

Цены на акции «Гиннесса» пошли вверх, а акции упрямой и непокладистой «Аргиль» покатились вниз. Руководству «Аргиль» стало не до захватов чужого добра. Обескураженные этим «биржевым бумом» хозяева бросились спасать начавшую лихорадить компанию. «Гиннесс», заплатив 3,7 млрд долл., захватила «Дистиллерс». Как любитель больших, необычайных рекордов, «Гиннесс» могла эту аферу записать в Книгу Гиннесса.

Аферы и доходы росли как на дрожжах. Иван Бойски вошел в первую десятку финансистов, список которых публикует «Форчун». Еще в 1984 г. нефтяная корпорация «Шеврон», входившая в клуб нефтяных гигантов «Семь сестер», поглотила «сестрицу» по имени «Галф ойл», потратив более 13 млрд долл. Другая корпорация — «Тексако» поглотила оставшуюся после смерти нефтяного магната Гетти сироткой «Гетти ойл», истратив на это более 10 млрд долл.

Отец, очевидно, рассказывал сыну о джигитах, которые крали невест и получали за это пешкеш. Но если в горах ограничивались конем или буркой, что тоже было ценно, то на бирже за то, что «по-

мог овладеть первой сестрой», Иван получил подарок в размере 65 млн долл., а за вторую «сестричку» — 100 млн долл.[37]

Финансовая полиция, которой стали известны махинации Бойски, взяла его под контроль. Иван, чувствуя, что шутки с финансовой гвардией плохи, и вспомнив дни без цента в кармане, согласился сотрудничать с полицией. Он начал закладывать своих агентов, друзей по бирже, покровителей, дельцов. В качестве ищейки Бойски проявил незаурядные таланты. Он встречался с финансовыми дельцами и держателями акций, банкирами и менеджерами, вел переговоры о новых махинациях, обговаривая детали, уточняя имена и сроки, способы и каналы переброски капиталов и захвата новых корпораций. Ничего не подозревающие собеседники выкладывали всю информацию, которая записывалась на потайной мини-магнитофон, предусмотрительно прихваченный прогоревшим финансистом.

Бойски оказал неоценимые услуги финансовой полиции, которая по достоинству их оценила. Благодаря особому таланту и усердию Бойски выторговал себе возможность сбыть «заработанное» под покровительством Комиссии по ценным бумагам и бирже. Это дало право прессе утверждать, что инсайдерами Ивану служат специальные агенты финансовой полиции. Сбыл он ценных бумаг ни много ни мало, а на 1,3 млрд долл.

Для приличия Бойски оштрафовали на 100 млн долл. Конечно, это не смертельно, но и это его огорчило. Лишенный доступа к фондовой бирже, он написал книгу «Мания слияний», где выдал секреты фондовой спекуляции Уолл-стрита. Однако книгу запретили под предлогом аморальности изложенного. С помощью наводчика Левина, который его выдал полиции, он заработал 4 млн долл., что действительно немного для человека таких масштабов, как Иван Бойски[38].

Конечно, репортеру из «Уолл-стрит джорнел» обидно, что он попал за решетку, в то время как международный аферист пишет книги и с помощью агентов финансовой полиции по-прежнему продол-

жает спекулировать, хотя это ему запрещено судебным иском.

Бойски сумел выйти сухим из воды и сохранить миллионы. Поэтому можно понять печаль американского мафиози Счастливчика, зарабатывающего «хлеб насущный» гангстеризмом, которому такого достичь не удалось. Действительно, он попал не в ту банду, которая совершает ограбления в чистых манишках и простым поднятием пальца или нажатием кнопки персонального компьютера, как стали практиковать в последние годы на лучших мировых фондовых биржах.

Экономический шпионаж стал настолько распространенным явлением, что его исследованием занялись ученые. «Может ли корпорация иметь совесть?» — задавался риторическим вопросом «Гарвард бизнес ревью», рассматривая этические аспекты деятельности бизнесменов. Гарвардский университет всегда стремился охватить и преподнести слушателям все новое, что появляется в сфере бизнеса. Не без веских оснований академический рупор американской плутократии «Гарвард бизнес ревью» утверждал, что «ложь изучается как способ ведения переговоров» [39].

Редкое единодушие в этом вопросе проявляет орган деловых американских кругов «Форчун». В ключевой статье «Как шпионить за вашими конкурентами» журнал утверждал, что «шпионаж в бизнесе — не этическая проблема, а устоявшийся прием деловой конкуренции». И далее не без иронии «Форчун» поучал, что «шпионаж за конкурентами — дело заурядное. Большинство технических приемов законно, а некоторые из них даже этичны». Правда, такое утверждение не помешало журналу поместить в стоп-ай, чтобы привлечь внимание, импозантного бизнесмена в замочной скважине [40]. Сама же статья в основном рассматривала всевозможные способы выуживания научно-технических, технологических, коммерческих и прочих секретов.

Такой подход к экономическому шпионажу далеко не нов. Уже в первой половине 80-х годов в шведском городе Лунде местный университет к тра-

дициональным программам добавил факультативный спецкурс «Основы экономического шпионажа и разведки». Учитывая, что промышленники, которые финансируют этот факультет, зря раскошеливаться не станут, то приходится констатировать, что экономический шпионаж приобретает на Западе статус науки, достойной и развития, и преподавания в стенах элитарных колледжей и университетов.

Корсары бизнеса

...Сирена полицейской машины заставила расступиться экзальтированную толпу любопытных, обступивших человека, который пять минут назад выбросился из окна высотного здания. «Мгновенная смерть» — констатировал полицейский, переворачивая еще не остывший труп молодого человека, одетого в вельветовые джинсы и спортивную майку с эмблемой Гарвардского университета. Следствие еще не началось, но сержант полиции, который обслуживал этот район уже более 20 лет, знал наверняка, что еще один гонщик за химерой счастья не выдержал темпа и капитулировал, выбросившись из окна небоскреба.

Тысячелетиями поэты и мудрецы, политики и идеологи бьются над проблемой человеческого счастья. Будучи прагматиками, американцы не стали искать счастья в туманных, заоблачных далях. С присущим им здравомыслием, граничащим с примитивизмом, американцы ясно и лаконично сформулировали, что «счастье — это быть богатым».

В США большим спросом пользуются пособия, руководства и монографии о том, как стать миллионером, если тебе не посчастливилось родиться в семье Паккардов, Рокфеллеров, Краунов и иже с ними. Особой популярностью пользуются беллетристические биографии тех редких счастливчиков, которым действительно удалось пробиться «из грязи в князи». Их не много, но они есть. Это с новой силой подогревает надежды тех, кто жаждет преуспеть любой ценой [41].

Подобные публикации уверяют, что Соединен-

ные Штаты — страна великих возможностей и каждый может стать миллионером. Если верить этим пособиям, то делается это просто. Начинающий кандидат в миллионеры, еще не одолев до конца азбуку начальных наук, может начать торговать газетами, а вырученные деньги пускать в оборот. При умелом ведении дела такая операция, многократно тиражированная, сделает нерадивого школьника финансовым тузом, и в конце концов он сможет приобрести и газету, службу в которой он начал мальчиком на побегушках.

Поскольку тот факт, что школьников, бесспорно, больше, чем газетных концернов, не вызывает сомнений, то остальным претендентам рекомендуют стать бизнесменами в других областях. Хотя проблема трудоустройства и существует на сегодняшний день в США, но это ни в коей мере не относится к одаренным молодым людям. Перед ними открыты все возможности стать сенаторами, верховными судьями, президентами и даже мультимиллионерами.

Если верить американской прессе, для этого надо начать с высшего образования, которое «самое совершенное и самое демократичное». Кем бы ты ни был, каково бы ни было твое социальное происхождение, если ты талантлив, то путь наверх предопределен, даже если у тебя нет денег. Поскольку талант социально не детерминирован, но его расцвет требует больших материальных затрат, благоприятных условий, то государство готово оплачивать обучение будущих капитанов индустрии и вкладывать в образование, сколько необходимо. «Бог любит Америку, а Америка обожает таланты». Что относится ко второй части, это действительно так. Государство, благотворительные фонды или кредитные корпорации оплатят учебу тех, кто хочет и может принести пользу корпорациям. Если талант позволяет и воля в наличии, любой может остановить свой выбор даже на Гарварде и поступить в высшую школу бизнеса.

Если Сорбонна дышит ароматом писаной истории, Кембридж упивается вселенской респектабельностью, граничащей со снобизмом, то Гарвард мо-

жет хвалиться тем, что из его стен вышло больше миллионеров, чем из всех европейских храмов науки, вместе взятых. Правда, туда и поступало больше миллионеров, чем куда бы то ни было. Познания и интеллект высоко котируются в Гарварде, поскольку при определенных условиях они легко трансформируются в деньги. В Гарварде царит культ денег, которые даются только победителям.

Отбор, обучение и закалка в Гарварде поставлены на солидную финансовую, научную и деловую основу. Иначе и невозможно, когда речь идет о миллиардных суммах, которыми его питомцы будут распоряжаться в своей дальнейшей деятельности. Уже одно зачисление в студенты свидетельствует о высоком образовательном цензе и интеллектуальных потенциях прошедших конкурсный отбор [42]. Можно быть сыном министра, сенатора, миллиардера или же самого президента, но если не выдержишь специальные экзамены и сложные тесты, то путь в Гарвард заказан.

Верность истеблишменту обеспечивается не только тем, что студентов для элитарных вузов отбирают из высших слоев общества, но и тем, что таланты по мере их расцвета интегрируются в высшую социальную структуру. Зачисленные в Гарвард, зная собственную исключительность, не могут не боготворить систему, которая вознесет их на вершину социальной пирамиды. Питомцы Гарварда готовы верой и правдой служить истеблишменту, из какой бы прослойки они ни «вышли в люди».

Особенно не стоит обольщаться и демократичностью отбора. Подавляющее большинство студентов — выходцы из верхних слоев. В Гарварде корсаров бизнеса, каковыми в сущности и являются высшие менеджеры, готовят со всей серьезностью. В высшей школе бизнеса не только жесткий отбор, но и изматывающий ритм учебы. Даже если когонибудь и удастся пристроить со средними способностями, то тянуться за группой, в которой одаренные люди упорно работают, он будет не в силах. Чтобы выдержать подобный темп, необходимо отлично окончить именитые частные колледжи, где уровень преподавания намного выше, чем в государ-

ственных. Быть первым любой ценой, быть первым везде и во всем, быть первым в спорте, быть первым в учебе, быть первым в общественно-политической жизни — вот лозунг Гарварда. Лишь первый достоин жизни и жизненных благ.

Едва абитуриент становится студентом, как ему представляют точно выверенный план постижения наук, графики тренировок и перечень культурных и политических мероприятий, которые практикуются в Гарварде. Уточнив, что можно и нельзя, что относится к факультативу, что — к обязательной программе, а также с учетом склонностей студента определяют программу на весь период обучения. Дан старт — и горе тому, кто отстанет. «Тебе ничего не остается, как бежать в колее, не тобой проложенной, и в темпе, не тобой выбранном,— утверждал один из выпускников, с блеском окончивший Гарвард, ныне преподаватель Колумбийского университета У. Питер.— Если нет, тебя сомнут» [43].

В США действуют около 700 факультетов и высших школ по подготовке менеджеров, способных принимать оптимальные решения в условиях финансовых неурядиц и экономических перепадов. Гарвард среди них не только самый престижный, но и самый передовой, по американским канонам разумеется. В его стенах изучаются экономика, финансы, основы управления промышленными и финансовыми корпорациями, организация сбыта, делопроизводство, бухгалтерский учет и многое другое. Особое внимание уделяют привитию вкуса к использованию вычислительных сетей, персональных компьютеров, а также экономико-математическим методам.

Широкое распространение получили деловые игры. С первых курсов студентов распределяют по «компаниям», которые начинают между собой конкурентную войну «не на жизнь, а на смерть». Причем игры ведутся с соблюдением тех же правил, что и в сфере реального бизнеса. Здесь определяется, кто на что способен и кого куда можно пригласить. Хозяева хотят, чтобы их деньги были в руках тех, кто их преумножит. Главную роль

играет воспитание навыков, призванных сформировать из студентов самураев бизнеса.

На семинарах разбирают конкретные случаи из деловой практики, различные казусы, прорабатывают всевозможные варианты решения, с тем чтобы неожиданные, нестандартные ситуации не застали врасплох будущих лидеров делового мира. Значительное место отводится также изучению зарубежного опыта и иностранных языков, без чего ни современный менеджмент, ни шпионаж во имя бизнеса неосуществимы. Гарвард — школа передового бизнеса еще, быть может, потому, что первым ввел новый курс «Техника стратегической дезинформации», проще говоря, курс экономического шпионажа.

Режим работы и тренировок не оставляет особо много времени на различные хобби и тем более на расслабление. В условиях жесткой конкуренции прошлые заслуги не в счет и отставание смерти подобно. Напряжение сохраняется с первого до последнего дня. За время обучения выявляются все способности студента: и интеллектуальные, и научные, и организаторские, и политические, и деловые. Особенно высоко котируются организаторские таланты в сфере бизнеса.

Уже с первых курсов к студентам присматриваются всевозможные кураторы. Крупнейшие корпорации, как «Дженерал моторс», ИБМ, «Экссон», ИТТ, «Локхид» и другие, изучают деловые и личные качества студентов. К третьему курсу ведущие корпорации начинают направлять деятельность тех, кого они намереваются к себе взять. Наиболее одаренным предлагают стажировку за рубежом за счет корпорации, знакомят их с исследовательскими и производственными центрами, как с местом будущей работы, пожить в Японии или западноевропейской стране, где имеются филиалы транснациональных корпораций. После таких зарубежных турне студенты, которые еще недавно кичились своей «хипповой» внешностью, ходят в твидовых костюмах, заказанных в элитарных домах моделей. Костюмы, как и поездки, оплачиваются фирмой. Более того, в шикарных ресторанах избран-

ные могут пользоваться открытыми счетами или кредитными карточками, т. е. обедать и ужинать за счет корпорации. Такая «нежная забота» имеет прозаичное объяснение. Это выгодно корпорации, ибо «прибыль течет туда, где есть мозги». Подобная забота не может не вызвать чувство благодарности и не привязать будущего менеджера к корпорации. Таким образом им дают с самого начала почувствовать, что они входят в новую могущественную семью, что их ценят и о них заботятся. От них требуется только одно — хранить лояльность бизнесу и упорно работать.

В Гарварде пестуется элита Соединенных Штатов, а положение, как известно, обязывает. В высшей школе бизнеса учат американской системе ценностей. Карьеру и реализм, переходящий в цинизм, ставят выше культуры, человечности и добрых чувств. Последнее лучше вообще не иметь. Будущий менеджер должен быть аналитиком, бесстрастным и жестким. Питомцы Гарварда превыше всего ставят деньги и карьеру. Этим идолам нередко в жертву приносят все то, чем живут простые смертные и что им дорого на этой земле,— любовь, жену, детей, родственные связи и даже собственное «я». Если верно, что «за гордое счастье мыслить надо платить тоской и разочарованием», то верно и то, что на алтарь честолюбивого счастья преуспеть надо положить человечное в человеке.

Бизнес жесток и требует всего человека, и дело не в том, что бизнесмены генетически запрограммированы на удушение ближнего своего, а в том, что система конкуренции отбирает их и вынуждает к жестокости. Или ты, или тебя, третьего не дано. И будущую элиту готовят к схваткам, в которых им придется в полной мере продемонстрировать и ум, и хитрость, и щедрость, и алчность, и любезность, и коварство, и стоицизм, и жестокость, нередко граничащую с соучастием в убийстве. Неудивительно, что жестокость проявляют и по отношению к самим питомцам муз бизнеса. Кто не выдерживает многолетних жестоких изнуряющих гонок, вынужден сойти с дистанции, даже если он вышел на финишную прямую. А это совсем не

просто, особенно если за тобой нет отцовских миллионов. Исключение из Гарварда для многих — крушение всех надежд и жизненная катастрофа. В самом деле, видеть себя среди избранных, почувствовать вкус власти, пропитаться ядом честолюбия, испытать счастье быть богатым... и вдруг из разряда будущих вершителей судеб перейти в разряд неудачников. Что может быть хуже! Воистину, «горе побежденным». Непродолжительное парение на фоне небоскреба, и все в прошлом. В стенах Гарварда нередки случаи самоубийств, не говоря о нервных срывах и тяжелых заболеваниях.

Но тем, кто заканчивает Гарвард успешно, открываются блестящие перспективы. В зависимости от ранга менеджера и от объемов оборота корпорации, а также состояния дел, выслуги и т. д. доходы менеджеров сильно варьируются. Так, при обороте более 2 млрд долл. в год зарплата высших менеджеров достигает 400 тыс. долл. Ведущие транснациональные корпорации выплачивают в год 1 млн долл. и более. Для сравнения можно сказать, что в начале 80-х годов профессор Гарварда получал порядка 50 тыс. долл. в год, сенаторы-конгрессмены и верховные судьи — от 60 до 80 тыс. долл.[44] Во всем капиталистическом мире спрос на хороших менеджеров превышает предложение. Потому понятен тот ажиотаж, который практически никогда не прекращается среди питомцев частных привилегированных школ и одаренных абитуриентов.

«Управлять Соединенными Штатами — все равно что управлять «Дженерал моторс»»,— утверждают в стране. Питомцы Гарварда готовятся взять бразды правления и тем и другим, ибо в конечном счете кто правит бизнесом — правит Америкой. Так или приблизительно так функционируют все школы бизнеса. Если учесть, что и менеджеров, и шпионов отбирают из элитарных вузов, то ясно, что будущих капитанов индустрии и финансовых воротил учат ценить информацию.

...В конце 50-х годов Поль встретил своего старого школьного друга, разговорились. «Кстати, Поль,— спохватился соученик,— где ты сейчас работаешь?!» Поль не нашелся, что ответить, ибо

Поль Гетти был мультимиллионером. В 60-х годах его состояние оценивалось в 1,2 млрд долл. и он считался одним из самых богатых людей капиталистического мира.

Самый богатый человек любил говорить, что «информация — мать интуиции». Очевидно, этот делец имел серьезные основания для таких резюме. Папаша Гетти удачными спекуляциями нажил 15 млн долл. и оставался заурядным миллионером с богатым выбором невест и с большим опытом бракоразводных афер. Отец осуществлял эти операции в темпе: одна жена в три года. Однако отец не забывал о деле, к которому относил и воспитание сына. Он послал Поля в Калифорнийский университет, где тот успешно изучал геологию, а затем уехал в Англию, чтобы получить в Оксфорде навыки и диплом экономиста. По возвращении Поль приобрел участок земли за 500 долларов, взятых у отца взаймы. Участок оказался нефтеносным. Если учесть, что шел 1914 год и нефть была в высокой цене, неудивительно, что через пару месяцев за продажу участка Поль выручил 40 тыс. долл. Успех окрылил. Разведав новые участки на нефтеносность, он приобретал их, чтобы тут же перепродавать втридорога. За два года он сколотил 2 млн долл., но тут ударился в дикий загул. Гнев отца не знал границ. Он грозился проклясть сына и лишить его наследства. Последнее подействовало. Блудный сын вернулся на стезю бизнеса и вновь стал заниматься нефтью. В 1930 г. отец умер, завещав сыну только 0,5 млн, а остальное оставил его матери. Видимо, и на смертном одре не мог забыть загулы сына. Первым делом единственный сын начинает войну с родной матерью из-за отцовского наследия и выигрывает его.

Удачные спекуляции, а также добыча и переработка нефти сделали Поля миллионером средней руки. Но ему не давало покоя настоящее богатство. Честолюбие, отшлифованное в университетах, страдало. Просматривая газету, Гетти прочел на первый взгляд совершенно рутинную заметку о том, что некий Дэйвис заключил договор-концессию на разведку нефти в далеком от Лос-Анджелеса Кувейте.

Гетти хорошо был информирован о своем злейшем конкуренте Ральфе Дэйвисе, который, поднакопив денег и опыта в «Стандарт ойл оф Калифорния», открыл собственное дело. Хитрый, пронырливый и предусмотрительный Ральф не мог, очертя голову, заплатить кувейтскому шейху более 7 млн долл. только в виде задатка. В то же время специалисты уверяли, что никакой нефти в этой зоне нет. Гетти задумался. Трудностей было не счесть. Есть или нет нефти — по значимости для Гетти не уступало гамлетовскому «быть или не быть». В сущности и там и тут вопрос подразумевал: «жить или умереть».

В таком важном деле только интуиция, основанная на достоверной информации, могла дать правильный ответ. Гетти расширил до международных масштабов агентурную сеть, которая всерьез приступила к экономическому шпионажу. Прогнозы специалистов, купленные за большие деньги, отчеты поисковых партий, приобретенные не самыми праведными путями, карты нефтеносных районов, похищенные многочисленными агентами Поля Гетти, конфиденциальные сведения о характере, слабостях и сильных сторонах окружающих короля Сауда, проживающего в самом роскошном дворце Вселенной, сказочное великолепие которого соперничало с современным комфортом,— все имело значение.

Гетти выявлял нефтеносность района, возможные расходы и финансовое положение короля Сауда. О богатствах Сауда ходили легенды, и он всем своим поведением подтверждал это. Установив, что денег не хватает и фантастически богатому Сауду, Гетти предложил ему с соответствующим подобострастием, клятвами в верности и преданности делу мусульман 10,5 млн задатка наличными. Более того, Гетти обязался в продолжение концессии независимо, найдут нефть или нет, вносить в королевскую казну 1 млн долл. ежегодно [45]. Король, видимо, не очень верил в нефтеносность безжизненной пустыни, где никто ничего найти не мог уже много столетий. Королю оставалось только удивляться безумию миллионера, не знающего, куда деть деньги.

Заплатив в 1949 г. обусловленную сумму, Гетти приступил к разведке недр нейтральной зоны, на которую он получил концессию. Прошел первый год бесполезных поисков, на которые израсходовали несколько миллионов долларов, но никаких признаков нефти пустыня не подавала. Год шел за годом, а в раскаленной пустыне по-прежнему не было и намека на нефть. Многие заболевали, отказывались продолжать поиски, нередко умирали в обезвоженной пустыне. Вести приходили одна хуже другой. Гетти советовали отказаться от «безумных поисков», но он продолжал посылать людей и технику в эти гиблые места.

Состояние Гетти таяло, кроме инвестиций в поиски надо было платить еще Сауду. А нефти все не было. Интуиция Гетти, основанная на достоверной информации, казалось, подвела. Надо было спасать остатки или пустить пулю в лоб. За четыре года Гетти вложил 30 млн долл., почти все свое состояние. И ни одной капли нефти не удалось найти. Только в мае 1953 г. в местечке Вафра была найдена высококачественная нефть. И, как в сказке, Поль, балансирующий на грани банкротства, стал мультимиллионером. Из мелкого «авантюриста» он превратился в самого богатого человека в мире.

Что заставило этого человека вкладывать деньги в, казалось бы, безнадежное дело и проявить столько воли и упорства? Мнения расходятся. Очевидно одно: если бы не было достоверной информации о нефтеносности района, он бы никогда не приступил к разведке нефти и тем более не принял бы условия короля. Более того, без хороших шпионов, выведавших нравы эль-риядского двора, ему бы не удалось перехватить концессию под носом у таких матерых хищников, как Рокфеллеры и Ханты. В этом деле агентами по сбору сведений служили специальные миссии Гетти, и подкупленные царедворцы, и евнухи, местное население и случайные болтуны.

Поль Гетти, как и многие сильные мира сего, был не без странностей, если скрытность можно считать странностью. О любви американцев к рекламе написаны фолианты научных и псевдонауч-

ных трудов, но Поль терпеть не мог паблисити. Гетти заплатил информационному агентству Ассошиэйтед Пресс 100 тыс. долл., чтобы редакторы уничтожили фотокадр, где он беседует с кувейтским шахом. Может, это и не было странностью, а всего лишь предосторожностью по отношению к активным потенциальным конкурентам. Вряд ли странностью можно считать и то, что он 30 лет не разговаривал с собственной матерью. Уже глубоким старцем, на пороге вечности, он так объяснял противоестественную ненависть к матери: «Это она, моя мать, виновата в том, что я не стал миллиардером десятью годами раньше!» [46]

Нет числа уловкам и хитростям, к которым прибегают «промышленные термиты», как на Западе именуют «рыцарей плаща и кинжала», чтобы купить или продать секреты конкурентов. Так, менеджер одного из производственных отделов американского супергиганта «Экссон», хотя и преуспевал в своем деле, решил, что зарабатывает куда меньше, чем необходимо или заслуживает. Самый простой и доступный путь, как он не без основания решил,— это получение не облагаемых ни местными, ни федеральными налогами доходов за счет продажи секретов «родной» корпорации конкуренту. Он написал письмо с грифом «конфиденциально» вице-президенту по рыночным операциям конкурирующей корпорации и предложил свои услуги за 100 тыс. долл. наличными. Они стоили того, ибо он предлагал документацию «Экссона» с грифом «топ сикрит», т. е. высшие секреты.

Внимание детективов привлекла отметка «конфиденциально», и они конечно же не могли пропустить такое письмо, не вскрыв его. Тайное стало явным. Письмо — слишком серьезная улика, чтобы отвертеться. И предприимчивому менеджеру из «Экссона» вместо услужливых служащих банков пришлось иметь дело с полицейскими чинами.

Корсары бизнеса во всем мире одинаковы. Современная Италия характеризуется особо крупными мошенническими аферами, грандиозными биржевыми спекуляциями могущественных промышленных магнатов, гнетущей круговой порукой темных

дельцов и политиканов, разношерстных экстремистов, кровавыми злодеяниями вездесущей мафии, равно как коррупцией и экономическим шпионажем. Примером может служить дело «Монтэдисон».

Это один из крупнейших и наиболее мощных итальянских концернов с международным масштабом деятельности. Он был образован путем «насильственного брака» между независимыми химическими компаниями «Монтэкатини» и «Эдисони». Чтобы узаконить этот брак и вести тайные переговоры с руководящими деятелями правительственных коалиций, будущий президент «Монтэдисона» Валерио лично прибыл из Милана в Рим. Дело в том, что слияние этих компаний можно было подвести под ту или иную статью налогового законодательства, и в зависимости от этого сумма налога могла составить от 15 тыс. до 35 млрд лир. Для успешного завершения операции по слиянию, кстати сказать поощряемого государством в целях повышения конкурентоспособности своих компаний на международном рынке, лидеры правящей Христианско-демократической партии запросили 100 млн лир. Столько же потребовали социал-демократы. У Валерио выбора не было, и он согласился, после чего слияние было признано законным, соответствующим интересам нации, в кратчайшие сроки все формальности были закончены. Вместо 35 млрд был уплачен символический налог в размере менее 26 тыс. лир. По завершении операции Валерио счел своим долгом не платить 100-миллионные гонорары, «чтобы не поощрять алчность партийных боссов» [47].

Став во главе «Монтэдисон», Валерио развернул бурную деятельность. Обладая колоссальными финансовыми возможностями, властью и непомерным честолюбием, он принялся расширять границы империи «Монтэдисон» как внутри страны, так и за рубежом. И по всем признакам он в этом преуспевал.

Как-то утром за чашкой кофе в своей миланской вилле, листая английскую газету «Файнэншл таймс», Валерио наткнулся на маленькую заметку. В ней говорилось, что промышленный концерн

«Монтэдисон» подпал под контроль государственного объединения ЭНИ. Изумлению, страху и неверию не было предела, ибо это означало, что группа «Монтэдисон» подпала под контроль своего основного конкурента, против которого Валерио начал борьбу, едва сев в президентское кресло.

После сложных перипетий и борьбы он был вынужден подать в отставку. В президентском кресле «Монтэдисон» оказался Мерцагора, который, несмотря на преклонный возраст, развил бурную деятельность. Но закончилась она так же неожиданно, как началась.

Однажды Мерцагора уронил в своем служебном кабинете ручку на пол, нагнулся, чтобы ее поднять, и обнаружил портативный радиопередатчик, вмонтированный в стол. За краткий миг наклона он осознал, впервые может быть, всю мерзость способов ведения дела, которому он отдал лучшие годы жизни. Он обследовал свой кабинет и обнаружил «электронные жучки» в креслах, подушках дивана, за портьерами и в других потайных углах кабинета. Он жил в царстве, где улавливался и шорох шагов, не говоря уже о разговорах, многократно усиливаемых специальной аппаратурой.

Причем оказалось, что часть аппаратуры была вмонтирована по приказанию Валерио — бывшего президента, другая Чефисом — будущим президентом «Монтэдисон». Сказать, что Мерцагора ушел из-за этих радиошпионов, было бы большим преувеличением. Однако их наличие показало, что ему противостоят неразборчивые в средствах, а потому более экспансивные и более могущественные силы, чем он сам. В этом он убедился лишний раз, когда ему вручили финансовый отчет «Монтэдисон», в том числе запечатанные в конверте документы, отражающие «гонорары» политическим деятелям из так называемых черных фондов.

Мерцагора не был наивным романтиком и знал, что зачастую компании не отражают в своих балансах часть сумм, предназначенных для «деликатных» целей. Но он был поражен и обескуражен размерами сумм, утаенных от акционеров и налоговых органов государства. Только за пять лет

одной фирмой было выплачено различным политическим партиям, начиная от фашистов и кончая социал-демократами, более 17 млрд лир.

Коррупция и политиканство, как вор и торговец краденого, идут рука об руку через всю историю. Когда после долгих сомнений Мерцагора открыл этот факт вопиющего произвола и беззакония, на исполнительном комитете контрольной коллегии все ее члены без исключения высказали сожаление. Но не по поводу коррупции, а по поводу того, что президент ввел в курс дела коллегиальный орган и тем самым поставил его в деликатное положение. Этого не ожидал даже умудренный опытом и знанием законов бизнеса Мерцагора, который вскоре и подал в отставку.

...Утром 18 июня 1982 г. президента миланского «Банко Амброзиано» Кальви, которого разыскивали по всей Западной Европе и Северной Америке, нашли повешенным под лондонским мостом «Черные братья». Самоубийство неправдоподобно, ибо незачем было так далеко отправляться, чтобы затянуть на себе петлю. Мотивы ограбления также исключены: в одном его кармане лежало порядка 20 тыс. долл., в других — камни, чтобы удавка сильнее затянулась. Иначе говоря, причины коренились в других сферах.

Кальви во всех своих скитаниях не выпускал из рук портфель, который исчез вместе с банкиром. Как писал советский исследователь Г. Зафесов, «вероятнее всего, ему вообще не было цены, так как Кальви никогда и ни при каких обстоятельствах не расставался с этим хранилищем секретов» [48]. Банкира нашли под мостом, а «хранилище секретов» исчезло бесследно, вызывая самые фантастические кривотолки. Отсутствие фактов не ограничивает полет фантазии. Кальви так или иначе был замешан в грандиозном финансово-политическом заговоре масонской ложи П-2. Банкиром ложи, как известно, был Миколе Синдона, «самый удачливый итальянец со времен Муссолини», как отзывался о нем американский еженедельник «Тайм».

В результате махинаций убытки банка были столь грандиозны, крахи столь часты, убийства

столь обыденны, тайные каналы перекачки денег столь разветвлены, что делом Синдоны и Кальви занялись итальянские власти, «Интерпол», американские прокуроры, швейцарские карательные органы [49]. Налеты гангстеров, даже самых удачливых, кажутся детскими забавами по сравнению с фантастическими суммами, присваиваемыми респектабельными банкирами. Ставки столь высоки, что нередко разменной монетой выступают судьбы самих мошенников и охотников за ними.

Шефа экономического отдела итальянской секретной службы полковника Ренцо Рокка в 1968 г. нашли мертвым. Версия самоубийства, выдвинутая официальными органами, устраивала только определенные круги. Итальянская газета «Коррьере делла сера» писала в те дни, что Рокка «является хранителем всех секретов предпринимательского класса и раздираемых внутренней борьбой, постоянно нуждающихся в деньгах политических партий...» [50]. Пресловутая формулировка «Он слишком много знал» если не объясняет таинственную смерть полковника, то по крайней мере дает информацию к размышлению. Тогда же был застрелен и журналист Мино Пекорелли, приступивший к самостоятельному расследованию финансовых афер. За этим последовала серия таинственных смертей.

К длинному списку следует добавить смерть двух ближайших сотрудников Синдоны. По официальной версии, они сами свели счеты с жизнью, но, поскольку стало известно, что оба изъявили желание помочь следователям, занимавшимся «делом Синдоны», самоубийство куда больше смахивает на убийство. В разгар скандала исчез Миколе Синдона, банкир ложи П-2. Вскоре он объявился худой, небритый, подавленный и стал уверять, что был похищен террористами. Но сведущие люди полагают, что он сам организовал свое исчезновение, чтобы привести в полную боевую готовность тайное и наиболее эффективное оружие нападения и защиты.

Этим оружием было досье на очень важных персон, собранное личным сыском. В частности, уверяют, что Синдона в обмен на свою жизнь передал мафиози список на 500 высокопоставленных лиц,

занимающихся нелегальным вывозом валюты из Италии. Конечно, убийства в конкурентной борьбе — бóльшая редкость, чем самоубийства. В деле Кальви убийства обусловлены не столько деловыми, сколько политическими мотивами. Однако и конкуренция способна сократить жизнь бизнесменов.

Конкуренция беспощадна к слабым, поэтому менеджеры учатся всю жизнь. Так, по свидетельству западной прессы, в Японии имеются тренировочные школы для бизнесменов. Казалось бы, в этом нет ничего достойного внимания широкой общественности, если бы в школе учили основам маркетинга, знакомили с новыми образцами технологии или организации производства. В том-то и дело, что в этих школах будущие руководители должны пройти школу «закалки». Достигается она путем унижения, которое является методом самоочищения, бесконечных оскорблений и даже путем физических наказаний. Чтобы выиграть войну, необходимы те свойства, которыми в прошлом славились самураи: дисциплина, целеустремленность, стопроцентная отдача, вплоть до самопожертвования. В нынешнем мире бизнеса, как не без основания считают японские дельцы, выстоять и победить смогут только «самураи бизнеса», которые и воспитываются всей системой выживания сильнейшего. Фирмы охотно платят специальным школам по закалке будущих менеджеров.

Вместе с тем конкуренция — это единственно известный путь к выявлению потенции человека, который в конечном счете и ведет общество к материальному и интеллектуальному процветанию. Шантаж, коррупция, шпионаж — это ржа, наслоения и гниль, поражающие бизнес, основанный на конкуренции. Потому не следует уподоблять конкуренцию ее уродливым проявлениям, как нельзя усматривать корень ржавчины в металле.

Будучи наиболее отвратительным порождением нечистоплотной конкуренции, экономический шпионаж не только прибегает к таким морально осуждаемым и уголовно наказуемым деяниям, как подкуп и слежка, подглядывание и ложь, диффамация и подслушивание, шантаж, но и расставляет неви-

димые силки для засекреченных специалистов и высших менеджеров.

Миллион за молчание

Глянцевый блеск, благородство линий, совершенство аппаратуры современных автомобилей восхищает и вызывает чувство заслуженного уважения к их создателям. С первых дней возникновения автостроительных компаний начались схватки, патентные войны, судебные тяжбы, захваты и слияния, громкие банкротства и тайные злоупотребления. Для «самодвижущихся экипажей» в Европе не было условий, чтобы пробиться к массовому потребителю, им суждено было переместиться в Америку. Однако автомобили и здесь оказались в условиях, далеких от законов честной конкуренции.

В конкурентной борьбе автомобильные концерны не стесняются в выборе средств и способов. Помимо рекламы они используют промышленный шпионаж, подслушивание, похищение секретов, переманивание специалистов и высших менеджеров. Последние в силу исторических корней конкурентной борьбы приобретают порой характер курьезов. Так, в 1968 г. вице-президент «Дженерал моторс» Симон Кнудсен (с годовым окладом 482 тыс. долл.) обиделся на руководство концерна, чем воспользовался «Форд мотор», который, переманив к себе С. Кнудсена, назначил его президентом концерна «Форд» с годовым окладом свыше 0,5 млн долл. Таким образом С. Кнудсен, который имел доступ ко всем секретам «Дженерал моторс», стал президентом его извечного соперника — «Форд мотор».

В автомобильных кругах эту новость расценили как беспрецедентное предательство, равного которому не было с 1921 г., когда Уильям Кнудсен, отец Симона Кнудсена, считавшийся гением у старого Форда, поссорился со своим хозяином и перешел в «Дженерал моторс». Он добился там огромных успехов в выпуске автомобилей марки «Шевроле» и вскоре стал президентом корпорации. Как полагают, на этот пост рассчитывал и его сын. Но назначение

получил Эдвард Коул, и это явилось причиной того, что обиженный Кнудсен оказался у Форда.

Перед Кнудсеном была поставлена задача — увеличить долю на американском автомобильном рынке средних по стоимости автомобилей, где приоритет держал «Дженерал моторс». Но вскоре С. Кнудсен, который не угодил новому хозяину, как и отец деду хозяина, был освобожден от занимаемой должности.

О характере и нравах, царящих в высших эшелонах корпоративной власти, свидетельствует книга Джона Райта ««Дженерал моторс» в истинном свете», описывающая одного из высших руководителей автомобильного гиганта.

В апреле 1973 г. Джон Де Лориан, будучи вице-президентом крупнейшей промышленной империи «Дженерал моторс», был вынужден подать в отставку из-за разногласий с руководителями ТНК. После увольнения с помощью профессионального журналиста он опубликовал бестселлер, как взгляд изнутри на автомобильный гигант, в котором поведал миру, что большой бизнес — это большая грязь. Книга эта тем более интересна, что автор, перед тем как рассориться с корпорацией, достиг 14-го этажа, символизирующего собой высшую власть ТНК «Дженерал моторс». Именно на этом этаже сосредоточены кабинеты высших менеджеров: именно здесь просматривается секретная документация, здесь принимаются решения, от которых нередко зависят судьбы целых отраслей и порой экономики суверенных стран Азии, Америки, Африки и Западной Европы. О чем же поведал Де Лориан, сойдя с этажа власти, где каждый имеет ключ от собственной туалетной комнаты? Этот ключ, как ничто другое, символизирует власть в корпоративной элите, он своего рода маршальский жезл капитанов индустрии. Лориан поведал о нравах, которые царят в корпоративной иерархии: подхалимаж, коррупция, бюрократизм, непотизм, преднамеренный обман миллионов потребителей ради сверхприбылей.

По мнению Де Лориана, слабость «Дженерал моторс» в области научно-технических нововведений создавала неутолимую жажду информации о произ-

водственной деятельности конкурентов. Руководство корпорации было столь озабочено планами «Форд мотор» — основного конкурента, что окончательное утверждение своих производственных программ часто откладывало до получения новых данных о противнике, добываемых путем промышленного шпионажа. С этой целью в платежных ведомостях «Шевроле» (одного из основных производственных отделений «Дженерал моторс») числились два специалиста, которые работали у «Форда» и занимались там промышленным шпионажем. Излишне говорить, что они и у «Форда» фигурировали в платежных ведомостях. Воистину, «ласковый теленок двух маток сосет».

«Когда я работал в «Шевроле»,— рассказывал Де Лориан,— с копией полной программы «Форда» по маркетингу на следующий год ко мне зашел сотрудник, который уверял, что эти копии распространяются по всей корпорации. Я удивился, но позже узнал, что у нас принято выуживать информацию у конкурентов... Однажды, придя на совещание административного совета, я увидел высших чинов, склонившихся над сверхсекретным документом, в котором раскрывалась вся структура производственных расходов «Форда». В докладе был дан полный анализ издержек производства и распределения готовой продукции конкурента. Аналогичные данные по нашей корпорации никогда не выходили за пределы 14-го этажа. Высшие менеджеры «Дженерал моторс» к любым данным об издержках производства не допускают даже управляющих отделениями, не говоря о конкурентах» [51].

С большей тщательностью, чем государственные тайны, охраняются проекты и эскизы новых автомобилей. В технические центры промышленных монополий доступ закрыт не только для посторонних, но нередко и для руководителей корпораций, которые непосредственно не занимаются этими проблемами. Об этом рассказывается в книге «Автобиография Йакокки», выпущенной «Бантэм букз», исправленной и дополненной профессиональным журналистом Новаком. В этой книге Ли Йакокка очень осторожно отмечал, что «экономический шпионаж в авто-

мобильном бизнесе, о чем пресса особенно любит посудачить, имеет место.

Как-то в начале 1970 г.,— писал Йакокка,— один из моих друзей, работающий в концерне «Крайслер», показал мне секретные документы «Форда», проданные одним из наших ребят конкурентам. Я показал эти бумаги Генри Форду, он пришел в ярость. Форд попытался установить систему, которая бы выясняла, как промышленным шпионам удается похищать секреты и что можно сделать, чтобы пресечь это. Поскольку установить слежку за всем штатом невозможно, пришлось поставить шифровальную машину и пронумеровать все копии секретных отчетов. Первым был Генри Форд, вторым — президент Йакокка и т. д. Если бы произошла утечка, то можно было бы вызвать тех 12 ребят, которые имели доступ к отчетам, и сказать: «Один из вас в этой комнате врет...»»[52].

Но и Йакокка далек от того, чтобы говорить всю правду. Дело в том, что, обвиняя Генри Форда во всех грехах, в которых тот, очевидно, погряз, Йакокка настойчиво уверял, что этот «незначительный случай» имел место в начале 1970 г. Ведь в конце года он стал президентом «Форд мотор», а потому занятие таким малоблагородным ремеслом, как экономический шпионаж, портит портрет кумира американской молодежи, с кого «должны делать жизнь», о чем сказано в предисловии к книге. Хранение секретов в случае с Ли Йакоккой имеет особо деликатный характер.

Трудности Ли Йакокки проистекали из того факта, что он, покидая «Форд», обязался не работать в автобизнесе. «Гонорар» в 1,5 млн долл., который концерн обязался выплатить, был своего рода отступным для того, чтобы Ли не поставил на службу конкурентам знание всех секретов второго американского автомобильного гиганта и не продал конфиденциальную информацию за рубеж. В любой другой отрасли Йакокка мог работать и занимать самые высокие должности. Если нарушал договор, то он терял эту сумму. Но плата за молчание не сработала, 1,5 млн долл. оказались недостаточной компенсацией, чтобы заставить Йакокку замолчать

или похоронить свои честолюбивые и мстительные амбиции. Тем более что руководство «Крайслера» согласилось «выкупить» этот контракт, т. е. дать Йакокке те 1,5 млн долл., которые он терял, если поставит свой опыт и деликатные знания, приобретенные за долгую службу на фирме конкурентам [53].

Недаром Форд, узнав, что Йакокка собирается стать президентом конкурирующей компании, потерял покой и сон, стал наводить справки и приложил немало усилий, чтобы помешать этому. Однако Форд оказался бессилен. С помощью государственных субсидий, самоограничений рабочих и служащих фирмы «Крайслер», которые согласились на снижение заработной платы, правильным выбором стратегии и тактики, неуемной энергией, подхлестываемой обидой, жесткостью и требовательностью и к себе и к подчиненным, порой доходящими до жестокости, Ли Йакокка выиграл и стал кумиром Америки. А Форд II, получив в сфере бизнеса еще пару жестких оплеух, вынужден был подать в отставку, уступив место председателя правления корпорации. В том, очевидно, и сила Йакокки и его команды, что они сумели убедить всех, от высших менеджеров до рабочих, что лучше меньше получать, чем быть безработными. Эта истина только на первый взгляд кажется простой, для американской действительности она не столь очевидна.

Как бы там ни было, но не стоит недооценивать то, что Йакокка изнутри знал, как «Форд» делает автомашины, как проектирует и что проектирует, на чем концерн теряет и на чем выигрывает и каковы его реальные планы. Секретная информация, которой владел уволенный президент, стоила того, чтобы заплатили такую сумму. Даже он был вынужден признать, что помнит несколько случаев, когда конкуренты тратили значительные усилия, чтобы заранее получить фотографии будущих автомобилей.

Если верить Йакокке, то получение таких фотографий ничего, собственно, и не дает. При этом он ссылается на то, что в 60-х годах фотографии «Мустанга», отцом которого он по праву считается, попали в руки конкурентов — руководства «Дже-

нерал моторс». Оно не сумело ни помешать феерическому успеху этой модели, ни само выпустить аналог, хотя дизайн нового автомобиля им был известен за два года до начала выпуска.

Такие признания в устах столь авторитетного менеджера, как Ли Якокка, могли бы и поколебать общепринятые представления, что в автомобильной отрасли свирепствуют наиболее жесткие законы нечистоплотной конкуренции, и в первую очередь экономический шпионаж. Но, зная перипетии непростой судьбы автоиндустрии и мотивы, которые выявляются через действия, не сомневаешься относительно того, что утверждает Якокка.

Еще студентом Принстонского университета Якокка стажировался в «Форд мотор» и с тех пор работал на него беспрерывно в течение 32 лет, из них 8 лет президентом компании. В течение этих долгих лет второй человек второго американского автогиганта не мог не знать, что «Форд мотор» располагает хорошо разветвленной сетью экономического шпионажа.

Жесточайшая конкурентная борьба за рынки сбыта продукции, сферы приложения капиталов и стремление к получению максимальных прибылей вынуждают руководство корпораций внимательно следить за деятельностью своих конкурентов, и прежде всего за европейскими и японскими концернами. С этой целью создаются специальные органы «по образу и подобию» разведывательных центров суверенных стран, которые занимаются добыванием, изучением и анализом материалов о политическом, экономическом и социальном положении в европейских странах, Японии, Юго-Восточной Азии и в других странах, где автомобильные монополии имеют свои интересы.

Еще в 1974 г. международная корпорация «Дженерал моторс» создала так называемый Европейский совещательный комитет, в который вошли высокопоставленные представители ряда европейских стран. Комитет поддерживает тесные «деловые контакты» с банковскими, торговыми и промышленными организациями Западной Европы, с руководителями «Общего рынка» и с органами ООН. Бюд-

жет комитета мог соперничать с бюджетами разведывательных служб Франции. Двумя годами позже, в 1976 г., такой же «комитет» был создан корпорацией «Форд». В него вошли представители самой корпорации, европейские бизнесмены и бывшие государственные деятели европейских стран, которые благодаря своим связям оказывают «неоценимые» услуги «Форд мотор», т. е. осуществляют среди прочего экономический шпионаж в ее пользу. Таким образом сотрудники филиалов, а также «эксперты» местного происхождения получают как бы двойное гражданство — и как гражданин своей страны, и как «подданный ТНК». Учитывая, что их процветание зависит от ТНК, они вынуждены осуществлять экономический шпионаж во вред своей стране и в пользу корпорации.

Внешне деятельность Ли Якокки в «Крайслере» выглядит как «пришел, увидел, победил», или, говоря его словами, «создание цели — кадры, качество, доходы». Он начал с кадров, и довольно оригинальным образом. Уходя от Форда, Якокка прихватил с собой служебные записки, где среди прочего были деликатные, если не сказать больше, характеристики на всех крупных менеджеров. Видимо, понимая двусмысленность положения и будучи не до конца уверенным в успехе задуманного, он не говорит об этих записках с Генри Фордом. Он как бы между прочим спрашивает разрешение у брата Генри Билла Форда забрать их. Будучи еще президентом «Форда», Якокка просил главного финансиста империи составить характеристики на «финансовые таланты» и не забыл прихватить эти бумаги с собой.

Отношения между Генри Фордом и Якокккой испортились не в один день. Этим двум волевым, честолюбивым, амбициозным натурам было слишком тесно в одной упряжке, и кто-то должен был уйти. Собственно, так и поставил вопрос Генри Форд перед членами совета директоров. Позднее Якокка, быть может, искренне удивлялся, почему ему предпочли Форда, который, по его мнению, уже не тянул груз, гнулся под бременем власти и ответственности. На этот вопрос нетрудно ответить, если

учесть, что со дня основания компанией «Форд» правил кто-нибудь из клана. Старый Форд II боялся, что волевой, решительный и беспринципный Йакокка сомнет слабовольных вырождающихся отпрысков.

Так или иначе, обладая деликатной информацией «кто есть кто» в фордовской вотчине, едва Йакокка перешел в «Крайслер», он стал сколачивать команду из «фордовских игроков». Многое дает основание думать, что он серьезно готовился к переходу. В декабре 1978 г. он приступил к вербовке Дж. Гринвальда, который возглавлял филиал «Форда» в Венесуэле, пообещал ему должность президента концерна, и позже тот преуспел в этой должности. Он в свою очередь переманил С. Миллера, которого хорошо знал по совместной работе в Каракасе, на должность главного финансиста балансирующего на грани банкротства концерна. Ушедший от «Форда» Г. Вокс занялся реорганизацией дилерской сети — этого нервного узла, связывающего продуцентов с потребителями. Ганс Матиас, специалист по качеству, набравший опыт, работая в «Форд компани», также перешел в «Крайслер». Именно благодаря его усилиям качество продукции «Крайслера» стало приближаться к качеству продукции японских компаний.

До перехода в команду Йакокки Дик Дач набирался долголетнего опыта в «Дженерал моторс» и «Фольксваген». Тот в свою очередь перетащил из прежней автоимперии дюжину высококлассных молодых специалистов. Всех не перечесть. Одни, надеясь на новые перспективы, другие — чтобы отомстить, третьи-в надежде, что им развяжут руки, четвертые — что они резко пойдут вверх, и т. п. В одиночку и группами переходили через невидимую линию фронта и начинали воевать против тех, с кем еще вчера делили «хлеб». Одни считали это предательством, другие геройством, ибо они шли в разваливающуюся компанию, чтобы своим трудом, упорством и талантом поднять из руин корпорацию «Крайслер».

Вице-президент Хэл Сперлих, работавший на Йакокку еще в бытность его президентом на «Фор-

де», стал вице-президентом по планированию продукции «Крайслера». Он был личным другом Йакокки, перешел в «Крайслер» раньше. В свое время Йакокка не сумел защитить своего друга и единомышленника от Генри Форда, который даже запрещал им садиться на заседаниях вместе. И он проложил путь, по которому, собственно, Ли Йакокка переметнулся вопреки условиям полуторамиллионного контракта в «Крайслер». Йакокка стал председателем правления, а специалисты «Форда» — мозговым трестом «Крайслера».

Таким образом, весь верхний эшелон новой власти был создан из кадров, выпестованных «Фордом», и, естественно, они стали насаждать методы «делания автомобилей и денег», практикуемые в «Форд мотор». Все это дает возможность предполагать, что Йакокка загодя готовился к переходу в «Крайслер» и собирал всю необходимую информацию конфиденциального характера, которую он позже с большой выгодой использовал.

Форд ничем не лучше Йакокки и при случае, если бы талант позволял, поступил бы точно так же. Может, потому и проиграл, что в новых условиях не тянул против новых хищников. Тем более любопытно отметить, что, будучи еще президентом «Форда», Йакокка перетянул не один десяток одаренных специалистов не откуда-нибудь, а из «Крайслера», пользуясь тем, что «Форд» больше платит и предоставляет лучшие возможности для роста, дерзания и отдыха. Таковы законы бизнеса. Хотя «Форд» и «Крайслер» с не меньшим упорством борются за выживание, победа сделала Ли Йакокку звездой и кумиром Америки. И детям, живущим в малоимущих районах, школьные учителя вдалбливают: «Учись хорошо и станешь, как Йакокка!»

О жестокости конкуренции можно говорить без конца. Курьезным откровением для Йакокки и его супруги было то, что после ухода из «Форда» они могут приглашать на обеды и сами ходить в гости к супругам Эстес. Будучи соседями по «кооперативному дворцу», они в течение многих лет делали вид, что не замечают друг друга. Никогда не здоровались, не заговаривали даже о погоде, не говоря о

том, чтобы перекинуться парой слов об автомобилях. Дело в том, что Эстес тоже был президентом, но президентом «Дженерал моторс». Нет худа без добра. После того как Йакокку изгнали, оказалось, что они давно симпатизировали друг другу. Но эта краткая дружба так же быстро кончилась, как и началась. Едва прошел слух, что Ли станет работать на «Крайслере», как они вновь перестали замечать друг друга и здороваться.

Два президента могущественных монополий не могут говорить между собой на самые банальные темы, не говоря уже о бухгалтерах и среднетехническом персонале. Если случайно партнер по теннису окажется из конкурирующей корпорации или жены, будучи школьными подругами, перезваниваются между собой, то это верный признак того, что они вскоре потеряют работу или в любом случае окажутся под колпаком контрразведки корпорации. В мире шпионажа все имеет значение.

Служащий компании «Крайслер» подслушал разговор, из которого стало ясно, что лучший фотограф «Форда» гуляет по Парижу. В этом не было ничего необычайного. Однако соответствующие службы связались с представительством «Крайслера» в Париже и установили, что «Форд» собирается сфотографировать новую модель, разумеется, секретно, на фоне Эйфелевой башни. Выяснилось также, что после съемок фотограф отправляется в Гонконг. Получив необходимую информацию, эксперты сделали вывод, что «Форд» на ближайшие годы планирует выпуск так называемого мирового автомобиля, компактного, недорогого, высокостандартизированного, пригодного для всех районов мира [54]. Соответственно свою стратегию на 80-е годы стала строить и «Крайслер». Это лишний раз свидетельствует о значении секретов в конкурентной борьбе, цены на которые постоянно растут.

Глава III | Многоликий шпионаж

Таинства моды

Как стиль жизни мода возникает на стыке фантазии художника и восприимчивости масс. Она не патентуется, как другие виды изобретений. Специфика зарождения моды и особенности жизненного цикла того или иного стиля создают особые условия для шпионов, подвизающихся в торговле красотой.

Мода — это зыбкий плод извечного стремления людей восполнить изъяны тех, кого природа обделила, и подчеркнуть совершенство тех, к кому она была благосклонна. Как избежать унылой монотонности замкнутого круга, где вращаются одни и те же люди, если бы не мода? Мода в конечном счете — это неутолимая жажда красоты, элегантности и привлекательности. Эти стремления вечны и неиссякаемы, особенно у прекрасной половины человечества. Этим не могли не воспользоваться профессионалы, которые научились удачно торговать секретами красоты и элегантности.

Мода — это особая сфера бизнеса, ибо одна удачно сделанная модель возносит безликого портного на вершину международного бизнеса. В мгновение ока она делает его респектабельным миллионером, арбитром элегантности. Мода не только подстегивает швейную индустрию и связанные с ней отрасли, но и имеет важное социальное значение. Это прежде всего чувство нового, жажда перемен, а потому и толика прогресса.

Древнегреческая мифология повествует о том, как Кентавру подарили отравленный хитон, который высасывал кровь из всех пор тела, пока тот не скончался в страшных муках. Хотя мифы и далеки от действительности, но и современные хитоны отравили жизнь не одному поколению людей: и тем, кто их создает, и тем, кто жаждет их заблаговременно получить.

Рыночная экономика развивается по синусоиде с

довольно широкой амплитудой колебания. Но в мире экономических катаклизмов и финансовых неурядиц есть отрасли, которые не подвержены конъюнктурным колебаниям. Именно такой сферой приложения капиталов и деловой активности является шпионаж в области моды. В любом общественном явлении заложены остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Каждый век рождает свои легенды. Наш век не исключение, ибо родилась легенда, которой не хватает лишь исторического аромата.

...В одной бедной французской семье родилась девочка, которой не могли дать ни систематического образования, ни приданого. Девочка ничем не отличалась от своих бедных сверстниц, если не считать, что до безумия любила наряжать свою куклу. Не раз ее шлепали, нередко и больно, за то, что из занавесок, не без труда купленных родителями, она кроила наряды для своей крошки.

Предприимчивый англичанин в полной мере оценил ее талант и предоставил в ее распоряжение шляпную мастерскую. Если Золушка Шарля Перро получала элегантные наряды, то эта миниатюрная женщина дарила их людям щедро. Однажды у нее порвалось ожерелье, и рассыпались бусинки. В спешке она нанизала их, как попало. С тех пор пошла мода на ожерелье из бусинок, нанизанных в беспорядке, правда, беспорядок все же французский. Во время длительного отдыха она по забывчивости или по лени не убереглась от палящих лучей солнца. В Париж вернулась загорелой, и во всем мире загар вошел в моду.

Она была добра и демократична. Если до нее на женскую юбку уходило до 10 м материала, то она научила женщин обходиться полутора метрами, ввела в моду простые линии, что удешевило шитье, сделала дешевые материалы модными. То, чем наделила ее природа, она щедро отдавала людям.

Всегда она придерживалась древней мудрости: «Ничего сверх меры». Она не терпела в одежде эксцентричности и излишеств. Свой вкус и талант она оттачивала, изучая старинные портреты, рассматривая изящные украшения и конечно же впи-

тывая высшую гармонию, присущую только природе. Она прожила долгую и плодотворную жизнь и, по ее словам, каждый день что-то узнавала, каждый день что-то упрощала. Мода, как известно, живет на улице и умирает дома. Но она создала моду и для улицы, и для дома. Элегантность и хороший вкус эта маленькая парижанка отстаивала с упорством. Она создала новый стиль одежды, ввела в моду короткую стрижку, женские брюки, забытые со времен Жорж Санд, и оставила аромат тонких духов «Шанель». Если талант — это стиль, то она создала собственный и, умирая, могла сказать о себе с полным правом: «Я создала стиль для всей Вселенной».

Такова легенда о Коко, как ее любовно называли друзья! Такова и действительность, связанная с легендарной Габриэль Шанель, этой Эдит Пиаф от моды.

Еще одно таинство моды в том, что она время от времени покидает Париж. Так, смелый взмах ножницами английской модельерши, ополовинивший юбку, посрамил парижских мастеров высокого шитья, подорвал текстильную промышленность многих стран, пустил по миру тысячи известных компаний, покорил с быстротой эпидемии все континенты, создавая новое понимание красоты у доброй половины человечества. Даже шариат оказался бессильным против веяний, которые превратили Лондон в столицу мод.

Хотя в связи с модой и принято говорить о высоких эстетических принципах и бездне вкуса, но мода для тех, кто к ней активно причастен, остается сферой бизнеса. Поэтому Париж превзошел себя, предлагая женщинам самые немыслимые и экстравагантные силуэты. Едва схлынула всепроникающая мода на мини-юбки, как невидимое божество «вселенской элегантности» вновь поселилось в Париже. Кстати, существует широко распространенное мнение, что моду диктуют крупные монополии по пошиву одежды, которые навязывают широкой публике то, что им выгодно. Оно не совсем верно, как бы широко ни было распространено.

Дело в том, что мода — это социальное явление.

Во-первых, ежегодно на любой экспозиции, в том числе и в Париже, показывается разнообразная гамма нарядов, линий, воротников, силуэтов, аксессуаров и т. п. Но по не поддающимся определению признакам в один сезон входят в моду стоячие воротники и яркие тона, в следующем — ботфорты, ковбойские сапоги, полосатые юбки или строгие костюмы. В какой-то момент основная масса людей бросается в поиски рубашек и блузок без воротничков, т. е. того, без чего им собственная жизнь представляется неполноценной. Излишне говорить, что месяц назад такой наряд в лучшем случае мог вызвать только снисходительные усмешки. Таковы непредсказуемые веяния моды, и такова ее сила. Во-вторых, как показывает практика, законодателями мод не являются крупнейшие монополии. Как известно, самые крупные корпорации расположены в США, а мода берет начало в Европе. Да и сами крупные американские компании покупают эскизы за крупные суммы у тех же французов. Наконец, если не сориентируются вовремя, горят «синим пламенем» и сами законодатели мод, как это случалось не раз.

Очарование молодости и красоты побуждает одних стремиться к достижению идеала, других становиться арбитрами элегантности. Джузеппе Бальсамо, который прославился как граф Калиостро, еще в прошлом веке торговал по сути тем, что нынче принято называть косметикой или «эликсиром молодости». Немного косметики и много надежды — вот чем торговал Калиостро. Когда надежды не оправдались, его назвали «атеистом, отвратительным невеждой в религиозных вопросах, еретиком, бешеным мошенником» и для убедительности последовательно перезнакомили с элитарными тюрьмами Европы: Тауэром, Бастилией и папской крепостью Сан-Лео, где он и окончил свой полублестящий, полутрагический жизненный путь.

Но теперь косметикой торгуют оптом и в розницу. Только лак для ногтей выпускают и продают 2500 оттенков. И косметические фирмы утверждают: мы сделаем вас 20-летними, а вам останется только поменять год рождения в паспорте. Действительно, успехи в подкраске «слегка обветшалого фа-

сада» поразительны, женщины этим пользуются в полную меру. Выглядеть моложе собственной дочери уже не проблема.

Новые веяния порой принимают столь экстравагантные формы, что это дает право таким остроумным людям, как Оскар Уайльд, заметить, что мода — такой вид уродства, выносить который невозможно более полугода, поэтому она так часто меняется. С классиками не спорят. Может, классик и прав, но для душевного комфорта лучше считать: что модно, то и красиво.

Консервативный Лондон, не в силах побить Париж элегантностью, стремится быть первым хотя бы в том, что принято называть модой на грани скандала. «Итальянские конструкторы,— писала американская журналистка Хиб Дорси,— отличаются высоким профессионализмом, у французов прекрасные идеи, а вот англичане обладают бесспорным талантом к безумным помыслам» [1]. Если считать, что панк-мода зародилась на туманном Альбионе, то известная модельерша Зандра создала стиль «изысканные лохмотья». Причем волосы она выкрасила в немыслимый шпинатный цвет, наряды, если их так можно называть, изодрала в самых неожиданных местах. Конечно, безумные помыслы пользуются безумным успехом.

Издревле пытаются в моде отыскать целесообразность. Когда в моду входят макси-юбки, говорят, что они предохраняют женщину от простудных заболеваний; когда мини — что в них удобно водить автомобиль; когда миди — утверждают, что это — золотая середина. Мини, как известно, носили еще в Элладе, где об автомобилях знали куда меньше, чем об атомах. То же самое относится и к другим линиям и длине юбок. Когда в моду вошли большие карманы, утверждали, что это удобно для тысячи мелочей; когда маленькие — экономия материала. Приходится признать, что мода не всегда обусловлена целесообразностью, тем более в утилитарном аспекте.

Талантливые модельеры, следуя своему артистическому воображению, эстетическим принципам, чувству гармонии, создают новые модели. Скопи-

рованные на фабриках, в ателье и частными лицами, они теряют свою исключительность и, следовательно, свою ценность. Но в течение нескольких недель эти модели единственные, персонифицированные, а некоторые из них, бесспорно, ждет большое будущее. Именно из этого и проистекают их астрономические цены. Именно поэтому горстка парижских модельеров принимает бесконечное множество предосторожностей, чтобы избежать утечки информации. Два раза в год в Париже модельеры представляют новые коллекции весенне-летнего и осенне-зимнего сезона для своей клиентуры. Излишне говорить, что на показ мод приглашают строго определенное число лиц: дам из высшего света и торговцев готовым платьем, т. е. тех, без кого модели могут оказаться пыльным хламом. Среди приглашенных значатся и журналисты, которым полагается, как говорили прежде, подыскать красивые слова прекрасным нарядам.

Журналы и газеты, каким бы ни был их статус, имеют право публиковать фотографии только месяц спустя после премьеры. Это вызвано тем, что месяц считается достаточным сроком, чтобы получить прибыль от новой модели. Не зря парижские мастера утверждают, что новая линия имеет золотую цену в первые две недели, приравнивается к серебру в последующие три недели, после чего она быстро девальвируется. Может, в Париже и так, но мода имеет большой временно́й лаг, и нередко в «городе влюбленных» она успевает трижды смениться, прежде чем первая волна дойдет до Бангладеш или Огненной Земли. Необходимо отметить, что если новая мода как порождение цивилизации рано или поздно доходит до периферии, то многое другое остается для нее «за тремя морями», и в первую очередь духовные ценности.

В демонстрационный зал запрещено приносить фотоаппараты, магнитофоны, во время демонстраций нельзя делать рисунки, набрасывать эскизы. Хотя на демонстрацию мод и приглашаются высокопорядочные люди и респектабельные бизнесмены, всех и каждого держат под неусыпным контролем. По рядам открыто ходят специально обученные

служащие, чтобы никто не набрасывал эскизы, не говорил в мини-передатчик или не записывал на магнитофон «репортаж» о демонстрируемых моделях.

И все равно секреты высшего пошива похищают. Мировые законодатели мод не знают, как остановить утечку информации, которая вместе с тайнами уносит к конкурентам вожделенные миллионы. «Существует настоящая шпионская сеть,— жаловался Жан Марк Депуа, «верховный модельер» всемирно известного Кристиана Диора,— нам это известно, но разоблачить их почти невозможно» [2]. Это действительно трудно. К каким только ухищрениям не прибегают профессионалы похитители, чтобы завладеть секретами профессионалов модельеров. Специально обученные агенты текстильных корпораций под видом потенциальных покупателей или журналистов проникают на показ мод, они представляют солидные фирмы и занимают места согласно полученным приглашениям. Будучи профессионалами, они специализируются на деталях. Одна запоминает фасон воротника, другая — рукавов и бюста, третья — длину юбки и ее форму, четвертая — текстуру ткани и ее расцветку и т. д.

Задачи манекенщиц — поразить воображение публики, создать радужное эмоциональное пятно, заставить восторгаться нарядами и собой. Мимолетность и элегантная подвижность специально обученных жриц красоты не дают возможности аудитории в деталях запомнить быстро сменяющие друг друга наряды манекенщиц.

Едва демонстрация заканчивается, как в большой спешке шпионки покидают салон и собираются в предварительно снятом номере ближайшего отеля. Опровергая многочисленные инсинуации по поводу «девичьей памяти», они начинают по деталям восстанавливать всю модель. А дальше, как говорят, дело техники. Эти шпионки в юбках работают на американские, итальянские или гонконгские пошивочные и торговые фирмы. Получить месяц форы — это в условиях конкуренции завалить магазины одеждой, сделанной, «как у Кристиана Диора», причем раза в четыре дешевле, чем в Париже.

Как же узнают парижские модельеры, что их ограбили? Чаще всего через своих клиентов, пишущих возмущенные письма со всех концов света о том, что платья, за которые они заплатили бешеные деньги, продаются по дешевке в американских Афинах или гонконгских лавочках.

Шпионов за секретами домов моделей нередко называют «бандами Кодак», не столько потому, что они пользуются фотоаппаратами этой знаменитой фирмы, а по той простой причине, что сделанные ими эскизы настолько точны, что они скорее напоминают фотографии, чем рисунки.

Одним из наиболее скандальных дел, связанных со шпионажем против французских модельеров, было так называемое дело Мильтона, принятое к рассмотрению манхэттенским судом в начале 60-х годов. От имени французских модельеров выступил профессиональный союз, который предъявил иск американскому гражданину Л. Мильтону в похищении и разглашении секретов знаменитых домов моделей. Мильтон спустя 10 дней после премьеры опубликовал в американских журналах лучшие модели таких элитарных домов Парижа, как «Кристиан Диор», «Бальмен», «Живенчи», «Пату», «Ланвин», «Дессе», «Гардин» и «Нина Риччи». Карандашные наброски из альбома Мильтона шли нарасхват и продавались за тысячи долларов.

Хотя профессиональный союз парижского высокого пошива и выиграл дело, убытки оказались столь значительными, что и речи не могло быть об их покрытии за счет сумм, выплаченных Мильтоном. Судебная тяжба обошлась парижским домам моделей в 250 тыс. фр. Лишний раз было доказано, что лучше всего не допускать утечки секретов, а если она все же произошла, то не доводить дело до суда, тем более до американского [3].

Интересно отметить, что ни тогда, когда велось дело, ни после так и не удалось установить, каким путем Мильтон получил секретную информацию, столь тщательно оберегаемую парижскими модельерами. Очевидно, это так и останется тайной Мильтона, конечно, если он не оставит после себя мемуары, как это делают некоторые респектабельные

шпионы. В довершение всех бед, едва призвали к порядку американские журналы, эти модели стали появляться во французской прессе, но с ними было бороться проще.

Франция — единственная страна, которая имеет хорошо разработанное законодательство против подделок и строго его соблюдает. Италия о таких законах и не слышала, а США имеют столь запутанные нормы, что разговоры об их эффективности вызывают у юристов только снисходительную улыбку. О Гонконге, Таиланде говорить и не приходится. Во Франции тот, кто скопировал новую модель, может подвергнуться штрафу в несколько тысяч франков и тюремному заключению от трех месяцев до двух лет. Но и это не остужает горячие головы.

Гонорары за воровство эскизов новых моделей столь впечатлительны, а затраты при удаче столь мизерны, что возможность легкого заработка постоянно привлекает к этому бизнесу и хорошеньких манекенщиц, и дам из высшего общества, и журналистов респектабельных изданий, и почетных гостей с высокими титулами, не говоря уже об асах экономического шпионажа. Поэтому перед каждой премьерой парижские дома моделей сдают на хранение судебным исполнителям специально снятый накануне демонстрации фильм о коллекции новых моделей. Фильмы служат эталоном для установления истины. Подделки обнаруживаются быстро, ибо тщеславие одних женщин, одетых по последней парижской моде, не может не заставить их посещать самые оживленные места, а зависть других — доносить на них. Мода — именно тот секрет, который женщины предпочитают хранить коллективно.

В этом отношении французские законы сильно отличаются от правовых норм других стран. Юристы ищут не то, чем отличается оригинал от подделки, а то, что их объединяет. Это очень важно, поскольку в любой стране к платью можно пришить экзотическую пуговицу, бантик или рюшки и можешь спорить об авторстве наподобие героев вольтеровского Кандида. Как известно, они спорили 12 дней и ночей и каждый из них в последний день спора

говорил то же, что и в первый. Другими словами, французский закон не поощряет споров относительно различий, а судит и наказывает по наличию совпадений. Это и понятно: у Франции воруют.

Каналом утечки информации могут быть и сами служащие домов моделей. Поэтому все, кто причастен к созданию новых моделей, дают письменные обязательства не разглашать производственные секреты. Излишне говорить, что к их подбору подходят очень ответственно, их связи контролируются. Хотя и нет гарантии, но в отличие от американских менеджеров они редко покидают альма-матер. Видимо, это связано не столько с тем, что им хорошо платят, сколько с тем, что высокое шитье — это искусство. Талантливые люди, как правило, ценят свободу творчества выше, чем материальные блага. В этом и следует искать секрет того, что французские модельеры преданны своим фирмам. К этому можно прибавить еще то, что модельер, покинувший Париж, рискует навсегда выйти из моды.

Есть еще шпионки «из любви к искусству». Элегантные дамы нередко изыскивают пути пригласить на премьеру своего собственного портного. Тот ничего не рисует, не фотографирует, а ждет условного сигнала от своей госпожи. Как только условный сигнал подан, портной напрягается, и все внимание уделяется одному-единственному ансамблю. Именно этот наряд и является вожделенной целью. Едва премьера кончается, мастер шьет своей клиентке именно этот фасон. Чтобы охота за такими охотниками была успешной, парижские дома моделей содержат специальный штат сотрудниц с наметанным глазом, которые по кончикам пальцев, огрубевших от бесконечных уколов, определяют персону нон грата. Их вежливо выпроваживают.

Для полноты картины необходимо прибавить, что существуют такие агенты, которые занимаются «легальными подделками». Дело в том, что иностранные компании, и в первую очередь американские, покупают туаль модели без права указывать на готовой одежде марку французских домов мод. В этом случае модели продаются дешевле. Купив

«уцененные» модели готового платья, американские фирмы начинают их копировать. Хотя на одежде они и не ставят отметки о происхождении фасонов, но по телевидению, радио и в газетах не забывают рекламировать парижскую изысканность новых поступлений в супермаркеты и фирменные магазины. Против них тоже пытаются бороться. Наиболее эффективным в этом случае считается «захлопнуть двери дома перед носом нечистоплотного заказчика».

Однако борьба с подделками — дело самих компаний, и потому они вынуждены платить огромные гонорары частным сыщикам. Если учесть, что расследование может длиться годами, то охота за подпольными бизнесменами является весьма прибыльным ремеслом. Чтобы противостоять подделкам, которые все чаще принимают массовый характер, извечные конкуренты вступают в сговор. Такие всемирно известные дома мод, как «Пьер Карден», «Шанель», «Кристиан Диор», «Гуччи», «Нина Риччи», решили объединить свои усилия, чтобы противодействовать широко распространившемуся нелегальному бизнесу — производству подделок одежды мелкими предпринимателями, которые пользуются торговой маркой признанных лидеров мировой моды. Последние несут миллионные убытки. Отдельные несогласованные попытки подавить подпольных конкурентов предпринимались и ранее. Но в 80-х годах стала очевидной необходимость совместных усилий, которые могут принести компаниям — законодателям мод определенный успех. Но вряд ли это поможет искоренить подпольных предпринимателей полностью, ибо, сколько существуют качественные товары, столько существуют и подделки, от китайского шелка до персональных ЭВМ.

Тайны красоты французских салонов все равно похищаются, и, наверное, права была большой мастер своего дела Коко Шанель, которая воскликнула: «Мои находки сделаны, чтобы быть скопированными» [4]. Их копируют без зазрения совести, ибо погоня за прибылью напрочь заглушает слабые позывы совести супершпионок и их истинных

благодетелей — бизнесменов массового и индивидуального пошива.

Не меньшим, если не большим таинством, чем шпионаж, является возникновение, распространение и «гибель» моды. Именно эта таинственность и порождает охоту за секретами законодателей мод. Ни предсказать, ни тем более высчитать, какие линии и какие силуэты войдут в моду, еще никому не удавалось.

Как бы гениальны ни были первооткрыватели ядерной энергии, создатели подводных лодок или межконтинентальных ракет, пока на практическую жизнь людей куда большее влияние оказали изобретатели веретена, пряжи и простой иголки. Как ни парадоксально, самый крупный бизнес делается на простых, не вызывающих удивления товарах, в том числе и на одежде. Парадоксальность кажущаяся. Дело в том, что если завтра изобретателю удастся создать подследники, которые войдут в моду, и он сумеет воспользоваться своим изобретением, то станет самым богатым человеком в мире, ибо долларовый подследник, в котором нуждается миллиард женщин, даст больший доход, чем строительство всех намеченных авианосцев ВВС США. Поэтому неудивительно, что бизнес в сфере моды, как и изощренный шпионаж, процветает, а центры подделок а-ля Париж множатся.

Чары этикетки

Гений Пикассо принес ему мировую славу, а трудолюбие — фантастическое состояние. Он был необычайно плодовитым художником. Но и он не мог писать три картины перед завтраком. То, что не удалось самому Пикассо, сделал художник Давид Стейн. Он даже выпустил книгу под красноречивым названием «Три Пикассо перед завтраком». Правда, господин Стейн, хотя и талантливый, все же фальсификатор. Искусство фальсификации на Западе зашло так далеко, что в Вашингтоне была устроена экспозиция картин таких величайших живописцев, как Пикассо, Ренуар, Моне... в подделках.

То, что подделывались произведения искусства, ювелирные изделия под Фаберже, банкноты различных достоинств, золотые монеты, известно издревле. Наш век сильно обогатил это древнейшее ремесло, фальсифицируя все, что пользуется спросом. Нередко это приводит к катастрофическим последствиям. Рабочий, укладывая стропы парашюта на фабрике в Брансуике (США), обнаружил, что они необычайно легкие. При проверке оказалось, что они поддельные и при прыжке могли лопнуть. Разбившихся парашютистов или летчиков, выбросившихся в надежде на шелковый купол, списали бы как жертв несчастных случаев, которые то и дело происходят по нелепости. И никогда уже не установить, сколько раз это происходило.

Катастрофа с вертолетом перуанских ВВС в конце 1985 г., в которой погибло несколько человек, была вызвана поддельными деталями в конструкции. На 600 вертолетах аэрокосмической корпорации США «Белл геликоптер Текстрон» были обнаружены фальсифицированные узлы и детали. Не лучше ситуация в мировом автомобилестроении. Так, частные сыщики крупнейшей транснациональной корпорации «Дженерал моторс» выявили в странах Ближнего Востока, что 40% деталей с фирменным клеймом являются недоброкачественными подделками.

Торговля поддельными товарами приносит большие доходы фальсификаторам и нередко смертельный исход неосторожным покупателям. В числе наиболее фальсифицируемых товаров такие, как лекарства, парфюмерия, продукты питания, химикалии, удобрения, т. е. то, что связано со здоровьем человека. В западной прессе все чаще появляются статьи под тревожными заглавиями: «Опять жертвы!», «Когда это кончится?!», «Где же выход?» Речь, как правило, идет о жертвах фальсифицированных продуктов питания, лекарств и вин.

В связи со смертью 16 человек в Италии в апреле 1986 г. бельгийская газета «Драпо руж» писала, что «использование вин, в которые для крепости добавляют метанол, парализует организм, вызывает слепоту и даже смертельные исходы по при-

чине удушья». Алкоголь сам по себе далек от того, чтобы служить эликсиром здоровья. Но, «доведенный различными добавками до уровня марочных вин», он служит отравой, о чем свидетельствуют многочисленные жертвы [5].

Кто же эти фальсификаторы? Прежде это были мелкие жулики. Ныне этим стали заниматься и некоторые респектабельные владельцы мелких фирм, жаждущие легко заработать. Алчность заставляет предпринимателей становиться на скользкий путь незаконной наживы, и соблазн быстро разбогатеть втягивает их в водоворот рыночной стихии.

В послевоенное время фальсификацией товаров, и в первую очередь американских, занималась Япония. За ней потянулись Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Таиланд, Сингапур. Следует отметить, что центром подделок, или Меккой фальсификаторов, остается Тайвань. Свои центры сложились и в других регионах. Саудовская Аравия и Кувейт держат сомнительные лавры первенства на Ближнем Востоке, а Мексика, Бразилия и Аргентина — в Латинской Америке [6]. Как это ни парадоксально, 20% поддельных товаров всего мира производится именно в США мелкими компаниями.

Законодательство закрепляет право собственности на изобретение путем патентования. С экономической точки зрения патентование равнозначно монополизации выгод, связанных с использованием патента. Но заслуживает внимания и другая сторона: в условиях конкурентной борьбы патент претерпевает значительную эволюцию, превращаясь из «охранной грамоты» в опасный для ее владельца ориентир, ибо ее получение служит верным признаком наличия секретов, за которыми охотятся.

Патентование используется и для охраны продукции фирмы от подделок и имитации. Причем запрет касается как отечественных, так и импортных товаров. Но это не говорит о том, что патент исключает подобные случаи. Более того, в условиях беззастенчивой конкуренции подделки и имитации приобретают все большие масштабы.

Подделки порой так искусно имитируют настоящую продукцию, что нередко самим специали-

стам трудно установить, где фальшивка, а где подлинник. Дело в том, что подпольные фирмы налаживают производство подделок по той же технологии, с использованием тех же узлов, что и компании с мировым именем. Конечно, это становится возможным лишь при обладании чужими секретами. Начало подпольному производству дают шпионы, которые крадут не только секреты, но и важнейшие узлы и компоненты, а также тайные агенты, транспортирующие их товары через границы.

Производство и реализация подделок включают в себя весь арсенал экономического шпионажа — подкуп специалистов, похищение и приобретение на подпольном рынке секретных узлов и тайную переправку к местам сборки, порой на другие континенты, организацию подпольных предприятий, тайную сеть для продвижения на рынок поддельных товаров и их реализации.

До 97% продукции некоторых отраслей промышленности Швейцарии отправляется на экспорт, и швейцарцы затрудняются сказать, какое из экспортных изделий не подделывается. Выведенные из терпения, они решили организовать выставку поддельных товаров. В Люцерне были представлены партии «швейцарских» часов, останавливавшихся через месяц, электротовары, которые не работали, шоколад и даже «женевские» сигары, изготовленные в Бразилии.

Влияние подпольной индустрии многогранно. Не знающие в прошлом конкуренции швейцарские фирмы по производству часов попали в ложную ситуацию. Страны Тихоокеанского бассейна, и в первую очередь Гонконг, выбрасывают ежегодно на мировой рынок десятки миллионов дешевых электронных и механических часов. Все это было бы и не так страшно, когда бы подпольные фирмы этого региона, используя высокий престиж знаменитых швейцарских фирм, не освоили массовое производство точных копий наиболее популярных моделей. Фальсификаторы из Юго-Восточной Азии наводнили искусными подделками весь мир. В результате швейцарские продуценты несут колоссальные

убытки. Подделки, изготовленные в Гонконге, Сингапуре и Таиланде, трудно отличить от оригинала, тем более простым покупателям, а стоят они в несколько раз дешевле.

Масштабы подделок колоссальны: ежегодная продукция швейцарской фирмы «Картье» не превышает 250 тыс. шт., а, по оценке самой компании, в мире продается около 2 млн часов с ее маркой, т. е. в 4 раза больше, чем производит фирма. Только в рамках одной операции в США было изъято на 10 млн долл. скопированных изделий, конфисковано из торговой сети 500 тыс. пар наручных часов, изготовленных в Гонконге под «Картье» и «Ролекс». Часы доставлялись в США через солидные экспортно-импортные конторы, где к ним прикреплялись фирменные знаки, и продавались как первоклассный товар.

Для фирм, чью продукцию имитируют, подделки имеют катастрофические последствия: резко сужается рынок сбыта, уплывает к жуликам и халтурщикам прибыль, и, наконец, подделки подрывают авторитет фирмы, заработанный нередко качественной работой многих столетий. Дело в том, что подделки не только уступают в цене, но и сильно проигрывают по качеству перед оригиналом. Это понятно. Если фирмы с мировым именем рассчитывают на стабильность, то подпольные фирмы, как и жулики, думают, как бы побольше урвать и исчезнуть прежде, чем «Интерпол» * займется источником доходов. Расширение масштабов подделок заставляет Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) созывать специальные семинары, чтобы найти эффективные пути борьбы с подделками. В 1988 г. под Парижем ВОИС организовала выставку подделок, где демонстрировались картины Матисса, Пикассо, Вернера и 300 вариантов «Моны Лизы» Леонардо да Винчи, а также часы «Картье» с пятиминутной гарантией, чемоданы фирмы «Вьюттон», рубашки «Дакост», кассеты «Грюндиг» и т. п.

* «Интерпол» — Международная организация уголовной полиции, создана в 1923 г.

С подделками пытаются бороться самыми разнообразными способами. К примеру, фирма «Картье» организовала церемонию публичной казни 8 тыс. фальшивых часов в духе мрачного средневековья. Подделки под «Картье» были разложены на мостовой, и по ним пущен каток для утрамбовки асфальта. Телерепортаж об этой экзекуции был показан на экране в выставочном зале базельской выставки, чтобы выразить протест иностранным участникам ярмарки, прямо или косвенно связанным с этим малоблагородным ремеслом. Экзекуции подделок осуществлялись и в Сингапуре: трактор утюжил магнитофонные кассеты, записанные пиратским способом. Уничтожение продукции подпольных синдикатов становится повсеместным.

Вполне понятно, что прежде всего в борьбе с фальсификаторами заинтересованы те фирмы, продукцию которых и подделывают. Поскольку фирмы-призраки не рекламируют ни свое местонахождение, ни состав руководства, ни тем более свои связи и тайные операции, то их разоблачение и ведение против них судебных дел чрезвычайно затруднены. В свою очередь концерны, чью продукцию подделывают, вынуждены содержать огромный штат сыщиков, которые заняты выявлением и уничтожением подделок.

Особую тревогу «Интерпола» и национальных служб безопасности вызывает проникновение в эту деликатную сферу организованной преступности. Деньги, добытые преступными бандами, в таких классических сферах подпольной активности, как вымогательство, контрабанда, торговля наркотиками, игорный бизнес, проституция, ограбления, и суммы, вырученные киднапингом, вкладываются в теневую экономику. «С недавних пор,— писал американский журнал «Ньюсуик», имея в виду банду организованных преступников,— они стали прибегать к краже патентов, на основе которых выпускают собственную электронику и товары широкого потребления, устанавливать связи с аналогичными преступными организациями с целью распространения своего влияния в других уголках земного шара, проникать в новые сферы — от тор-

говли недвижимостью до коммерческих спекуляций. Наиболее могущественные банды Гонконга, Японии, Сингапура, Филиппин проявляют активность во множестве отдаленных от них стран и городов, и власти считают, что с некоторого времени гангстеры начали координировать свои действия» [7]. Азиатские банды — это крупные формирования со своим уставом, законами, беспрекословным подчинением младших старшим, широко разветвленными связями и службами информации и обеспечения.

Но прогрессирующий рост масштабов и географии подделок говорит о слабой эффективности борьбы против подпольных фирм. В самом деле, все новые отрасли (нелегальный выпуск музыкальных дисков, магнитофонных кассет, видеофильмов даже благородного содержания, не говоря о порнопродукции) становятся сферой влияния пиратов индустрии. Засилье подделок на мировом рынке охватило даже книгоиздательское дело. На рынках ФРГ все чаще стали появляться изданные в подпольных типографиях книги, пользующиеся спросом. Их охотно покупают, поскольку стоят они в 2—4 раза дешевле легальных, к тому же нередко они выходят в свет раньше оригиналов. Авторы и издательства несут огромные убытки. Во всех странах Юго-Восточной Азии можно купить книги, изданные в Лондоне, пластинки или кассеты с записями, выпущенные английскими фирмами. Но, став обладателями покупки, владельцы радуются недолго, ибо нередко это всего лишь подделка местных пиратов, которые ежегодно на продаже «английской» продукции зарабатывают сотни миллионов фунтов стерлингов.

То, что мир завален подделками под известные парижские дома моделей, что фальшивый аромат «Шанели» можно приобрести в лавочках Гонконга, Мехико и Канберры, что «стойкие» помады, хотя и носят самые громкие названия, тут же смываются, известно повсеместно. Всеобщая подверженность моде делает подпольное производство этих товаров особо притягательным для имитации и продажи.

В 1984 г. американская швейная компания «Джордаш» потратила 2 млн долл., чтобы выяснить, кто компрометирует торговую марку. Специальные детективы выследили доставленную в Нью-Йорк партию контрабанды — 10 тыс. пар джинсов с этикетками «Джордаш». Они были сфабрикованы на Тайване. Руководил этой акцией Бен Чан, президент сразу двух официально зарегистрированных в Нью-Йорке текстильных корпораций. Однако, как ни старались адвокаты «Джордаша» посадить мистера Чана за решетку за контрабанду, им это не удалось. Федеральный суд Нью-Йоркского округа довольствовался штрафом в 5 тыс. долл., в то время как моральные и материальные убытки фирма оценивала в 4 млн долл.

Подделывают все, от маек фирмы «Пума» до компьютеров под фирменным знаком ЭПЛ, и даже советское стрелковое оружие. Последнее не преувеличение. «Интерармс», единственная частная компания, официально торгующая оружием по всему миру, поставляет такое оружие режимам, идущим в фарватере внешней политики США. Реклама утверждает, что зарубежные «снайперы» и анонимные «профессионалы» более всего ценят автомат модели 62-S, которая является копией «испытанного в боях автомата Калашникова (АК-47) и снаряжена обоймами патронов русского калибра 7,62 на 39 мм» [8].

Можно выделить несколько способов подделок основной продукции теневой экономики. Самым простым и дешевым способом подделок является использование чужой славы, когда к некачественной продукции местных «специалистов» произвольно приклеиваются названия знаменитых фирм. Полмира ходит в свитерах с ярлыком «Пума» или «Адидас», хотя к всемирно известным фирмам ни изделия, ни производители никакого отношения ни с какой стороны не имеют. Даже столь примитивная эксплуатация чужой славы дает определенный экономический эффект подпольным производителям. Иначе они никогда не пошли бы на эти неоправданные производственные расходы. Что касается потребителя, конечно, мало кто верит

в их «заморское» происхождение. Но так устроен человек, что жаждет хотя бы таким образом быть причастным к миру престижных вещей и «тонкого вкуса».

Почти таким же примитивным является другой способ, когда к более или менее качественным фальшивкам — товарам цепляют настоящие или близкие к настоящим фирменные знаки. Тут покупатель вправе сомневаться, подлинная вещь или имитация, но выкладывать надо больше денег, поскольку может оказаться, что костюм из английской шерсти и вправду сшит фирмой «Бидерман», о чем свидетельствует и красочная этикетка. В этом случае этикетки, как правило, воруют или, изучив тонкости ремесла, достаточно точно воспроизводят.

Наиболее сложным и дорогостоящим способом создания подделок является производство часов, магнитофонов, персональных компьютеров и т. д. Как правило, эти подпольные структуры имеют хорошую финансовую базу, широкие международные связи и своих тайных агентов на местах. Путем тайной скупки и похищений они достают наиболее сложные узлы и детали на месте, переправляют их в Сингапур или Гонконг, где с помощью дешевой рабочей силы налаживают производство простых деталей и осуществляют сборку. В соединении с качественными узлами, изготовленными известными фирмами, готовую продукцию с фирменным клеймом реализуют вдвое дешевле, чем истинные производители этой продукции.

В последние годы рост числа фирм, занятых подпольным бизнесом, ведет к увеличению числа экспертов и компаний, занятых выявлением подделок и поисками подпольных производителей, чтобы избавиться от их недобросовестной конкуренции. В этих условиях даже конкурентам приходится объединяться в союзы по борьбе с подпольными предпринимателями и торговцами подделок. Так, фирмы по производству полупроводниковых приборов совместно нанимают сыщиков для проведения тайных операций по проникновению на «серый рынок», как на Западе именуют незаконную торговлю чипсами — электронными микросхемами.

По свидетельству американского журнала «Электроникс», в начале 80-х годов руководство крупных электронных фирм «Нэшнл семикондактор» и ее конкурента «Сигнетикс» забило тревогу, обнаружив, что была похищена значительная часть их продукции. Это и предопределило их совместное выступление для выявления путей краж и сбыта украденных чипсов. Совместными усилиями был создан специальный фонд для финансирования деятельности тайного агента, которому были предоставлены в качестве приманки чипсы на сумму 350 тыс. долл.

Сыщик выступил в роли похитителя чипсов, которому нужно было быстро сбыть свою продукцию. И покупатели нашлись. Перипетии тайной сделки с самого начала были записаны на пленку. Покупатели, загнанные в угол, согласились дать показания. Один из них оказался жителем Тайваня. Он переправлял украденные кристаллы на Тайвань и в Гонконг. Здесь в подпольных мастерских чипсы используются для изготовления персональных компьютеров. По сути подпольные фирмы наладили производство персональных компьютеров под маркой крупнейшей американской монополии ЭПЛ.

Производители интегральных схем и их разработчики часто оказываются жертвами грабежа со стороны как отечественных, так и зарубежных промышленных пиратов. «Сделав фотоснимок рисунка интегральной схемы, увеличив его и изготовив новые «маски»,— писал журнал «Электроникс»,— фирма, занимающаяся пиратской практикой, может заполнить рынок дешевыми изделиями и получить прибыли, которые по праву принадлежат действительному создателю данной интегральной схемы, затратившему годы на проведение дорогостоящих исследований и разработок» [9].

Но усиление работы служб безопасности электронных фирм нередко приносит неожиданные и нежелательные результаты. Успехи сыщиков сокращают емкость «серого рынка», а это в свою очередь ведет к удорожанию чипсов. В экономике, как и в повседневной жизни, нередки парадоксы. Фальсификаторы тайно воруют узлы и детали, технологию

и фирменные знаки, а обворованные вынуждены хранить эти факты в тайне. Дело в том, что, с одной стороны, факт промышленного пиратства может побудить новых паразитов к копированию продукции обворованных фирм, с другой — подорвать доверие клиентов и к самой фирменной продукции. Недаром президент Международной коалиции по борьбе с подделками Джеймс Байкофф утверждал, что «тема подделок все еще находится под запретом».

Ежегодные убытки от подпольного бизнеса для экономики США оцениваются в 8 млрд долл. По оценкам лондонского бюро разведки, в области поддельных товаров ежегодный оборот теневого рынка доходит до 60 млрд долл. Такие объемы мировой торговли фальшивыми товарами и предопределили то, что сегодня в союз по борьбе с подделками входят 140 крупнейших промышленных компаний.

В последние годы борьбой с подделками стали заниматься и на государственном уровне. В октябре 1984 г. конгресс США принял закон, согласно которому за несанкционированное перепечатывание интегральных схем виновники подвергаются штрафу в размере 250 тыс. долл. С 1984 г. действует закон о подделках торговой марки. Он предусматривает штраф до 1 млн долл. и тюремное заключение сроком до 5 лет. Более того, через год был принят закон о тарифах и торговле, в соответствии с которым отменяются льготы и беспошлинный ввоз товаров для тех стран, где действуют фальсификаторы. Это заставило ряд стран ужесточить собственное законодательство и объявить вне закона имитаторов чужой продукции.

Исключительное право на промышленную собственность осуществляется буржуазным государством с целью стимулирования научно-технического прогресса, позволяя фирмам-новаторам прибыльно окупить капиталовложения в науку. Существуют международные соглашения по защите промышленной собственности.

Правовой основой по охране промышленной собственности в международном плане является Париж-

ская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. Главная цель конвенции — создание льготных условий для патентования изобретений промышленных образцов и товарных знаков фирм одних стран в других странах. Конвенция неоднократно пересматривалась с учетом процессов, протекающих в недрах мировой экономики и международных экономических отношений. В 1965 г. СССР стал членом конвенции. Она была дополнена ссылкой на авторское свидетельство, которое имеет широкое распространение в Советском Союзе.

Конвенция предусматривает правила защиты от недобросовестной конкуренции. В частности, запрещены все действия, способные вызвать смешение товаров конкурентов, введение в заблуждение относительно характера, свойств товаров, способа их изготовления, качества и т. д., т. е. присвоение чужих товарных знаков, имитации продукции конкурентов, введение в заблуждение потребителей и т. д.

Вместе с тем борьба с подделками — дело самих компаний, поэтому они вынуждены платить огромные суммы частным сыщикам — до 100 долл. в час. Если учесть, что расследование может затянуться на годы, то охота за подпольными бизнесменами становится прибыльным ремеслом. Незаконный бизнес причиняет убытки и фирмам-продуцентам, и потребителям. Никакой патент не гарантирует монопольное право, не исключает имитаций и подделок. Поэтому корпорациям приходится раскошеливаться на содержание армии «пинкертонов», чтобы сохранить свой престиж и прибыли.

И напрасно некоторые продуценты на высококачественной продукции ставят яркие предупреждения: «Остерегайтесь подделок». Это мало чем помогает, ибо подпольные фирмы, будь то в Гонконге или Нью-Мексико, маркируют свои подделки той же краской и теми же предостережениями, что и настоящие продуценты.

Западная пресса бьет тревогу, что научно-технический прогресс порождает проблемы, разрешать которые становится все труднее. Широкое внедрение компьютеров, которое делает жизнь богаче, организованнее, многограннее, в то же время порождает

новые виды преступности, о которых еще десяток лет назад и представления не имели. Если подделывают компьютеры такой фирмы, как ЭПЛ, то что говорить о гигантских ограблениях с помощью ЭВМ и выуживании конфиденциальной информации из блоков памяти. Манипулировать клавиатурой куда проще, чем создавать быстродействующие чипсы и собирать их в блоки и компьютеры, поэтому компьютерные преступления множатся, как вирусы в больном организме.

Кибершпионаж

Некоему Матиасу Шпееру из Ганновера, как свидетельствовал журнал «Квик», удалось проникнуть с помощью персонального компьютера в секретные электронные досье Пентагона и получить доступ к информации, касающейся создания СОИ, ядерного, химического и биологического оружия. Если не могут защитить компьютерные сети, охраняемые Агентством национальной безопасности, военными контрразведками, собственными силами служб безопасности компьютерных сетей, ФБР и другими силами безопасности, то что говорить о компьютерах частных корпораций, банков, кредитных и страховых компаний, где хранятся достоверные конфиденциальные сведения, наличные деньги и фамильное золото.

Новые изобретения порождают новые виды воровства и ограблений. Нынешние пираты в отличие от флибустьеров подстерегают свою добычу не в океане, рискуя погрузиться в морскую пучину, а в удобных кабинетах.

Махинации с помощью ЭВМ распространяются особо быстро в США, что объясняется как широким их внедрением, так и большим опытом «экономического гангстеризма». Например, в федеральном налоговом управлении программист переводил часть средств, поступающих в виде налогов, на счета своих родственников, а сержант американских ВВС «научил» обслуживаемую им ЭВМ выписывать чеки на оплату неприобретенного топлива у несуще-

ствующих поставщиков. К моменту разоблачения бравый вояка уже успел прикарманить 100 тыс. долл.

В своей книге «Тайная война монополий» Л. Корнеев упоминает такой случай, «когда недовольный служащий составил программу компьютера таким образом, что через полгода после его ухода с работы из памяти машины были стерты все сведения о счетах. Администрация банка поместила объявления в газету с просьбой к клиентам оплатить счета. Но никто не откликнулся, и банк обанкротился» [10].

В кибершпионаже таинственным образом переплелись высокие достижения науки, техники с обычным воровством, сверхсложные ЭВМ — с мелким мошенничеством, высокое профессиональное образование — с невиданными ранее ограблениями не только по способам, но и по масштабам.

...Вторник, 10 часов утра, Манхэттен, Нью-Йорк. В маклерской фирме, осуществляющей операции с ценными бумагами, работа в полном разгаре. Непрерывно звонят телефоны, сосредоточенные клерки набирают секретные коды, клиенты ждут у своих аппаратов, пока маклеры оформляют заказы на покупку одних и продажу других акций или фондовых ценностей. В этой деловой суматохе никто и не замечает, как акции на сумму 400 тыс. долл. переходят со счета одного заказчика на счет другого без взаимного согласия их владельцев. Пока абоненты ждут у своих компьютеров, они даже не подозревают об электронных махинациях за их счет.

Несколько секунд спустя тот же пакет акций перемещается еще раз, оказываясь в конце концов на счетах в различных банках штата Мэн. Преступник, воспользовавшись своим компьютером, за 20 минут манипуляций «заработал» почти 0,5 млн долл. Он устало потягивается, выходит на балкон и любуется видом побережья, которое сверкает в лучах яркого солнца. Затем пьет чашку кофе и возвращается к своей основной работе: он пишет книгу в этом уединенном городке, расположенном в штате Мэн. Так описывал американский журнал «Электроникс» возможную работу гангстера [11].

Преступления, связанные с использованием

компьютеров, не только самые современные, но и самые сложные для раскрытий. Хотя они и происходят постоянно, о них известно немного. Помимо электронных жуликов, использующих свои домашние компьютеры для проникновения в частные и правительственные вычислительные сети, существуют многочисленные электронные «взломщики», которые весь свой талант и трудолюбие посвящают похищению чужих секретов, наживая на этом громадные суммы. Это не просто фантазия журналистов. С помощью компьютерных манипуляций служащие компании «Хаттон» (одной из известных на Уолл-стрите брокерских фирм) обобрали на десятки миллионов долларов около 400 банков.

Компьютерные махинации, как правило, остаются незамеченными на фоне кровавой уличной преступности. Даже по неполным оценкам экспертов, эти преступления обходятся минимум в 200 млрд долл. ежегодно. Банковский грабитель рискует жизнью за 10 тыс. долл., электронный, манипулируя компьютером и ничем не рискуя, может получить 1 млн. В США преступникам удается расшифровать до 20% программ, используемых банками.

Со счетов западногерманского автомобильного концерна «Фольксваген» бесследно исчезли 260 млн долл. По словам представителя компании Карла Ратьена, «преступники проявили неслыханную до сей поры ловкость». Они внедрились в компьютерный центр компании и внесли коррективы в сложнейшие электронные программы, рассчитывающие доходы и расходы «Фольксвагена» [12]. В ФРГ «электронная мафия» за год похищает до 4 млрд марок.

Все эти похищения и ограбления блоков электронной памяти держатся в тайне. «Если бы вы были крупным банкиром,— вопрошал Джим Никольс, президент американской фирмы «Фютюрекс», специализирующейся на рекомендациях по системе безопасности банков, страховых компаний и федеральных ведомств,— хотели бы вы узнать, что некто подключился к вашей электронной системе передачи фондов, и сделать этот факт достоянием гласности?» [13] Вопрос чисто риторический, если учесть, что банки в результате электронных махинаций терпят

огромные убытки, а на скамью подсудимых попадают лишь единицы. В то же время, учитывая деликатность банковских операций, ни хозяева, ни менеджеры не могут признаться в том, что у них воруют деньги. В противном случае клиенты вправе спросить, как же им можно доверять чужие деньги, если они свои не умеют хранить?

В середине 80-х годов американская ассоциация адвокатов провела опрос банковских воротил на предмет финансового грабежа. Около половины из опрошенных анонимно признались, что стали жертвами взломщиков с перфокартами, треть вообще скрыла от властей факты кражи. «На карту поставлено доверие к финансистам,— печально заключает Никольс.— Даже когда им удается выследить налетчика, они не хотят возбуждать уголовное дело» [14].

Точно установить размеры финансовых потерь, связанных с кибернетическим гангстеризмом, не представляется возможным, но, по оценкам американских аналитиков, в среднем одно компьютерное преступление наносит ущерб от 100 до 400 тыс. долл. Фирмы, специализирующиеся на обслуживании систем безопасности, утверждают, что потери от одного налета достигают 1,5 млн долл. Однако называют и такую крупную общую цифру, как 800 млн долл., и при этом ссылаются на ФБР.

Официальные лица, ведущие расследование преступлений, опасаясь, что публикации о фактах электронного разбоя создадут рекламу этому «изысканному» и новейшему виду преступления, вынуждены действовать осторожно. Неудивительно, что основные решения по этой разновидности преступного бизнеса принимаются в обстановке сверхсекретности. Финансовые институты, страховые фирмы и компании, равно как и коммерческие банки, тайно собирают и хранят всевозможную, в том числе и конфиденциальную, информацию на каждого своего клиента, на членов его семьи, а нередко и на потенциальных клиентов и своих служащих. Однако если такая информация становится достоянием гласности, то вдобавок ко всему финансисты становятся объектами судебных преследований со стороны лиц, чья анонимность была раскрыта.

Речь идет не просто об ординарных анкетных данных, а о настоящих шпионских досье, заводимых частными компаниями на своих клиентов. Поэтому ясно, сколь много усилий, в том числе и финансовых, затрачивают компании, страховые общества и банки, подвергшиеся ограблению, чтобы сделать хорошую мину при плохой игре. Крупные компании широко внедряют компьютеры, которые осуществляют все операции с клиентами. Компьютеры предоставляют прекрасные возможности для манипуляций электронным гангстерам. Они воруют информацию, грабят кредитные компании и клиентов.

«Кредит» в переводе с латинского — «доверие», а потому «меня кредитуют» означает «мне доверяют». Но это специфическое доверие, ибо, с одной стороны, требуются гарантии, что долг будет возвращен, с другой — платы за «потребление доверия». Потребительский кредит как форма движения ссудного капитала используется на покупку предметов потребления с отсрочкой платежа.

Кредит позволяет приобрести необходимые товары и услуги под будущие доходы, стимулирует товарообращение, создавая ряд удобств для покупателя и продавца, прививает иммунитет против грабителей, что особенно важно при нынешнем разгуле преступности, и, наконец, снимает с клиента гнет бесконечных расчетов и страх, что его обсчитывают. Именно эти свойства кредита обеспечили его столь широкое распространение, что США нередко называют «кредитным раем». На вопрос героини юмористического романа: «Как мы будем жить?» — новоиспеченный супруг с бодростью отвечает: «Как все — в рассрочку и в кредит». При всей шуточности ответа он характеризует степень распространения потребительского кредита на Западе.

Смысл человеческого существования, согласно идеалам общества потребления, не быть, а иметь; человек, следовательно, стоит ровно столько, сколько потребляет. Поскольку платежеспособность населения постоянно отстает от движения цен, то предлагают товары «в рассрочку и в кредит». Всепроникающая реклама формулирует сущность потреби-

тельского кредита: «Приобретайте сейчас — заплатите потом».

Вначале все выглядит просто: показываешь кредитную карточку и без всяких хлопот приобретаешь любой товар: ковры, колье, роскошные лимузины и т. д., да еще благодарят за покупку, которая «сделает честь любому законодателю мод». Психологический феномен, именуемый престижностью, толкает людей жить расточительно, не по средствам.

В жизни трагедия соседствует с фарсом. И кредит, как один из феноменов реальной жизни, не лишен своих смешных и трагических сторон. Нередко жены, чтобы насолить мужьям, покупают безделушки на огромную сумму, а мужья, показав официанту кредитную карточку, устраивают возлияния. В финале накопление супругами долгов по разным статьям приводит к скандалам и разводу, что, разумеется, не снимает проблему оплаты «доверия с процентами».

Кредитные карточки, созданные для удобства покупателей, призваны заменить денежные знаки при расчетах. Маленький пластиковый прямоугольник, напоминающий по внешнему виду визитную карточку с нанесенными на нее номерами счетов клиента, дает ему возможность без наличных денег рассчитываться в магазине, отеле и т. д. Продавец, метрдотель или официант, оказав держателю карточки услуги, выставляет счет компании, выдавшей кредитную карточку. С момента оказания услуги до оплаты счета проходит определенное время. И выходит, что компания кредитует клиента, т. е. оказывает денежную услугу.

Финансовые компании, практикующие выпуск именных кредитных карточек, осуществляют форменный экономический шпионаж против своих клиентов.

Как же оказывать доверие человеку, если ты о нем ничего не знаешь? Вот и собирают финансовые институты всевозможные сведения, в том числе и конфиденциального характера. Потенциальному клиенту и приходится «добровольно» давать о себе информацию. Только стандартные анкеты ведущих кредитных корпораций, например «Американ экспресс», содержат более 20 пунктов. Кроме того, соби-

рается всевозможная информация о его здоровье и наклонностях, времяпрепровождении и связях, ибо все это может повлиять на кредитоспособность клиента.

Эти сведения нередко через тайные каналы попадают спецслужбам США, корпорациям, где клиент работает, к частным детективам, аферистам, которые используют информацию в корыстных целях: от проверки на честность и лояльность до запугивания и шантажа.

Банки и кредитные фирмы обворовываются с тем же упорством, с каким они собирают конфиденциальную информацию о своих клиентах. Подделанные и краденые кредитные карточки обходятся кредитным институтам ежегодно в 1 млрд долл. В обзоре Американской ассоциации адвокатов говорится, что чуть ли не половина преступлений в деловом мире связана с использованием компьютеров. Например, сотрудник кредитной компании «Дайнерс Клаб» Эль Конфессоре дублировал пластмассовые карточки и реализовывал их через «приятелей». От клиентов посылались жалобы, что им предлагают оплатить счета за неоказанные услуги.

Реклама, кредит, тщеславие и особенно надежда, что в будущем «доходы возрастут согласно достоинствам», толкают человека потреблять сегодня, избегая мыслей о будущем. Человек попадает в большую зависимость от работодателя и банков, предоставляющих кредит, и работает на них всю жизнь, полагая, что работает на себя и на процветание собственной семьи. И величайшая мудрость, высеченная древними греками на портале Дельфийского храма,— «Ничего сверх меры» — вновь получает подтверждение через отрицание сути изречения, поступками «погребенных под лавиной долгов».

Человек, попавший в кредитные тенета, готов о себе все выложить. Это дает возможность кредитным институтам собирать наиболее полные экономические досье о своих клиентах и вводить данные в блок памяти суперЭВМ.

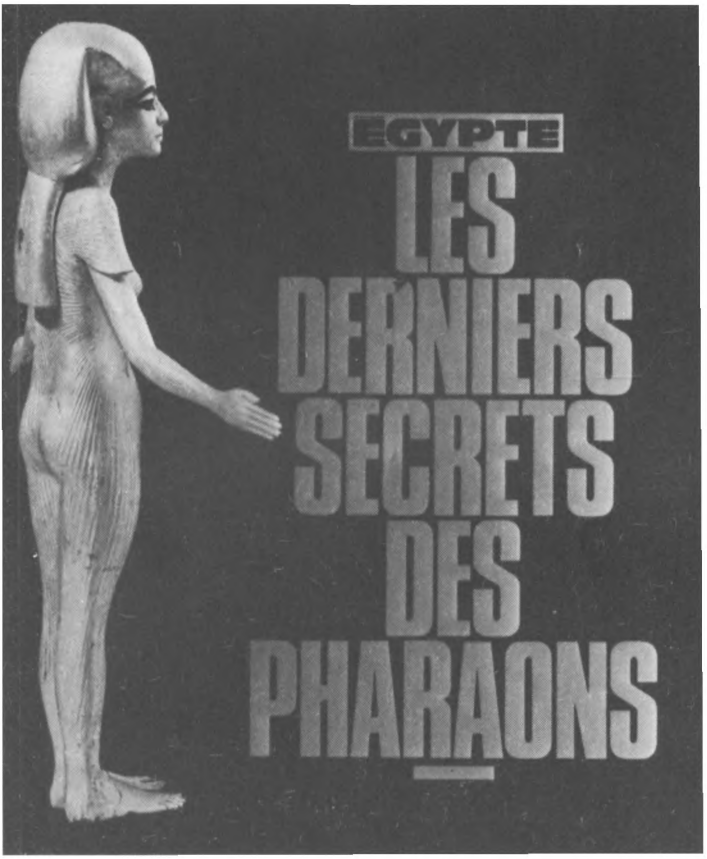
Безопасность банковских систем и кредитных учреждений всегда была сложной проблемой, а с тотальной экспансией компьютеров она стала почти

неразрешимой. Если раньше банковских служащих можно было обыскивать, сейчас такой способ является не только анахронизмом, граничащим с оскорблением достоинства служащих, но и абсурдным. Все финансовые операции осуществляются с помощью «разумных машин», и нет никакой необходимости в подкладке пальто, в кейсе с двойным дном выносить купюры, рискуя оказаться за решеткой в компании убийц и извращенцев.

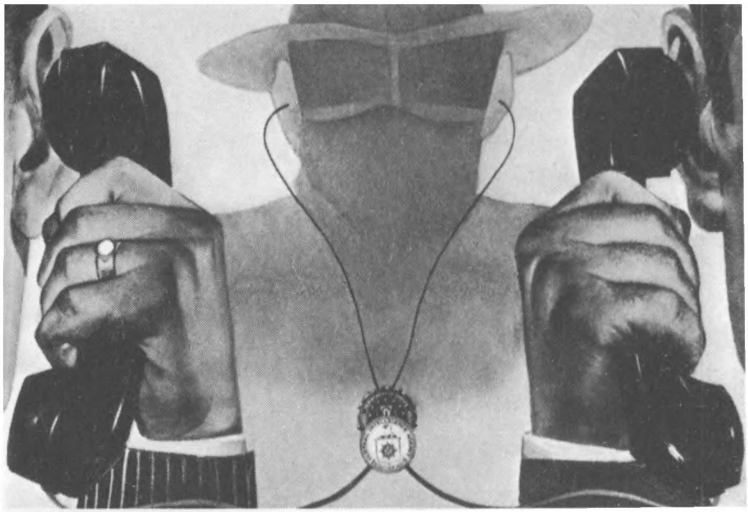
Элегантный «перебор» клавиатуры компьютера — и деньги бесшумно меняют владельцев и перекочевывают из города в город, из страны в страну. Это не означает, что нужда в финансовых шпионах вконец отпала. Теперь в них нуждается руководство банков, чтобы выяснить, кто тайно манипулирует программами, наживая деньги «тихими взломами» с помощью перфокарт или торгуя информацией.

Лондонское издательство выпустило книгу Джона Маклина «Консультант». При всей детективности сюжета, он раскрывает реалии современного банковского бизнеса с большим знанием дела. Казалось бы, строители банка и его руководство сделали все возможное, чтобы обеспечить безопасность денег и информации. Вычислительный центр — предмет особых забот руководства банка.

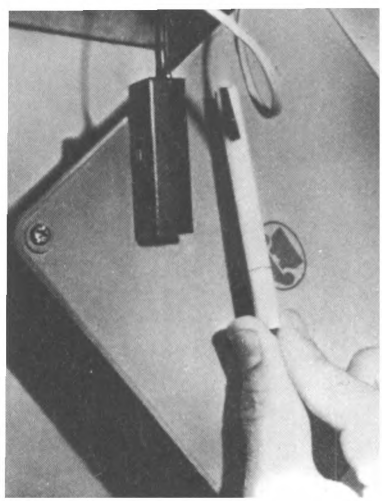
Место нахождения центра держится в тайне для того, чтобы уберечься от психопатов, шизофреников и импульсивно-агрессивных элементов. Вычислительный центр маскируется псевдогаражом, куда пропускаются только известные машины «передовой линии охраны». Сам центр находится в заброшенном складе. Говоря словами автора, «буквально все внутри толстых стен бывшего складского помещения было разрушено до основания, и вместо этого в здание был встроен совершенно новый дорогой интерьер вычислительного центра, отделанный по последнему слову техники и дизайна. Внешняя скорлупа, призванная создать эффект мистерии, была тщательно сохранена, а дополнительная площадь добыта за счет обширных подземных помещений. Было просто невозможно представить себе, что где-то здесь мог находиться вычислительный центр одного из крупнейших английских банков» [15].



Последние секреты фараонов







Подслушивают и с помощью «жучка»,
и через коммутатор



Деньги, документы, инструменты фальшивомонетчиков



Сотрудник ФБР демонстрирует часть захваченных фальшивых банкнот

Большие деньги достаются не просто: приходится работать и руками, и ногами







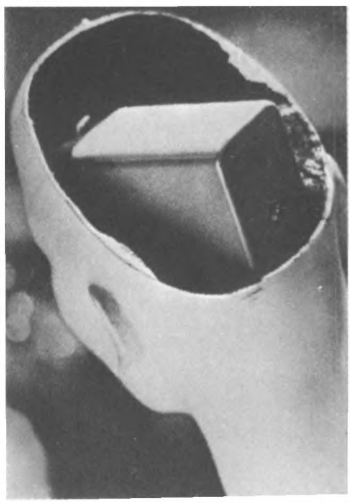
Этот проиграл. Без инсайдеров нет счастья на бирже

Таможенники извлекают кокаин из ящиков с шоколадом

Наркотиков на миллионы — добыча специальных агентов

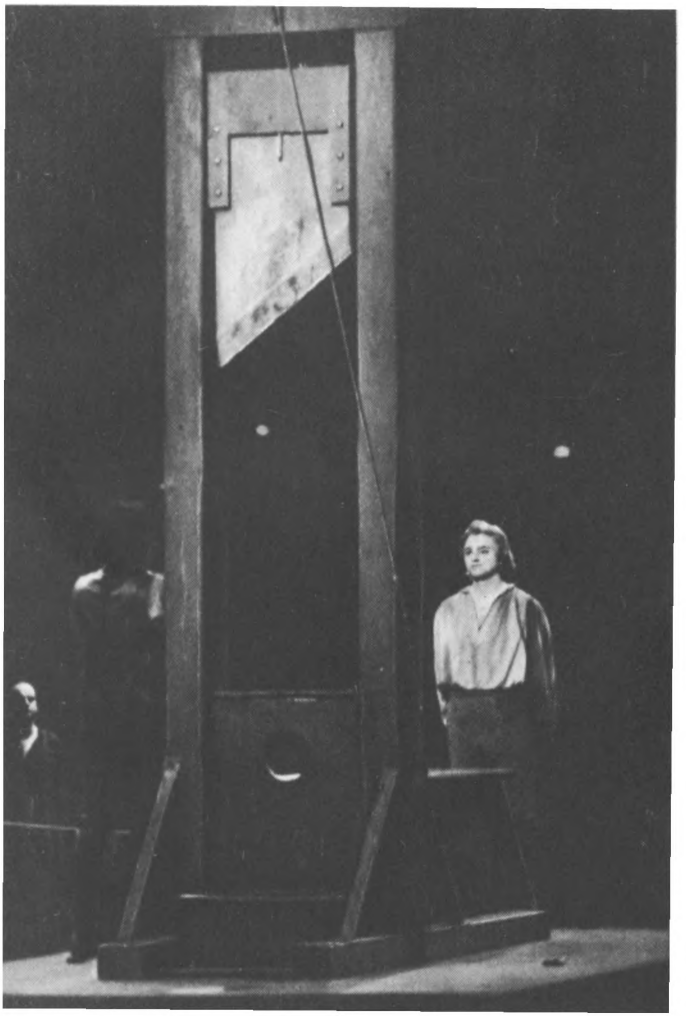






Наркотики, доллары, оружие, изъятые у американских мафиози

Этот милый манекен не только радует посетителей своей красотой, но и подглядывает за ними своими электронными глазами



Универсальное средство от шпионов



Таинства моды — не здесь ли истоки новых идей?





Публичная казнь записанных пиратским способом кассет в Сингапуре

Отпечатки пальцев потенциальных и реальных преступников США, хранящиеся в архивах сыскного ведомства

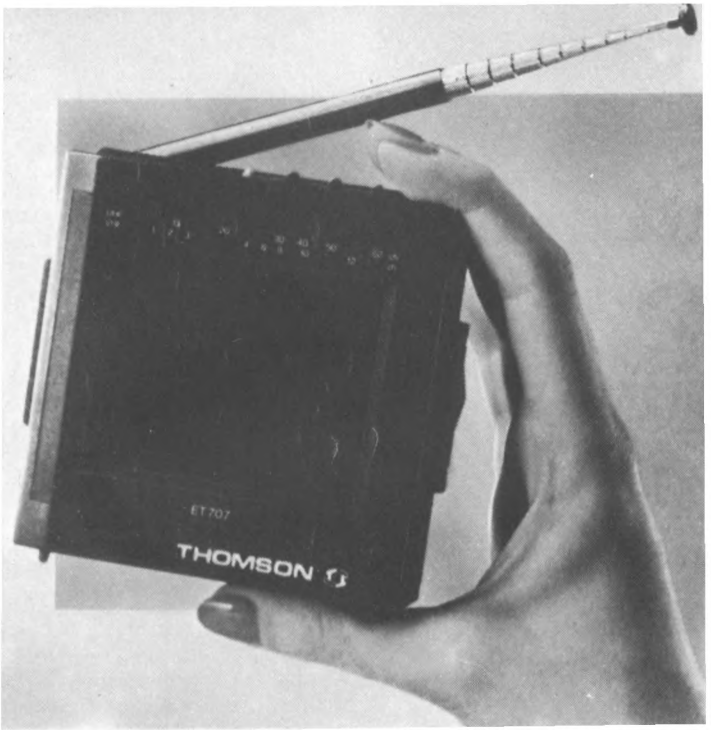


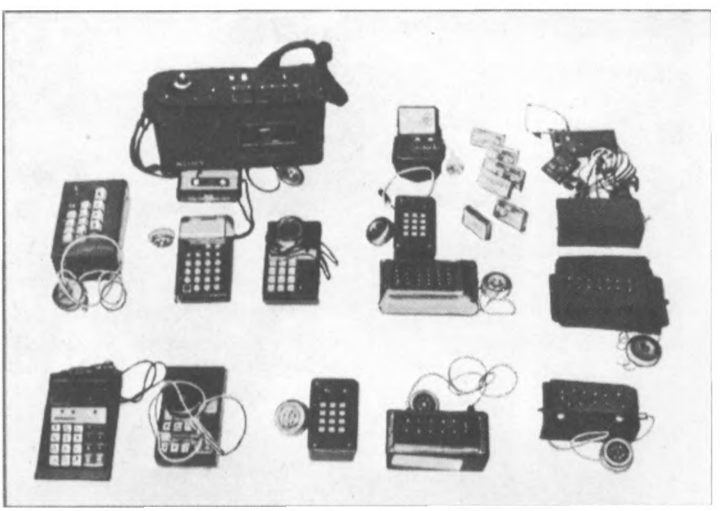


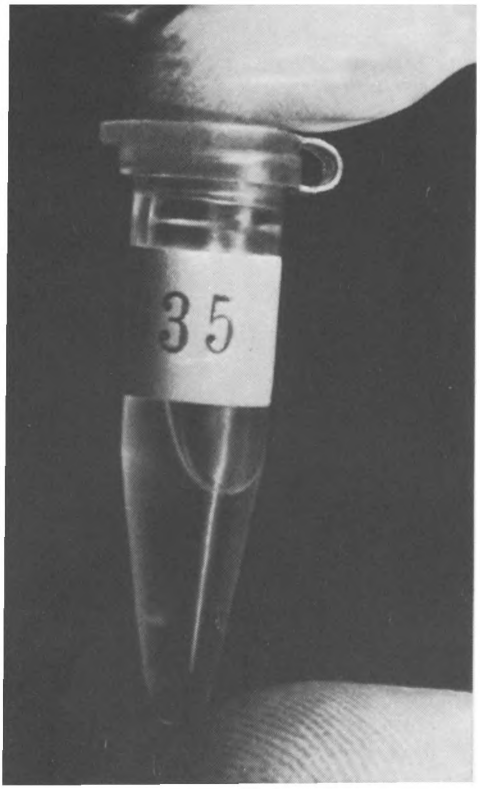
Бывший директор ФБР, ныне шеф ЦРУ У. Уэбстер позирует перед компьютером, в котором закодированы десятки тысяч имен потенциальных преступников и «кандидатов» в шпионы

Фальшивые купюры

Экипировка в электронный век:
а) микротелевизор; б) голубые коробки ►

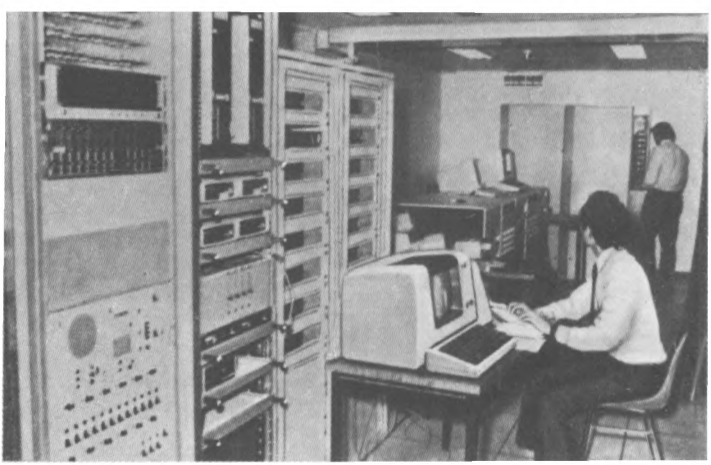

ET 707
THOMSON



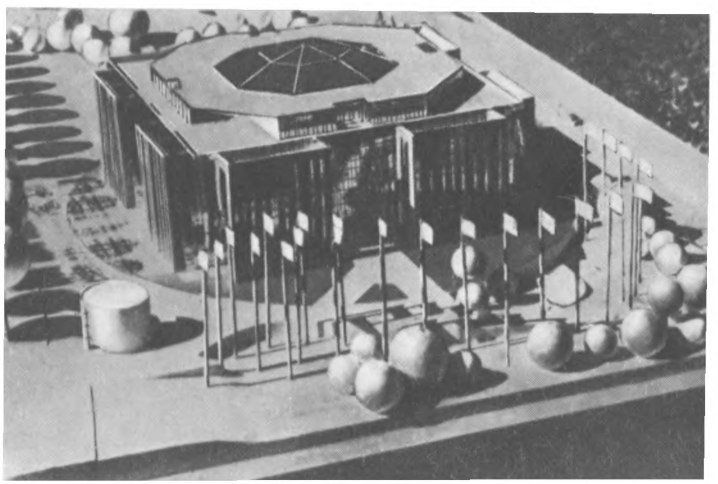


Генетическая криминалистика позволяет по фрагментам ДНК идентифицировать личность мошенника по пробе, взятой такой пробиркой от любого человеческого органа

Телекоммуникация «Интерпола» оснащена по последнему слову техники

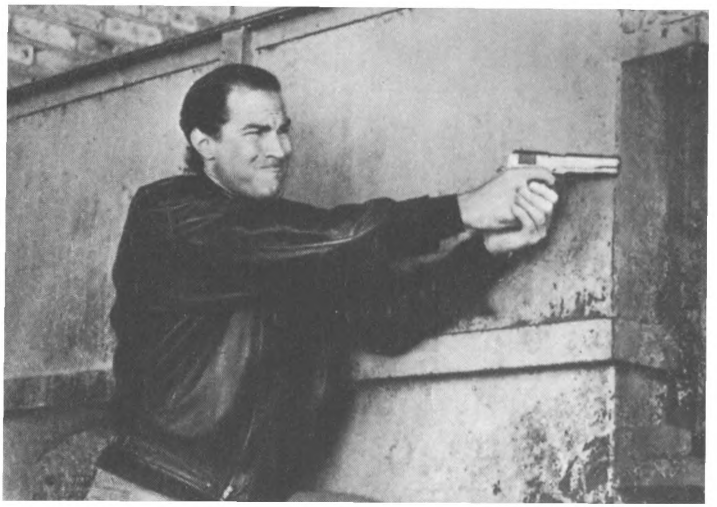


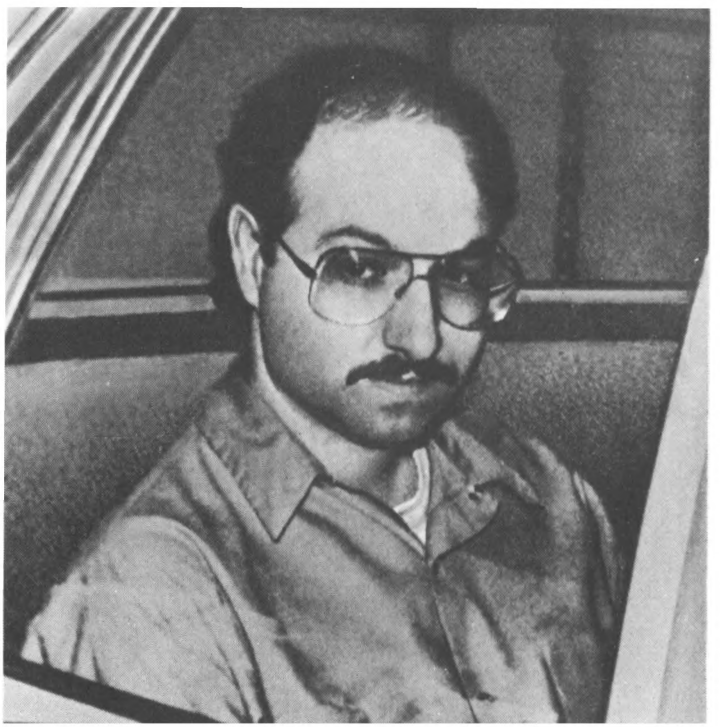




«Интерпол» хранит не только образцы денег, но и банки с запахами

Новое здание «Интерпола» (проект)

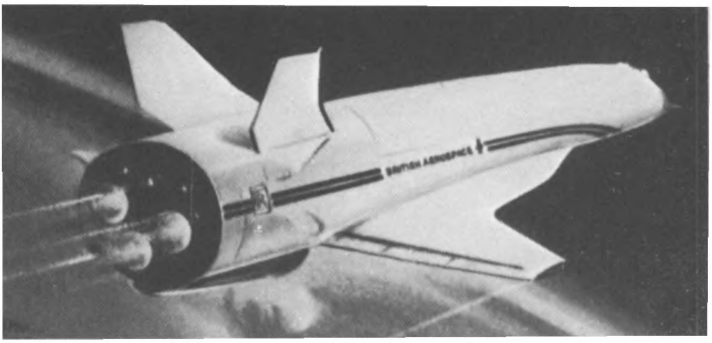




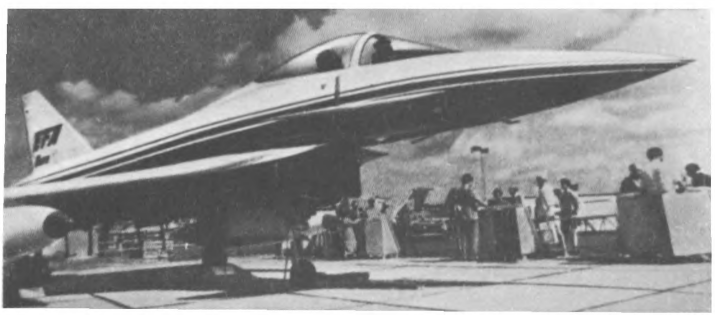


◄ *Шпионы в кино и в жизни: Сигел в роли суперагента и израильский шпион Поллард, получивший пожизненную каторгу не без помощи своей жены*

Фасад банка Лео, одного из центров гномов







Что создают в суперсекретных лабораториях военно-промышленных концернов:

а) английский космоплан;
б) израильский истребитель-бомбардировщик «Лави», построенный не без помощи промышленного шпионажа;
в) совместный западноевропейский истребитель будущего

Охранники, на кого возлагается задача проверки сотрудников, документов и посетителей, сидят за бронированными, пуленепроницаемыми стеклами. Они по мониторам контролируют все подходы к центру. Еще задолго до того, как псевдогараж станет видим для посетителя, он уже находится «на дисплее», и каждое его движение фиксируется. Входные двери открываются и закрываются дистанционно управляемыми замками таким образом, чтобы исключить проникновение в центр злоумышленников. Для ограничения доступа служащих и повышения безопасности центр разделен на голубую и красную зону.

В красную зону, где хранится информация, доступ открывается только тем, кто обладает «красными карточками», в голубую — с «голубыми карточками», которые служат одновременно и пропуском и ключом к лифтам. Без них человек оказывается в ловушке. Раздел на зоны осуществляется и для того, чтобы программисты — единственные сотрудники, которые могут манипулировать информацией, к самой информации доступа не имели. Это не может не затруднить компьютерное жульничество.

Сотрудникам вычислительного центра запрещено заводить сомнительные знакомства, посещать бары и кафе в районе вычислительного центра, ездить на работу в такси, проносить или выносить что бы то ни было, кроме необходимых для дела бумаг. Связи сотрудников контролируются.

Консультант частной фирмы по безопасности ЭВМ, некий Вебб, по природе и воспитанию склонный к шантажу, предлагает свои услуги крупному банку. Руководство банка под видом программиста вводит его в вычислительный центр, чтобы он шпионил за своими «коллегами» и выявил электронного гангстера.

Вебб пытается найти тайну «самостирающихся» программ. В это время его приглашает на ужин руководитель программистов и гордость вычислительного центра. Он без всяких обиняков предлагает «скооперироваться», поскольку консультант все равно доказать ничего не сможет. Программы-само-

убийцы не поддаются анализу, и найти их следы в бесконечных лабиринтах электронного мозга практически невозможно, все равно что искать кудри на давно полысевшей голове.

Программы-призраки, или «мышки», как их называет Вебб, начинают ему приносить большие доходы. Дело в том, что по ходу сюжета он убивает программиста, открывшего более 250 тайных счетов так ловко, что цифрошпионы, или охотники за компьютерными мошенниками банка, не могут их идентифицировать. Вебб становится хозяином этих «золотых мышек» довольно легко, поскольку выясняет, что руководство банка само замешано в этой афере, размеры которой и оно не представляет. Чтобы прикрыть свои относительно мелкие прегрешения, руководство позволяет написать два отчета — один для совета директоров, другой, более полный — для шефа безопасности. Всю правду о «мышках» Вебб монополизирует, чтобы самому разбогатеть [16].

Бесследно исчезающие программы можно было бы посчитать плодом фантазии художника, когда бы сообщения о самостирающихся, с врожденными «пороками», вернее со встроенными, о самодеформирующихся программах и даже программах-фантомах и программах-мутантах не появлялись в самых авторитетных научных изданиях и если бы тревогу не забили самые крупные научные центры. В недрах компьютерных сетей Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) протекают странные процессы, в результате чего деформируются программы, искажаются искомые результаты, камуфлируются собственные ошибки ЭВМ.

Дэвид Лейвери, ведущий специалист НАСА по компьютерным сетям, полагает, что в электронных каналах «бродят», подобно вирусам в крови, программы, которые заражают «здоровые ткани». И как всякая инфекция, программы-вирусы постепенно разлагают действительные программы, которые в свою очередь становятся разносчиками «заразы». Сам Дэвид допускает, что это может быть неудачной шуткой программиста, результатом игры

хакера (как нередко называют электронных хулиганов) или промахом специалистов-операторов. Но он более склонен видеть в программе-вирусе орудие конкурентной борьбы и результат злого умысла. Дело в том, что НАСА, как и многие другие крупные организации, оснащена компьютерами корпорации ЭПЛ. Чтобы доказать ненадежность ЭВМ этой корпорации, конкуренты и пустили в мир компьютеров программы-вирусы. Учитывая, что компьютерные сети НАСА связаны с другими частными и государственными компьютерами, и не только в масштабах США, компьютерный вирус может оказаться «неизлечимым» [17].

Заброшенные склады, псевдогаражи, подземные кабинеты также не плоды фантазий мастеров детектива. Физическая безопасность золота, денег и информации вынуждают организаторов банковского дела находиться в постоянном поиске. В Колумбии построен так называемый музей золота, в котором нет ни одного окна. Массивные глухие стены, по мнению специалистов, должны обеспечить безопасность экспонатов лучше, чем обычные здания. Под банки оборудуются старинные замки, бетонные бункера, а частный банк в Люксембурге купил заброшенную тюрьму, чтобы «отреставрировать и разместить в ней свою штаб-квартиру» [18]. Деньги любят не только счет, но и бережное отношение.

Совершенно новым видом мошенничества в электронный век является создание и использование так называемых голубых, черных и красных электронных ящиков. Телефонные разговоры, особенно междугородные и международные,— на Западе дорогое удовольствие. Желая получить такие удовольствия бесплатно, мошенники и изобрели разноцветные коробки. Дело не в цвете. Это условное обозначение электронных приборов, сделанное по первым находкам полицейских, частных сыщиков и агентов «Интерпола», которые оказались полностью не подготовленными к этой разновидности электронных преступлений.

Голубые коробки позволяют позвонить в любой город, избежав фиксирования звонков, и, следовательно, обходиться без оплаты. Причем ящик раз-

мером со спичечную коробку легко подключается к телефону и не оставляет никаких улик мошенничества. Черные коробки позволяют избежать оплаты переговоров тому, кто звонит. Тонкость в том, что черную коробку подключает абонент, что еще больше запутывает следы преступлений. Что касается красных коробок, то они позволяют позвонить по телефону-автомату, т. е. имитируют прохождение монет через системы контроля. Для этого достаточно нажать кнопки, соответствующие номиналам необходимых монет. Этот вид мошенничества принял такие масштабы, что «Интерпол» занялся разработкой мер по борьбе с любителями бесплатных удовольствий.

Компьютерные преступления принимают столь чудовищные размеры, что генерал-лейтенант Линкольн Форер, шеф Агентства национальной безопасности, возглавил работу по разработке средств безопасности телефонов. Результаты этих работ предназначены не только для государственных организаций. Доступ к ним откроется и для американских деловых и промышленных кругов [19].

Телефонная система, постоянно совершенствуемая под опекой АНБ, будет преобразовывать нормальную человеческую речь в поток импульсов путем введения псевдослучайных цифровых последовательностей, а затем проделывать обратную операцию. Однако в телефонном аппарате процесс шифровки и дешифровки будет протекать автоматически и никак не отразится на абонентах.

Помимо «безгласного» телефона АНБ предусматривает и создание специальных интегральных схем, не поддающихся дублированию, ибо воруют и тайны создания самих ЭВМ. Поэтому над созданием эффективных самоуничтожающихся схем, плат или блоков работают многие электронные фирмы, которые подвергаются шпионажу. В этой области японцы якобы оставили далеко позади американцев и западноевропейцев. Уже существуют и находят применение взрывающиеся или самоуничтожающиеся электронные схемы при попытке их вскрытия.

Историческая молва приписывает Бруту сентенцию: «Я убил Цезаря не потому, что не любил его,

а потому, что Рим любил больше». Перефразируя «тираноборца», можно было бы сказать, что кредитные и финансовые институты Запада «покрывают» взломщиков компьютеров не потому, что любят их, а потому, что деньги любят больше. А такое положение лишь на руку компьютерным жуликам.

Компьютеры создаются для повышения эффективности бизнеса и комфортности жизни. Компьютерные преступления — это тяжелая форма вируса, поражающая ткани организма. В отличие от творцов компьютеров продуценты шпионских перфорналий создают свои мини-электронику и детекторы лжи специально для шпионов всех мастей.

Экипировка шпиона

В рыцарских турнирах, воспетых трубадурами средневековья, когда наступала кульминация, рыцари сбрасывали забрала вместе со шлемом, чтобы все видели, какую они ведут честную, смелую и открытую борьбу. Но корпорации — не рыцари и на решающей стадии не обнажают головы, подобно рыцарям, а прибегают к нечистоплотной конкуренции и экономическому шпионажу.

Шпионаж как плесень на человеческой корысти: ложь и вероломство, расчет и цинизм, презрение к людям и их законам, с одной стороны, искренность и принципиальность, вера и добродушие, уверенность в высоком назначении человека и разумности его поступков — с другой, делают шпионаж запутанным клубком интересов, будь то человек, корпорация или государство. Наряду с тем что «верность будет верить, а вероломство — врать», имеют место и факты, когда более ловкие шпионы переигрывают менее ловких. Это происходит в жизни постоянно, когда шпионам противостоят охотники за шпионами, хитрости — большая хитрость, вероломству — беспринципность. Агент экономического шпионажа, чтобы стать асом, помимо личностных качеств должен быть идеально экипирован.

Казалось, крупная американская сельскохозяйственная компания приняла все меры предосторож-

ности, чтобы сохранить в тайне секрет использования новых добавок к рациону животных. Специалисты по контршпионажу тщательно проверили каждый уголок помещения для заседаний специальной аппаратурой, заблокировали телефонные аппараты и систему селекторной связи, и на заседание были приглашены только те, кто лично заинтересован в процветании корпорации, а секреты все равно стали достоянием конкурентов.

Бизнесмены, как известно, люди респектабельные и имеют собственных портных. Этим и воспользовались конкуренты. Им удалось подкупить мастера, который все свое портновское искусство мобилизовал для того, чтобы умело вшить в подкладку костюма своего клиента ультраплоский передатчик. Таким образом один из совладельцев корпорации оказался невольным агентом конкурентов.

Если бы возникла необходимость сформулировать основной закон царства тайн, то им непременно стал бы закон возрастания ценности секретов. Существует версия, что Уотергейт — дело рук ЦРУ. Так или иначе, все, что говорилось в Белом доме, становилось якобы известно «компании» благодаря миниатюрному подслушивающему устройству — микроскопическому лазеру. Он был установлен маляром в Овальном кабинете президента США. В любом случае наличие такого миниатюрного слухача — единственно достоверно установленное во всей этой грязной истории.

Миниатюризация подслушивающей и подсматривающей аппаратуры значительно повышает эффективность шпионов всех мастей. Наряду с уже известными приемами современный экономический шпионаж использует новейшие достижения науки и техники. Особенно широко применяются всевозможные микроприборы, созданные на базе электронных схем. Мини-микрофоны устанавливаются в стенах, в телефонных трубках, пепельницах, шариковых ручках, в радиоприемниках и т. п.

Микрофон в виде заколки для галстука уже давно никого не удивляет. А вот телеобъектив размером со спичечную коробку, который фотографирует печатный текст на расстоянии 100 м, вызывает

новый прилив энтузиазма среди профессионалов древнейшего ремесла. Тайное фотографирование служит эффективным оружием шантажа и выкачивания секретной информации.

Ужесточение борьбы приводит к тому, что конкурент обязан знать о противнике все, иначе он обречен. Порой даже трудно вообразить, как далеко заводят жесткие нечистоплотные игры, имманентно присущие конкуренции. Тысячи лет понадобились для того, чтобы изобрести фотографию, сделать ее четкой, окрасить в различные цвета, дать людям возможность копировать себя и тексты. Еще больше усилий потратили, чтобы сделать «фотогеничными» печатные и машинописные тексты. Создали ксерокс для перефотографирования текстов. В последней четверти XX столетия изобрели бумагу, исключающую фотографирование. Канадская фирма «Ноком» приступила к производству специальной бумаги, обладающей столь высокой способностью поглощать свет, что исключает фотокопирование текстов и чертежей. При любых способах фотокопирования снимки получаются темными и разглядеть что-либо на них не представляется возможным.

Само изобретение также не лишено покрова таинственности. Отцом «чудо-бумаги» считается Норман Гарднер, который случайно опрокинул на лист бумаги некий раствор, состав которого уже засекретили. Нетрудно догадаться, что основными потребителями чудо-бумаги стали те, кто потребляет и особенно чувствительные сорта фотопленки и фотобумаги, а именно разведслужбы и военные штабы, исследовательские центры и дипломатические корпуса. Только из США, от государственных и частных организаций, в 1987 г. поступили заказы на 250 млн листов. Если не сумеют овладеть секретами производства чудо-бумаги, поток заказов, видимо, будет расти по принципу: монопольному производителю — монопольного потребителя.

Экономический шпионаж не брезгует ни старыми, ни новыми методами. Асы шпионажа с равным успехом прибегают и к примитивной эксплуатации сочувствия, и к лазерному ружью-микрофону. Так, владелец фабрики игрушек в Голландии был непри-

ятно удивлен тем, что его основной конкурент из Западной Германии перед рождественскими праздниками выбрасывал на рынок большие партии игрушек, абсолютно схожих с теми, что намеревался выпускать он сам. Игрушки, правда, были худшего качества, но зато стоили дешевле. Расследование показало, что на фабрике не было чужого агента. Но тайны продолжали уплывать к конкурентам. Агентов действительно не было, но одна из работниц как-то «случайно» познакомилась с коллекционером игрушек, у которого было собрано несколько тысяч экспонатов. Пожилой человек уверял ее, что игрушки — смысл его жизни. И работница, душа отзывчивая и добрая, едва только в цехе появлялась новая модель, спешила порадовать коллекционера. Она даже не подозревала, что старичок был нанят конкурентами, а сама она выступала помимо своей воли промышленным шпионом.

Другую крайность представляет так называемый лазерный микрофон. Нередко его называют микрофон-ружье. Не потому, что оно стреляет, а потому, что оно внешне напоминает этот вид огнестрельного оружия. Охотник за тайнами берет интересующий объект на мушку, и с этого момента остронаправленный невидимый лазерный луч становится звукопроводником.

Ружья-микрофоны не художества мастеров от шпионской экипировки, а ответ на реальные нужды разрастающейся армии слухачей. Бизнесмены, хорошо зная, что «и стены имеют уши», предпочитают наиболее деликатные моменты обговаривать на лужайке для игры в гольф или на берегу ручья. Ружья-микрофоны с высокой чувствительностью позволяют слухачам, затаившись в укромном месте, принимать молчаливое участие в конфиденциальной беседе. Такие микрофоны также удобны при наблюдении за гостиницами, где нет смысла рисковать, каждый раз устанавливая «электронные клопы».

Широкое применение получают и пушки-фотоаппараты. Они не стреляют, но внешне напоминают легкую пушку или трубу для пуска противотанкового ракетного снаряда. Эти «фаустпатроны» обла-

дают колоссальной разрешающей способностью, сравнимой разве что с характеристикой телескопа для съемки звезд. Такие фотоаппараты позволяют снимать с больших расстояний, что особо ценно для сыщиков, собирающих компрометирующий материал на бизнесмена, или для полицейских, рассчитывающих на фотоулики. Объект слежки, не чувствуя опасности, может расслабиться и попасть в невидимый объектив «телескопа для шпионов».

Аксессуарами идеального шпиона служат также кинокамеры, вмонтированные в табакерки, радиопередатчики, запломбированные во вставной зуб, электронные стетоскопы, способные прослушивать разговоры не только в соседней комнате, но и через ряд комнат. Последнее особенно важно, ибо службы безопасности рекомендуют освобождать все примыкающие к кабинетам или номерам в гостиницах помещения. Однако освободить все учреждение или гостиницу не представляется возможным, какие бы секретные переговоры и на каком бы уровне ни велись. Излишне говорить, что тайные агенты, будь то на государственной или частной службе, обеспечиваются самыми «чистыми» поддельными документами. Причем они могут быть проверены теми, кого они должны ввести в заблуждение без ущерба для реноме шпиона.

Шпионские снаряжения открыто продаются и в магазинах. Например, в Гонконге на улице Модироуд есть магазин радио- и фототоваров. «Здесь все для шпионов»,— сразу сообщает продавец каждому переступившему порог. И тут же на прилавок ложится «Оринокс АА I-720» — бинокль, в него вмонтирован фотоаппарат, которым незаметно можно заснять любой объект на расстоянии до километра, да еще при плохой видимости. За биноклем — зажигалка, ее главное назначение не зажигать сигареты, а подслушивать разговоры.

«Если вы хотите узнать, о чем ведут разговоры ваши конкуренты,— раскрывает продавец «секреты полишинеля» и, расхваливая товар, продолжает: — Купите вот «это» и не пожалеете». «Это» — небольшие настольные часы. Время они показывают, но одновременно и крутят магнитную ленту миниатюр-

ной кассеты, что позволяет тайно записать интересующую беседу.

Помимо залетных туристов и обожателей Джеймса Бонда главными покупателями являются владельцы заводов, типографий, океанских судов и предприниматели во всех областях человеческой активности. Именно они платят 2 тыс. долл. за «шариковую ручку» или «зажигалку», которые позволят им «знать и предвидеть» все подпочвенные течения, подмывающие основы бизнеса.

Неудивительно, что в подобных условиях в повседневную практику деловой жизни входят скэмблеры — портативные устройства, специально созданные, чтобы противодействовать записи. Иначе говоря, если одновременно включены и записывающее устройство, и скэмблер, то магнитная лента не сохранит никаких следов разговора. Специалисты работают над антискэмблером. Не исключено, что асы шпионажа их уже используют.

В фешенебельном лондонском районе Мейфер есть магазин, где продаются внешне ничем не примечательные чемоданчики. Покупают их отнюдь не для того, чтобы использовать по прямому назначению, так как свободного места в них практически нет. И к тому же цена чемоданчика — 3,5 тыс. ф. ст. за штуку, писал журналист-международник А. Лопухин [20]. Рядом со специальным детектором для обнаружения бомб в чемодане имеется устройство, которое сигнализирует владельцу чемоданчика, что его подслушивают через умело спрятанные микрофоны. Для защиты от грубого насилия предназначена мощная сирена, которая включается тогда, когда кто-то пытается силой вырвать из рук этот обычный на вид чемоданчик. В случае похищения чемоданчика вместе с его владельцем включается сигнальное устройство, которое поможет полиции определить местонахождение жертвы злоумышленников. И в самом крайнем случае, когда отступать уже некуда, чемоданчик можно легко сложить, превратив его в пуленепробиваемый щит. В набор входит и вспышка мощностью 5 млн свечей, чтобы ослепить нападающего.

Такое снаряжение прежде всего необходимо про-

мышленникам, финансистам, дельцам, адвокатам средней руки, т. е. тем, у кого есть что прятать и чего опасаться. Сильные мира сего имеют целые отделы, занимающиеся экономическим контршпионажем.

...В начале 60-х годов в Сингапур прибыли два специальных агента ЦРУ с целью завербовать нового агента. Дело это деликатное, и профессионалы подготовились к нему со всей тщательностью. Номер гостиницы, где была назначена встреча с потенциальным осведомителем, оснастили фотоаппаратами, записывающими устройствами, а также детектором лжи, действующим на расстоянии. Разработали общий сценарий, кто, что и как будет говорить, на каком месте перейдут непосредственно к делу и на чем завершат «доверительную беседу». Час истины приближался, и непрошеные гости включили аппаратуру. И тут произошло неожиданное. Свет во всей гостинице погас, в полной темноте явилась местная полиция и препроводила перепуганных сотрудников ЦРУ в тюрьму.

Однако заокеанские гастролеры недолго удивлялись оперативности и информированности местных «охотников за шпионами». Все оказалось до обидного просто. Местная электрическая сеть не могла выдержать нагрузку детектора лжи, и пробки на общем распределительном щите перегорели. Это и привлекло полицию, которая сразу определила злоумышленников, нарушивших запрет на включение дополнительных бытовых приборов в электрическую сеть.

Вербовка осведомителей, информаторов и шпионов всегда была сложной проблемой, поскольку секретный агент может оказаться подставной уткой. История изобилует этой разновидностью шпионов. Их разоблачение — тонкая наука. Ложь в бизнесе, как и ложь в политике, стала настолько банальным явлением, что сегодня мало кого шокирует использование детектора лжи для проверки не только шпионов, но и самых высокопоставленных лиц, будь то служащий корпорации, юридической конторы или государственного аппарата.

Детектор лжи применяется для испытания лиц,

которых предрекают на должности, связанные с финансами компаний, штатов и государства, специалистов и менеджеров, по долгу службы посвященных в тайны бизнеса, потенциальных промышленных и коммерческих шпионов, торгующих секретами «родной» корпорации. Почти четверть крупнейших компаний имеют собственное бюро, в котором служащих подвергают испытаниям на детекторах лжи. Частная инициатива нашла применение и этой быстро растущей отрасли бизнеса. Специализированные частные фирмы стали открывать собственные лаборатории для испытания служащих и менеджеров различных отраслей экономики. Частные шпионские компании, выступающие под уважительно-нейтральной вывеской «консультант», быстро освоили эту на первый взгляд нетрудную профессию.

Использование детектора лжи в таких организациях, как ЦРУ, ФБР, министерство обороны, государственный департамент, исследовательские организации, связанные с атомной энергией и космосом, и другие жизненно важные центры, носит по существу принудительный характер. Отказ от проверки на лояльность рассматривается как страх раскрытия тайных деяний или порочащих связей. Именно детектор лжи «подсказал» президенту Картеру уволить прокурора США в Сакраменто, так как тот не выдержал испытания на полиграфе на предмет взятки в сумме 7,5 тыс. долл.

Эта унизительная, хотя и рутинная работа кормит многочисленных специалистов и не всегда квалифицированных операторов. От операторов «лояльность» испытываемого зависит не меньше, чем от «лояльности» запутавшегося в проводах испытующего. Дело в том, что аппарат фиксирует изменения давления и дыхания, а первопостулатом служит тот шаткий принцип, что человек, чтобы соврать, напрягает мозг, а это определенным образом отражается на физиологическом состоянии. «Больные» вопросы будут вызывать особую реакцию, которая найдет отражение в сложных графиках. Эксперт считывает графики и определяет, в каком месте говорит правду испытуемый, в каком, деликатно выражаясь, входит в конфликт с истиной.

Отрицать связь между мозгом и человеческим состоянием — самый простой и самый непродуктивный путь, впрочем, как любое огульное отрицание. Очевидно, связь между мозгом и физиологическим состоянием существует, и достаточно тесная. Видимо, правы те, кто утверждает, что в девяти случаях из десяти детектор лжи не лжет. Но сама машина не всегда надежна, оператор, даже если он честен, может быть недостаточно компетентен, эксперт может ошибиться и т. д.

Да и люди по-разному реагируют на одно и то же. Один падает в обморок, когда видит таракана, другой — с садистским наслаждением неотрывно смотрит и анализирует, как лезвие ножа погружается в живую плоть. Наверное, по-разному отразит их состояние детектор лжи. Так или иначе, детектор лжи, по утверждению свидетелей, не только лжет, но и его можно обмануть.

В немалой степени успех работы зависит от квалификации лгуна. В 1988 г. Джон Биери из Джорджтаунского университета провел около 900 экспериментов, которые показали, что взволнованные люди говорили правду, а детектор лжи «беспощадно» уличал в обмане проверяемого. Хотя здравый смысл не в силах предложить разумную альтернативу детектору лжи, именуемому для приличия полиграфом, но с моральной точки зрения машина явно напрашивается на порицание.

Вместе с тем детектор лжи стал де-факто «высшей инстанцией» в кадровых вопросах и диктует, кого взять, кого уволить с работы. Теоретически можно оспаривать результаты «рекомендации» детектора лжи, но практически бесполезно. Ни одна инстанция не будет рассматривать жалобы на «киберкадровика», тем более брать на себя ответственность за назначение человека на должности в обществе, погрязшем во лжи, коррупции и клятвопреступлениях.

Как бы далеко ни зашел процесс совершенствования шпионской техники, шантаж, провокации, «дружеские» беседы остаются наиболее эффективными способами работы секретных служб.

Сегодня шпионаж частных корпораций приобре-

тает глобальный и всепроникающий характер. По свидетельству английского журнала «Мидл Ист», нефтяные гиганты осуществляют электронный радиоперехват, что могут позволить себе только разведслужбы высокоразвитых в промышленном отношении стран. Если учесть, что ежегодные обороты крупнейших нефтяных монополий превосходят валовой национальный продукт отдельных государств, то неудивительно, что нефтяные гиганты могут позволить себе все виды экономического шпионажа от примитивного похищения чужих геологических карт и информации до радиоэлектронного и космического экономического шпионажа. Ценность этого признания в том, что бывший служащий Агентства национальной безопасности, осуществлявший радиоперехват информации для правительства США, стал работать на нефтяную корпорацию в центре частного радиоперехвата.

...Поняв, что мошенничество не сулит большие выгоды, итальянец Том Понци переквалифицировался на частного детектива. Прозванный «королем детективов» Том Понци и его друг Вальтер Бенефорти, глава процветающей ныне на Апеннинах крупной сыскной фирмы, выполняли деликатнейшие поручения нефтяных магнатов, в частности помогли сделать карьеру Эудженио Чефису — руководителю крупнейшего в Италии частного нефтехимического концерна «Монтэдисон» [21].

В отличие от своего коллеги Вальтер по тюрьмам не маялся, а работал в военной разведке, где, видимо, и оценил преимущества радиоэлектронного шпионажа. Шпионская контора, пока ее не взяли на государственную службу с той же специализацией, владела целым гаражом автомобилей, замаскированных под такси и начиненных электроникой для перехвата разговоров по телефону и радио.

Экономический шпионаж обогащает одних и разоряет других. В первую очередь от него страдают развивающиеся страны. Они обращаются с просьбой к крупнейшим корпорациям, чтобы те прислали специалистов и оборудование для исследования малозаселенных районов на нефть и рудоносность. Порой результаты оказываются более чем скромными.

Дело не в том, что приглашенные специалисты не могут найти богатые залежи, а в том, что о результатах они сначала сообщают своим компаниям. Зная достоверные данные, транснациональные корпорации выторговывают столько льгот, что зачастую государства, чьи природные богатства грабят их же руками, остаются в вечных должниках. «Огромное число американских фирм,— писал Э. Галеано,— во главе которых, как правило, стояли профессиональные авантюристы и контрабандисты, нагрянуло в гигантскую сельву бассейна Амазонки и стало лихорадочно прибирать ее к рукам». Согласно подписанному еще в 1964 г. соглашению, самолеты военно-воздушных сил США совершили тщательный облет и детальную аэрофотосъемку всего района. При этом использовалось специальное оборудование для обнаружения запасов радиоактивной и железной руды и других полезных ископаемых. При посредничестве Главного геологического управления США полученные фотографии и другие данные, дававшие представление о размерах месторождений и глубине залегания этих скрытых богатств Амазонии, попали в руки заинтересованных американских фирм. На огромных пространствах бассейна Амазонки было установлено наличие запасов золота, серебра, алмазов, гипса, красного железняка, магния, тантала, титана, тория, урана, кварца, цинка, марганца, свинца, сульфатов, калия, бокситов, циркония, хрома и ртути [22]. Досье, собранные таким образом, дополняются информацией, добываемой наземной разведкой. Нередко для этого используются миссионеры, «странствующие» по странам «третьего мира» со счетчиками Гейгера.

Развитие космонавтики дало мощный импульс экономическому шпионажу. Специалисты утверждают, что из космоса можно отличить подполковничьи погоны от лейтенантских, не говоря о безграничных возможностях выведывать геологические структуры на рудоносность, наличие нефти и других полезных ископаемых, определить транспортную инфраструктуру и выведать, что за заводы выстроены в горах или в пустыне и что они производят и кому поставляют свою продукцию.

Космический частный шпионаж — это не новость. Информация, полученная со шпионов-спутников государственными службами, передается заинтересованным монополиям. Крупные корпорации выводят собственные спутники на околоземную орбиту.

Еще в бытность директором Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства США Томас Пейн откровенно разъяснил это в интервью американскому журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт»: «Мы можем изучать леса, сельское хозяйство, минеральные ресурсы Земли, водные ресурсы. Мы можем изучать геологию континента в глобальных масштабах. Эти данные, полученные из космоса, можно анализировать с помощью электронных вычислительных машин» [23]. Результаты анализа передаются соответствующим корпорациям. Техника подслушивания и подглядывания используется по всему миру транснациональными корпорациями, начиная от простого подглядывания в замочную скважину и кончая космическим шпионажем.

Однако как бы совершенна ни была техника, каких бы чудес миниатюризации ни достигли продуценты шпионской экипировки, как бы безошибочно ни работал детектор лжи, без асов экономического шпионажа, телохранителей и детективов не обойтись.

Телохранители и детективы

Время способствует раскрытию тайн сильных мира сего. После убийства президента Кеннеди его жена Жаклин, нарушив собственную клятву безбрачия, вышла замуж за греческого миллиардера Онассиса, чем многих повергла в недоумение. Казалось бы, чего ей недоставало!

Содержимое договоров — тайна за семью печатями вообще, а содержимое брачных договоров в особенности. Однако тайна брачного договора миллиардера Онассиса и бывшей жены американского пре-

зидента Джона Кеннеди Жаклин Кеннеди стала достоянием масс-медиа и получила широкую огласку.

Как и положено в мире сильных мира сего, контракт предусматривал все возможные случаи вплоть до развода и смерти одного из супругов. Последние пункты особо интересны. Если Онассис расторгнет брак, он обязывался компенсировать ее потерю 10 млн долл. за каждый год совместно прожитой жизни. Если инициатором выступала Жаклин — только 20 млн долл. единовременно. Но если она это сделает после 5 лет супружества, то дополнительно она могла рассчитывать еще на 2 млн долл., и, если не расторгнет брак до кончины мужа, вдове было обещано 100 млн долл. Учитывая преклонный возраст мужа, а также тяжелую форму болезни (ослабление мышц до такой степени, что он не мог самостоятельно открывать веки, которые в прямом смысле приходилось приклеивать специальной изолентой), она твердо рассчитывала на эту компенсацию. Тем более Онассис, словно чувствуя вину, увеличил эту сумму до 125 млн долл.

Надежды юношей питают. Старые люди склонны все просчитывать. И хитроумный грек, пользуясь своими капиталами, влиянием, а также связями, тайком выторговал у «черных полковников», находившихся тогда у кормила власти, новый закон. Согласно новому положению, финансовые условия брачного контракта, если в брак вступают греческий гражданин, каковым числился Онассис, и иностранка, каковой являлась Жаклин Кеннеди, не имеют законной силы. Такого Жаклин не могла вообразить!

Надежды, как известно, умирают последними. После второго вдовства она никак не могла прийти в себя от удара, нанесенного усопшим мужем. Может быть, в первый раз она в полную силу ощутила всю жестокость, вероломство и беспринципность, царящие на Олимпе большого бизнеса.

Личная охрана президента, пропустив удар убийцы, лишний раз продемонстрировала, как много значат телохранители. Онассис не мог упустить случая показать Жаклин, которую он тогда склонял к бра-

ку, свою любовь и предупредительность. И сделал это, предусмотрев в брачном контракте соответствующую графу расходов. На содержание личной охраны третьей жены он выделял 6 тыс. долл. в месяц, что не намного уступало сумме, выделяемой на новые платья. Если учесть, что помимо личных телохранителей были охранники дворцов, яхт, автомобилей, других членов семьи, а также самого главы клана, то уровень расходов на личную безопасность можно считать значительным. Этот пример также демонстрирует, что за ширмой секретности «влюбленный антропос» сумел спрятать более 125 млн долл., из них 100 млн достались отпрыскам и только «крохи» — Жаклин [24].

Особые требования предъявляются к личным охранникам, ибо от них зависит жизнь и здоровье мультимиллиардеров. Чаще всего личными охранниками сильных мира сего выступают бывшие чемпионы по боксу и каратэ, призеры по стрельбе и победители в различных видах борьбы, т. е. мужчины с быстрой реакцией, наделенные силой, ловкостью и сметливостью.

Лояльность охранников покупается большими деньгами. Контракты, содержание которых является тайной за семью замками, составляются таким образом, что охранники, допустившие оскорбление, воровство, ограбление и тем более убийство опекаемого объекта, лишаются всех заработанных денег и оказываются на улице не с лучшими рекомендациями.

Условия найма лиц для этой специфической деятельности настолько выгодны, что не только бывшие спортсмены, но и кадровые офицеры из органов разведки, контрразведки и полиции не могут устоять перед посулами магнатов. Недаром самая секретная персона XX в.— миллиардер Хьюз для личной охраны привлекал только мормонов. Члены этой религиозной секты якобы не интересуются ни женщинами, ни вином, ни наркотиками, а только деньгами. Личные охранники становятся как бы членами семьи, живут в тех же апартаментах, что и мультимиллионеры, пользуются многими привилегиями.

К когорте личных охранников примазывается и

всякая уголовная шушера, способная если не защитить сильных мира сего, то оказать им мелкие услуги в качестве осведомителей, доносчиков, стукачей, шпионов за женами, охранниками и другими лицами, о которых босс хочет иметь достоверную информацию.

Спрос на личных охранников очень высок. Правда, о телохранителях пишут романы, ставят фильмы, им курят фимиам, в то время как информаторы до героев бестселлеров не дотягивают. Это и понятно. При подборе кадров, которые могут быть полезны как источники информации, особое внимание обращается на эмоционально неуравновешенных людей, с комплексом неполноценности, склонных к злоупотреблению спиртным, извращенцев, наркоманов, т. е. всех тех, которые не могут или не хотят отказаться от своих пороков и боятся их обнаружить.

Как правило, наиболее результативными источниками являются люди с неудовлетворенным честолюбием и непомерно высокими личными расходами. Первые становятся шпионами потому, что справедливо или несправедливо считают себя обойденными, вторые — потому, что тяга к роскоши и шику находит выход в этом высокооплачиваемом ремесле.

Личные охранники становятся героями романов, и не только детективного характера. История дочери американского газетного магната Херста широко известна во всем мире. Презрев богатства, она присоединилась к революционным радикалам и вместе с ними принимала участие в ограблении банков, отстреливалась от полиции, пряталась по трущобам, устраивала «гонки» на краденых автомобилях и т. п. Имя Пэтти Херст склонялось по всем правилам бульварной прессы, доведенной до совершенства отцом Пэтти — магнатом Херстом.

Публичные скандалы, громкий суд, лучшие адвокаты, в результате чего Пэтти пришлось отсидеть два года, а ее безутешному любовнику и «революционеру» довольствоваться изданием книги, написанной в жанре «Мы так любили друг друга». Грубая ирония жизни заключалась в том, что Пэтти,

попав за решетку, бросила своего нищего любовника, оставшегося на свободе.

Хотя Пэтти и была грабительницей банков и грозой полицейских, по выходе из тюрьмы она вновь стала паинькой и, как всякая причастная к клану миллиардеров, не могла обходиться без личных телохранителей. Одним из них и был Бернард Шоу, наделенный именем английского писателя, но без его язвительного гения. Это не помешало ей выйти за него замуж. Став добропорядочной матерью, добродетельной и чадолюбивой, о чем свидетельствуют двое детей, Пэтти доверила ему также охрану своих добытых не в перестрелках богатств [25]. Это, может, и не знамение времени, но случай далеко не исключительный.

Большие деньги нуждаются в больших батальонах охраны. Но и они не всегда обеспечивают безопасность, поскольку находятся и «медвежатники», готовые проломить стены, и виртуозы, способные «перехитрить» электронные коды, и внутренние шпионы, обученные навести на хранилище сейфов и войти в пай с джентльменами удачи. По мере накопления богатств обостряется вопрос их безопасности. Киднапинг — похищение богатых людей с целью получения выкупа — также заставляет мультимиллионеров искать способных людей, чтобы обеспечить сохранность богатств и безопасность главы клана, членов семьи, финансовой или промышленной империи магната.

Мультимиллионеры живут настолько хорошо, что простые смертные не могут даже вообразить уровень их благополучия. Живут в дворцах, которым бы позавидовали цари, и в сказочной роскоши, которая не снилась и Клеопатре. В супершикарных отелях сильные мира сего дают скромные ужины на тысячи персон, для которых телятину доставляют с аргентинских ранчо, консоме с трюфелями из Франции, цветы из Голландии, зимнюю малину из Чили...

Огромные богатства позволяют их владельцам приобретать виллы на берегу океана стоимостью в миллион долларов, «мерседесы» по 50 тыс. долл., коллекционные вина по 400 долл. за бутылку и по-

купать первоклассные земельные участки за десятки миллионов долларов. Роскошные дворцы с мраморными залами и золотыми ваннами, шикарные автомобили, престижные курорты на Канарских островах и ночные кабаре, бриллианты и сапфиры, лучшие кулинары и талантливые художники, политики и гангстеры — все, что возжелает душа и плоть, диктует спесь и мода,— все к услугам мультимиллионеров [26].

Если те из них, кто занимается бизнесом, и могут ссылаться на свою гениальность и везучесть, то те, кто наследовал богатства, не могут придумать и этого сомнительного обоснования. Да и по отношению к первым трудно обосновать, что человек в течение жизни мог честно, хотя бы по западным меркам, заработать богатства, оцениваемые в десятки и сотни миллионов.

Как и международные корпорации, кланы мультимиллионеров имеют собственные разведслужбы и силы безопасности. Контролируя колоссальные финансовые средства, имея в своем распоряжении тысячи людей — от сенаторов до шпионов, способных за деньги выполнить любое поручение, мультимиллионеры создают собственные службы разведки и контрразведки. Причем службы осуществляют шпионаж не только экономический, но и политический. В погоне за счастьем, которое служит синонимом богатства, мультимиллионеры прибегают к фальсификации деловой отчетности, манипулированию валютно-финансовыми резервами, поискам налоговых оазисов, имитации благотворительности, черной рекламе, шантажу и экономическому шпионажу.

Богатые магнаты, будь то Ханты, Рокфеллеры или Дюпоны, имеют дворцы и особняки, которые охраняются самым тщательным образом. Это делается как по причине личной безопасности членов фамилии, так и с целью пресечения «инфильтрации» экономических шпионов в рабочие кабинеты миллионеров и их служащих. В целях безопасности они, как правило, имеют свои кабинеты в особо охраняемом крыле дворца, куда доступ «посторонним запрещен». Нередко к «посторонним» причисля-

ются собственные дети и внуки. Службы безопасности оснащены новейшими приборами электронной слежки, телекамерами и даже приборами ночного видения.

В последние десятилетия среди сверхбогачей входит в моду приобретать так называемые кооперативные квартиры. В сущности они представляют собой многоквартирные дворцы, отделанные мрамором и оснащенные современной аппаратурой. Эти дворцы охраняются так же тщательно, как и Норд-Фокс, где хранится золотой запас США. «Посыльные,— писал Ф. Ландсберг в своей книге «Богачи и сверхбогачи»,— доставляющие жильцам заказы, должны предъявлять соответствующие удостоверения у нескольких охраняемых входов внизу; их пропускают только по специальным разрешениям сверху и проверяют при входе и выходе. На почтовых ящиках фамилии жильцов не указаны. К лицам, имеющим отношение к службе безопасности, и ко вспомогательному персоналу предъявляют требования более жесткие, чем требования, предъявляемые ЦРУ и ФБР к своим тщательно отобранным служащим» [27]. Иначе говоря, им есть что оберегать.

Наиболее зримым символом богатства, как в прежние времена, так и теперь, являются бриллианты, как ничто другое, связывающие старую аристократию с денежной плутократией. На всем печать падения. Время все превращает в прах, кроме бриллиантов. Это единственное, что остается от империй и императоров. Блеск бриллиантов чарует, но не облагораживает. Особую привязанность к бриллиантам испытывают члены королевских семей и аристократия.

Выступая в конвенте по вопросу о судьбе низложенного короля Людовика XVI, Марат вещал: «Вы спасете родину... и вы обеспечите благо народа, сняв голову с тирана». Видя, что решение вопроса может без конца откладываться, он потребовал поименного голосования без предисловий «да» или «нет». Настал «час истины». Колебаниям и словесным вывертам не оставалось ни места, ни времени. Только «да» или «нет». И по решению большинства депу-

татов 21 января 1793 г. без продолжительных церемоний на эшафот взошли Людовик «последний» и Мария-Антуанетта.

Что может взять с собой женщина на эшафот? Локон ребенка, образ возлюбленного, покаяние, немного мужества, испуг или красный наряд, чтобы кровь не выступала на жертвенном наряде, как это сделала шотландская королева Мария Стюарт, прощение, раскаяние, ужас перед неотвратимым, презрение к палачам, щепотку родной земли или... бриллиантовые серьги, как это сделала Мария-Антуанетта. Трудно судить, о чем думала эта коронованная женщина, когда, забыв обо всем, в краткий промежуток между «да» конвента и взмахом топора парижского палача зашивала уникальные бриллиантовые серьги грушевидной формы и баснословной цены в швы эшафотного платья, в котором ей и отсекли голову.

При весьма таинственных обстоятельствах бриллиантовые серьги Марии-Антуанетты объявились в Америке. Почти спустя два века, полные интриг и крови, американская мультимиллионерша Маджори Прост преподнесла их своей дочери. Маджори, известная охотница до исторических бриллиантовых ценностей, приобрела ожерелье, подаренное некогда Наполеоном своей венценосной супруге Марии-Луизе. Каким путем попало в Америку ожерелье королевской дочки и императорской жены, остается неизвестным. Стоило ли делать революцию и лить кровь патриотов, чтобы бриллиантами старой наследственной аристократии овладела новая плутократия?

Драгоценностей, равных по красоте бриллиантам, нет, и потому цены на них баснословные. Более того, алмазы, как золото и серебро, антиквариат и произведения искусства, служат великолепным вкладом капитала. Если раньше большие и малые правители вставляли бриллианты в короны и скипетры, булавы и табакерки, чтобы придать блеск власти, то современные мультимиллионеры видят в них прежде всего возможность противостоять инфляции, которая превращает в прах даже огромные состояния. Помимо сверхбогачей постоянными поку-

пателями бриллиантов являются преуспевающие оперные певцы, киноактрисы, танцовщицы, звезды стриптиза и т. п.

В мире нет совершенства. За тревожное счастье владеть бриллиантами приходится подвергаться ограблениям и платить вечным страхом. Трудно найти богачей, которых бы не грабили. Даже если грабителей находят, бриллианты исчезают бесследно. «Колоссальная ценность в малом объеме» поворачивается оборотной стороной. Где найти маленький камушек, даже если грабителя поймали через полчаса?

Вдоль океанского берега, едва касаясь ласковых волн, идет девушка в элегантном купальнике. С нее не спускают глаз вооруженные до зубов, с каменными лицами, одетые по всей форме полицейские. Они охраняют шествующую по волнам девицу, вернее, ее купальник. В полном соответствии с модой мультимиллионеров купальник расшит жемчугом и унизан драгоценными камнями на общую сумму 300 тыс. долл.

Бриллианты — вечная головная боль миллионерш. Полицейские или дюжие парни в полном вооружении всегда их сопровождают и готовы отразить любой неожиданный удар. Телохранители, которых по справедливости надо было бы назвать «бриллиантохранители», опекают своих подопечных днем и ночью. И на светских раутах, где собирается новая элита, охранников, случается, больше, чем гостей, нервозность превышает веселье, страх быть ограбленной — чувство избранности и принадлежности к «лучшим людям Вселенной».

Цены на охранников постоянно растут. Может быть, поэтому вдова автомобильного короля Доджа вышла замуж за Морана, ранее нанятого ею для охраны «королевы и ее ценностей»? Конечно, великолепный торс бравого полицейского сыграл свою роль, но не это главное.

Стареющие миллионерши ценят все прекрасное, если оно принадлежит им. Но нельзя со счетов сбрасывать и умение полицейского организовать сохранение уже общих ценностей. Вдовствующая «королева», как и положено в фарсах такого рода,

могла бы в далекой юности быть танцовщицей из кабаре, которая собственными ножками взбиралась по крутым ступеням социальной лестницы. Так оно и было в действительности. В девичестве Грегг Шервуд танцевала в ночных клубах Нью-Йорка и Лас-Вегаса, где и подцепила автомобильного короля. Может, в девичестве, как и в замужестве, она любила не того, кого хотела, а того, кого следовало. Решив осветить собственное угасание сильно запоздалой любовью, она, может, и ошиблась. Но зато нашла в Аполлоне из полицейского участка цербера своих королевских сокровищ.

Став мужем, Моран не сложил с себя полномочий шефа службы безопасности, а усилил рвение, ибо отныне работал на себя. Как и все респектабельные мультимиллионеры, Доджи имеют дворец в Палм-Бич, на острове миллионеров в Тихом океане. При всем уважении к патентованным замкам, запорам, электронике и системе сигнализации, связанной с полицейским управлением, особым уважением «тихих» обитателей дворцов пользуются собаки. Не комнатные левретки, а настоящие, натасканные на человека бельгийские овчарки и доберман-пинчеры и другие породы волкодавов. Моран выписал сразу шесть венгерских волкодавов и взялся лично натаскивать их. Виллу окружил колючей проволокой и пропустил ток высокого напряжения. Радиотелевизионная сеть позволяет оператору-охраннику, находясь на посту, наблюдать за всем, что происходит в любом закоулке огромного имения. Моран в пароксизме усердия пристрелил «гангстера», который оказался одним из тех, кто интересуется интимной жизнью сильных мира сего. Поскольку нарушение собственности было налицо и убитый находился в частных владениях, Морана оправдали, а виллу стали обходить за версту [28].

Охрану дворцов и богатств мультимиллионеров поручают частным детективам. Частная полиция насчитывает в США более 1 млн человек, что вдвое превосходит официальную полицию. Армия детективов в Соединенных Штатах и сдача «напрокат» охранников частным предпринимателям превратились в многомиллионный бизнес. По некоторым

оценкам, содержание армии частных охранников обходится чуть ли не в 10 млрд долл. Если учесть, что бюджет министерства юстиции составляет порядка 1,2 млрд долл., то станет ясно, что содержание частных охранников — дорогое удовольствие. Но их содержат, ибо жизнь и богатство мультимиллионеров, по их мнению, этого стоят [29].

Частные полицейские силы охраняют не только особняки, виллы, богатых людей, но и секретные государственные объекты. Достаточно сказать, что атомные электростанции в США охраняются частной фирмой «Вокенхат корпорейшн». Фирма, организованная бывшим специальным агентом ФБР Джоном Вокенхатом в начале 50-х годов, специализируется на охране сверхсекретных объектов, принадлежащих как правительству, так и крупнейшим корпорациям. «Вокенхат» имеет широко разветвленную агентурную сеть во многих странах, поддерживает самые тесные связи с ФБР и военными разведками и контрразведками США. Поступающие на работу проверяются по всем пунктам, начиная от родителей и кончая склонностями и привычками. Проверяется даже законнорожденность, ибо «не санкционированное властями» появление на свет служит достаточным основанием для отказа. Считается, что незаконнорожденных легче шантажировать. Корпорация издает свой журнал «Вокенхат ревю». Из 500 крупнейших американских корпораций, ежегодно публикуемых «Форчун», 400 — постоянные абоненты специализирующихся на экономическом шпионаже и контршпионаже фирм: «Вокенхат», «Бранс», «Глоб», «Пинкертон» и др.

Частные детективы не прерогатива США. Французская кинокартина «Красная зона» демонстрирует часть арсенала частных фирм, призванных обезопасить секреты предприятий, химических и военных складов, промышленности и промышленников. Служба безопасности за плату предоставляет частных детективов для охраны помещений и персон, сопровождения спецгрузов и выколачивания недоимок, даже сведения личных счетов. Частные службы безопасности сотрудничают с полицией и государственными органами, имеют право носить оружие, удо-

стоверения, которые открывают им доступ в закрытые учреждения.

Если убрать альковные сцены, в фильме хорошо прослеживается активность частных специальных служб, система тренировок, среди которых обучению каратэ, боксу, стрельбе отводится не последнее место, а также использование внутренних шпионов.

Со времен Видока, который еще в 1845 г. основал частное сыскное бюро, Франция плодит частных детективов, к которым обращаются по самым различным делам. Среди них числится и бюро Мишеля Мобера, рекламирующего свой бизнес как: «Бюро Мобер. Разные промышленные и коммерческие дела. Серьезные рекомендации. Специальные наблюдения на заводах или в промышленных учреждениях для разоблачения экономического шпионажа или воровства. Контроль за растратчиками на предприятиях. Борьба с незаконной конкуренцией, с переманиванием в этих целях служащих. Полное обеспечение тайны». Последнее — гвоздь программы. Мобер обслуживает 17 банков и десятки промышленных предприятий. В стране более 300 детективных контор, которые котируются среди солидных клиентов[30].

Существует даже синдикат частных детективов, который представляет интересы детективов и вырабатывает этические нормы поведения тайных агентов. Телетайпная связь, персональные компьютеры, специально оборудованные автомобили, подслушивающие устройства — все, чем пользуются полиция и органы разведки, к услугам частных детективов. Объем заказов, с которыми обращаются фирмы, настолько велик, что официальные службы не могут ими заняться и отсылают клиентов к частным детективам.

В других капиталистических странах также существуют сотни организаций, предлагающих клиентам информацию, которая приоткрывает завесу над производственными и коммерческими секретами конкурирующих фирм.

Родина Шерлока Холмса всегда славилась частными детективами. Элиту частных служб безопасности возглавляет «Секъюрикор» — одна из круп-

нейших частных компаний, которая обеспечивает охрану банков, помещений известных фирм, занимается перевозкой денег и драгоценностей. Нежелательные лица, ожидающие депортации в аэропорту Хитроу, находятся под стражей детективов из «Секъюрикор», их нанимает по контракту министерство внутренних дел. Это министерство лишь одно из 30 правительственных ведомств, расходующих более 1 млн ф. ст. на армию частных охранников. Министерство иностранных дел также прибегает к услугам фирмы. В Великобритании насчитывается примерно 800 частных фирм. Нередко частные охранники оказываются на скамье подсудимых, так как не могут устоять перед соблазном и крадут то, что должны были беречь от воров. Когда требуется особая информация, то фирма обращается в агентства, которые специализируются на шпионаже и контршпионаже. Получив заказ на определенную секретную информацию, чертежи и формулы, агентство прибегает к самым неожиданным приемам.

Так, руководитель «Секъюрикор» Джордж Балш утверждал, что они «засылают» своего человека в фирму в качестве помощника менеджера. Ему приходится довольно тщательно выполнять свои служебные функции до тех пор, пока он не решит поставленной перед ним задачи, иначе его быстро разоблачат. Когда возникает вопрос, как его убрать, то инсценируется арест, или объявляют, что он попал в катастрофу, или просто симулируют болезнь и увольнение. При получении заказа на выявление источника утечки секретов частные детективные агентства функционируют как контрразведка. В этом случае они могут выступать в роли «покупателей секретов» или внедриться в компанию, которая является потенциальным получателем информации, и т. д.

Большинство агентств, занимающихся на Западе экономическим шпионажем, отнюдь не скрывает своей деятельности. Они лишь носят несколько завуалированные названия вроде: совет по руководству промышленными предприятиями, консультант или патентное бюро.

Государственные службы нередко прибегают к

услугам частных детективов, а частные лица финансируют специальные службы. Финансирование частными компаниями государственных разведывательных служб вызывает негодование даже западных политиков. Хотя разоблачений такого рода немного, но все же время от времени пресса освещает подобные факты. Например, западногерманский журнал «Шпигель» писал, что в Мюнхенский банк на счет сотрудника государственной спецслужбы БНД под псевдонимом Петер Ханден поступило в общей сложности 400 тыс. марок от частных лиц и компаний.

Для расследования убийства бизнесмена Мартина Шлейра, председателя правления «Дрезднер банк» Юргана Понто и генерального прокурора Зигфрида Бубака руководство БНД наняло частного детектива Вернера Мауса с годовым гонораром 650 тыс. марок. Для этих целей и были необходимы частные пожертвования, а недостающую сумму доплатила сама Федеральная служба. Она снабжала Мауса не только деньгами, но и фальшивыми документами. Все проводилось в обстановке строжайшей секретности, писал журнал. В целях безопасности был изготовлен лишь один экземпляр договора, который шеф БНД держал у себя под замком. Маусу разрешалось в случае необходимости только заглянуть в него. В договоре также отмечалось, что Маус «не может подключать третьих лиц, обязан регулярно информировать своего заказчика, учитывать его интересы и после ухода со службы хранить строжайшее молчание».

В отличие от находящихся на государственной службе разведчиков частный детектив не связан законом, инструкциями и желанием сделать карьеру. Его интересуют только деньги, а их платят за результаты. Он может взламывать двери, прослушивать телефонные разговоры без всяких официальных разрешений, шантажировать, когда ему это нужно, проникать в чужие квартиры, угрожать и т. д. Но если его на этом поймают, он отвечает сам, а не лицо или организация, которые его наняли. Симбиоз законной мощи разведслужб и частных детективов умножит силы секретных служб.

Этот блондин «среднего роста, средней толщины, средней яркости словно создан природой, чтобы его не опознавали в следующий раз». Многоликий Маус получал более 30 фальшивых удостоверений для себя, помощников, среди которых первой значится жена. Он так и не вернул фальшивые удостоверения пилота, заграничные паспорта, водительские права и лицензии на ношение оружия.

Фальшивые документы нужны Маусу в его деле точно так же, как мини-передатчик в виде пачки сигарет и автоматическая фотокамера в папке для бумаг, а парики и трость — рабочий инструмент рядового шпиона. Маус олицетворяет собой сыщика, которому не нужно придерживаться закона, чтобы поймать нарушителей. Он мог стать агентом, провокатором, ищейкой, которая при выслеживании не должна придерживаться ни административных инструкций, ни правил служебного этикета. Приказы вышестоящих лиц он мог игнорировать и делать все по собственному усмотрению. Он имел все — от портативного передатчика до собственного самолета, от ложных паспортов до фальшивых накладных волос.

В рамках своей мимикрии, или «легенды», Маус чаще всего играл значительное лицо. Причем делал это, по собственным словам, только в целях маскировки, поскольку «у шпика никогда не может быть так много денег».

Деньги, как и ловкость их делать, у него были. Он получал от Объединения страхователей недвижимого имущества ставку в размере 750 тыс. марок в год, гонорар от БНД в размере 842 тыс. марок за 15 месяцев своей охоты на террористов. Большие суммы не были для него необычными. Правда, были и расходы — сделанные на заказ костюмы, арендованные время от времени «роллс-ройсы», шикарные яхты, рестораны и первоклассные отели. Ему удавалось добиться большего, чем некоторым гигантским полицейским отрядам.

К помощи Мауса БНД прибегала не раз. В 1970 г. он способствовал поимке в Испании бежавших из заключения и разыскивавшихся в связи с ограблением банка и убийством полицейского

Альфреда Лекки и Гельмута Деркса. Он обнаружил украденные в 1975 г. сокровища Кёльнского собора, которые большей частью удалось вернуть; нашел баллоны с отравляющими веществами на Саведо, похищенные весной 1983 г. «Как никто другой, детектив Маус умел втереться в доверие к подозреваемым лицам, друзьям, женам их окружения и любовницам. Этот человек, который в полном смысле слова блестяще умел сочетать различные интересы, первый раз был женат на сотруднице БНД»,— писал «Шпигель» [31].

Хотя в поисках преступников на частные пожертвования Маус объехал полмира, однако успехи были мизерны. Когда в бундестаге разразился скандал по поводу привлечения частных шпионов для выполнения «государственных функций», Маус скрылся. Благо ни денег, ни ловкости матерого шпиона ему не занимать. Под новой фамилией и в новом образе многоликий Маус будет тайно практиковать древнейшее ремесло, пока новые разоблачения, арест или смерть не поставят точку. Практика знает случаи, когда и лучшие детективы бессильны.

«Деньги разводят людей— писал В. Федоров, который наблюдал жизнь западногерманских миллионеров,— но, бывает, и соединяют несоединимое» [32]. «Деньги тут ни при чем, главное — чувство!» — возражал восемнадцатилетний жених на сомнения лиц, облеченных властью делать молодых людей молодоженами. Учитывая романтический возраст жениха, можно было бы поверить, если бы невеста не преодолела 80-летний рубеж. Зная, что «любви все возрасты покорны», можно было бы поверить даже в пламенную страсть Ромео XX в. к новоявленной Джульетте, если бы она не была миллионершей. Любви, как известно, и миллионы не помеха.

Именно миллионы и превратили фарс в драму шекспировских масштабов. Он убил ее, чтобы она с деньгами не досталась другому, и сел, как положено, проклиная тот день, когда золотые стрелы Купидона ранили его в самое сердце. Если убивают любимые, то что говорить об охранниках, нанятых

за деньги и к тому же поднаторевших в стрельбе, кулачных ударах, каратэ, кун-фу. Может, потому Грегг Шервуд, как и Пэтти Херст, и вышла замуж за охранника, освободив его от комплексов Раскольникова. Все это рутина в мире богатых.

Бриллианты нуждаются в охранниках, а охранники — в деньгах, как бы много ни платили. В сущности это извечная проблема. Проблемы мультимиллионеров, как и проблемы нищих, везде и во все времена одни и те же. С нищими все ясно. С богатыми все сложнее, ибо нет никаких гарантий, что охранник, которому доверено самое дорогое, не вообразит себя Раскольниковым и не «порешит старуху», чтобы скрыться с бриллиантами.

Это извечный парадокс. Судьбы Вселенной находились в руках Суллы, Чингисхана и Гитлера, а сами правители — во власти рабов, поваров и охранников, которые могли их зарезать сонными, как агнцев.

Проблемы безопасности не сегодня возникли и не завтра кончатся. Ритуалы диктуют образ жизни и облагораживают отношения между людьми. Эти стандартизированные приемы, ставшие штампом, как правило, продиктованы безопасностью. Протягивать руку при встрече — значит показывать, что в руке нет оружия. Считается хорошим тоном, если хозяин, откупорив бутылку, плеснет сначала чуточку себе, а потом наполнит бокал гостю. По сути эта галантность означает, что вино не отравлено и хозяин не является последышем Борджиа.

Безопасностью продиктован и такой далекий восточный ритуал, как падение ниц перед владыками. Лежащему или ползущему человеку трудно нанести удар припрятанным кинжалом. С изобретением огнестрельного оружия эта мера безопасности потеряла эффективность, а потому президентов и правителей охраняют телохранители, представляющие собой «самодвижущиеся биобронеплиты». Согласно преданиям, славянки добровольно восходили на жертвенный костер, где сжигались трупы их мужей, убитых в бесконечных боевых сшибках. Живая вдова считалась позором фамилии. Засом-

невавшись в добровольности самосожжения, Карамзин, как истый историк, не может не объяснить такой «высокий порыв преданности жен» сугубо утилитарными целями. «Думают,— пишет он,— что сие варварское обыкновение... введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств; осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею» [33].

Еще фараоны хранили свои соокровища глубоко под землей, в хитроумно построенных лабиринтах, в несколько ярусов. Порой строителей лабиринтов уничтожали по завершении работ, убивали и тех, кто мог знать или догадываться о схеме проникновения в сокровищницу. Специальные жрецы и только по отдельным участкам знали пути проникновения «в тайны государственных тайн».

Трагедия тех, кто, презрев законы, страх, проклятья жрецов, дерзали проникнуть в лабиринт, была в том, что они не могли ни достичь цели, ни отступиться. Обреченные на голодную смерть, они, как призраки, неделями бродили по пустынным узким, до жути мрачным однообразным галереям с разбросанными там и тут черепами и скелетами тех, кто прежде покушался на подземные богатства земных владык. И редко кто не сходил с ума, полагая, что это боги наказали его за святотатство, ибо фараоны почитались богами, а награбленные богатства — священными.

И пирамиды — эти загадки, над которыми ломают головы и сейчас, по сути были хитроумными тайниками, где хранились сокровища, выделенные для загробной жизни фараонов. И то, что каменная гробница тысячи и тысячи лет хранила сокровища Тутанхамона, говорит о том, что фараоны умели прятать свои ценности. Конечно, пирамиды — порождение силы и тщеславия земных владык с их претензиями на бессмертие, сложных религиозно-мистических идей, архитектурного гения зодчих, упорного труда миллионов египетских династий с их богатствами и величием. Все это так, но наряду с этим нельзя отрицать и то, что пирамиды были надежными кладовыми для сокровищ, и не исключено, что ими остаются и по сей день.

Хотя крайности преданы исторической анафеме, современные хранилища ценностей должны отвечать тем же требованиям, что и пирамиды. Они должны быть надежно защищены от внешних врагов и внутренних шпионов. Система безопасности должна предусмотреть все возможные инциденты и катастрофы, начиная от психологических эксцессов лиц внутренней охраны до сговора главного хранителя со злоумышленниками, от нашествия врагов до землетрясения.

Охрана богатств возлагается на банки и ломбарды, которые так же время от времени грабят, на страховые фирмы и частные детективные бюро. Надежным гарантом можно считать только страховой полис, который хоть и не обеспечивает сохранности уникального шедевра или бриллианта из подвесок королевы, но позволяет залатать брешь в состоянии магната.

Как свидетельствуют факты, грани между респектабельным бизнесом и преступным миром становятся зыбкими, неопределенными, относительными. Бизнес то и дело вторгается в область запретного. Мораль и этика — скорее декларации, чем правила ведения дел на конкурентной основе. Если у большого бизнеса и есть мораль, то она гласит: «Черт с тобой, если мне хорошо», или, выражаясь по-христиански: «Каждый за себя, один бог за всех». С особой силой эту доктрину проповедует организованная преступность, которая стремится стать респектабельной.

И гигантская корпорация, и дельцы с фондовой биржи, и мелкий предприниматель, и торговцы краденым, и мафиози одинаково преданы бизнесу и одинаково шпионят, чтобы бизнес процветал и приносил барыши. Бизнесмены и мафиози равно могли бы провозгласить своим девизом: законно то, что выгодно.

Глава IV | Криминальный бизнес

«Серый паук»

Преступления совершаются из-за сластолюбия, честолюбия или корыстолюбия. Бесспорно, сребролюбие побуждает к подавляющему большинству незаконных акций. Именно за 30 сребреников Иуда выдал с головой Христа. Что говорить о простых смертных, если духовные пастыри не чужды звону злата.

В поисках реальных монет утонченным мошенникам и пришло в голову получать вожделенные сребреники, купюры казначейских билетов и кредитные карточки путем их имитации. Бумага, как известно, все выдержит, в том числе и фальшивые денежные знаки. Деньги во всем мире принято считать по номиналу. Но бывают исключения, которые подтверждают правило. Так, в США в 1988 г. специальные агенты ФБР изъяли оборудование и полтонны фальшивых банкнот. Понадобилось трое суток, чтобы пересчитать 500 кг первоклассной продукции фальшивомонетчиков на сумму 16 млн долл. Когда бы не «проклятые неподкупные», в престижном справочнике «Кто есть кто» появилась бы еще пара-тройка мультимиллионеров. Но на этот раз не повезло. Боги отвернулись от фальшивомонетчиков то ли потому, что хотели польстить специальным агентам, то ли потому, что фальшивомонетчики не проявили достаточной ловкости, заботясь о безопасности.

Со дня выпуска первого доллара на скамью подсудимых попали 12 тыс. фальшивомонетчиков. Это только уличенные мошенники. Сколько их разгуливает на свободе, установить трудно. По всему миру ходят фальшивые доллары по цене настоящих, от далекой Океании до Бермудских островов, от Парижа до Филадельфии; 90% всех подделок среди валют мира приходится на доллары.

Неудивительно, что «Интерпол», одной из функций которого является борьба с фальшивомонет-

чиками, в 1987 г. рекомендовал американскому казначейству полностью заменить нынешние купюры на новые. Это сделало бы многие мастерские по изготовлению фальшивых банкнот и сами находящиеся уже в обращении фальшивки «недееспособными» [1].

Подделка банкнот — сложный, трудоемкий, требующий большой технической подготовки процесс. Как правило, организаторы должны раздобыть клише, с которых печатают денежные знаки, или найти высококвалифицированного гравера, который изготовил бы из металла аверс и реверс денежного знака. Предварительно необходимо выяснить, какую бумагу и где приобретает монетный двор, кто поставляет краски, к каким хитростям прибегают мастера, чтобы затруднить подделку банкнот, какие тайные метки используются при эмиссии. Все это практически невозможно выявить без человека, который бы изнутри не знал, как печатаются деньги. Само место, где печатаются деньги, как и все, что связано с производством, распределением, транспортировкой, держится в величайшем секрете и относится к государственным тайнам особой важности. Понятно, что без специалиста, знающего всю технологию печатания денег, не обойтись.

Как правило, таких находят среди тех, кто печатал деньги «именем государства, под защитой государства и для государства». Алкоголики и наркоманы, любители легкой наживы и гомосексуалисты, коплексующие таланты и авантюристы, обиженные или те, кто считает, что их несправедливо обходят, уволенные за те или иные провинности или те, кто ищет приложение своим уникальным талантам, становятся подручными фальшивомонетчиков. Они создают печатные машины, гравируют оттиски, достают бумагу и краску и печатают деньги [2]. Разумеется, крупные гангстерские шайки все это фиксируют и держат под неусыпным контролем. Топтать свежепахнущие купюры франков и лир, разбросав их по полу, чтобы придать им вид уже бывших в пользовании денег, может, и эффектно, но не производительно. Мощные организации фальшиво-

монетчиков находят кассиров в банках, которые могли бы обменять мешки с фальшивыми деньгами на настоящие. До сих пор в Швейцарии «гуляют» доллары, искусно подделанные в подпольной типографии под Миланом еще в 1981 г. Когда итальянская полиция по сигналу из Женевы устроила облаву, даже видавшие виды сыщики были поражены. «В типографии, подоткнув за пояс полы сутаны, ручку машины энергично крутил католический пастор. Таким оригинальным способом он подрабатывал к скромной плате за наставления на путь истинный своих прихожан. Вместе с ним были арестованы семь его подручных. На складе было обнаружено 44 млн фальшивых долларов, а позднее было изъято еще 18 млн таких долларов»,— писала газета «Известия» [3].

Защита денег от подделок, как и их эмиссия, является прерогативой государства. Наиболее защищенной, как и наиболее фальсифицируемой, валютой считается доллар. Это противоречие обусловлено тем, что данная валюта пользуется наибольшим спросом во всем мире, а ее изготовление осуществляется в глубокой тайне с использованием ряда секретов.

Одним из секретов, призванных защищать доллар от фальшивомонетчиков, по мнению эмиссионных служб США, является специальная зеленая краска, наносимая на денежные знаки. Недаром доллары на арго называют «гринбэк», что переводится как «зелененькие». Эта краска якобы не имеет аналогов, и, как бы долго доллары ни переходили из рук в руки, она способна оставлять след на чистом листе бумаги, что позволяет легко установить подлинность доллара любого достоинства. Если верить американской масс-медиа, то рецепт краски в единственном экземпляре хранится в стальном сейфе, тщательно спрятанном где-то на дне глубокого водоема. Учитывая, что купюры всех достоинств печатаются с использованием одинаковой зеленой краски, очевидно, так оно и есть.

Состав бумаги, как и способ изготовления, также является государственной тайной. Недаром охраной президента и борьбой с фальшивомонетчиками занимается одна и та же «секретная служба».

Что бы там ни говорили, обвинить американцев в несерьезном отношении к долларам невозможно, не погрешив против истины. Они подготовились к защите доллара с самого начала.

...В Японию приехали американцы, которые хотели купить партию шелка. В этом не было ничего необычного, поскольку еще с древних времен с помощью экономического шпионажа японцы овладели секретами производства шелка и совершенствовали свое мастерство в течение столетий.

Американцы интересовались способом изготовления шелка, его продуцентами, качеством и районированием тутового шелкопряда. Во всем этом тоже не было ничего необычайного. Секреты производства шелка давно не тайна, а интерес к нюансам — это естественное желание купить качественный шелк. Иначе зачем было и приезжать в далекую Японию? Но необычайное было в том, что все это хранилось в глубокой тайне. Под видом обычной сделки они приобрели уникальную партию шелка. Чтобы изготовить бумагу для «гринбэков», шелк измельчают до мельчайших частиц и перемешивают с синтетическими частицами другого материала [4].

Казалось бы, все предусмотрели американцы, но обеспечить неуязвимость доллара не смогли. Американские денежные знаки независимо от достоинств имеют одинаковую форму, размеры, цвет. В зависимости от номинала на денежных знаках меняются только портреты президентов. Вся «трудность» для фальшивомонетчиков в том, чтобы к единице справа добавить пару нулей. Если это сделать искусно, то доллар превращается в сто долларов, а то и в респектабельную тысячедолларовую купюру.

Трудно только с президентами. Их не трогают. Американцы сами путают, на какой купюре портрет какого президента напечатан, не говоря о подданных иностранных государств, где такие «усовершенствованные» купюры в основном и имеют хождение. При эмиссии, казалось, сделали все, чтобы обеспечить безопасность денег, а фальшивомонетчики приспособили их промахи для собственных нужд. Так и идет через века и тысячелетия: те, кто

имеет право выпускать деньги законно, и те, кто выпускает их вопреки закону, работают за ширмой секретности.

В середине прошлого века подделка долларов приобрела столь массовый характер, что для борьбы с мошенниками решено было организовать специальную службу. Такая служба была создана в 1865 г. в рамках министерства финансов и получила название «Секрет сервис», в переводе — «Секретная служба». Под руководством сыщика Уильяма Вуда она добилась значительных успехов, благо фальшивомонетчиков хватало и во времена становления американского могущества. Позже «Секрет сервис» была поручена охрана президента и «всей королевской рати». Таким образом, защита президента по важности была приравнена к защите доллара. Правда, это не единичный случай. Поль Мартинкус, получивший прозвище «Горилла», столь далекое от сана святого отца, является одновременно и банкиром Ватикана, и личным телохранителем папы римского [5].

С тех пор «Секретная служба» выполняет эти разноплановые задачи. В президентов время от времени американцы стреляют, за что руководство и специальные агенты «Секрет сервис» получают выговоры от начальства и общественное порицание. Масс-медиа бушует по поводу этих бездельников, которые не отрабатывают свой хлеб.

Помимо охраны президента и его рати на «Секретную службу» возлагаются расследование и арест электронных гангстеров, специалистов по подделке кредитных карточек, идентификация фальшивых документов, а также обеспечение безопасности правительственных учреждений, посольств и других мест, на которые «укажет лично президент» [6]. Если учесть, что на ФБР возложены задачи по борьбе с организованной мафией, беловоротничковой преступностью, контршпионажем, то станет ясно, что эти две организации соперничают между собой, продолжая сотрудничать. Сотрудничество этих мощных организаций с «Интерполом» еще больше затягивает в узел полицейские силы секретных служб США.

Страх привлечь новых «деятелей долларов» заставляет «Секрет сервис» осуществлять свои операции по поимке фальшивомонетчиков за завесой непроницаемой секретности. Видимо, то, что доллар чаще других валют подделывают, и вынудило «Секретную службу» тесно сотрудничать с «Интерполом».

«Секретная служба» наделена широкими полномочиями, денег на нее не жалеют как по причине важности задач, возложенных на нее, так и потому, что ближе к президенту, чем ее специальные агенты, нет никого. Распоряжениям секретной службы обязаны подчиняться все, включая министров, шефов ЦРУ, АНБ, ФБР, членов семьи президента, помощников и друзей. Президенту рекомендуется согласовывать свои публичные выступления, поездки, отдых, встречи с друзьями и избирателями со специалистами из «Секретной службы».

Очевидно, охрана президента и защита доллара при всей символичности этого альянса посредством «Секретной службы» — разнохарактерные проблемы, и их решение требует различных специалистов, различных методов ведения дел и различных знаний. Поэтому под одним названием соседствуют две самостоятельные организации. Однако секретная служба в защите доллара, как и в защите президента, также не преуспела, о чем свидетельствует расцвет фальшивомонетчиков.

Другой стабильной валютой считается швейцарский франк. О его ценности заботятся швейцарские банки, а о сохранности и полноценности — швейцарская полиция. Именно эти факторы наряду с всемирно известным умением хранить тайны и привлекают тех, кто хочет сохранить богатства, особенно доставшиеся далеко не праведным путем. Среди них не последнее место занимают фальшивомонетчики.

Во второй половине 1976 г. в Женеве при сдаче в банк ежедневной выручки ресторанов и магазинов служащий обнаружил несколько фальшивых купюр. Подозрение пало на испанца, проживающего в Женеве. Полиция установила тайную слежку и вскоре выявила его связи. Собранная информация

позволила определить пути поимки фальшивомонетчиков. Полиция провела у испанца неожиданный обыск и обнаружила в кровати под матрацем новенькие стофранковые купюры.

Кончик нити был найден, и полиция приступила к разматыванию клубка порочных связей. Мошенники не были оригинальны и на сей раз. Они вели тот многократно осужденный в проповедях и притягательный в повседневности вызывающе роскошный образ жизни, явно не соответствующий их законным доходам. Швейцарская полиция связалась с французской, и совместными усилиями им удалось выявить, что некий француз, часто посещавший арестованного, обосновался в небольшом пограничном городке Гайар и очень дружен с итальянцами — хозяевами маленькой типографии.

Налет французской полиции с подачи швейцарской на типографию дал великолепные результаты. Но восторг полицейских вряд ли разделяли фальшивомонетчики, пойманные на месте преступления. Когда ворвалась полиция, они спокойно продолжали печатать очередную партию фальшивых купюр.

Что только не предпринимают для одоления синдрома жажды денег?! Прибор для борьбы с фальшивомонетчиками из области фантазий перешел в повседневность полицейских будней. В Швейцарии создан портативный прибор, чутко реагирующий на магнитную краску, наносимую на купюры. Он прост в эксплуатации. Достаточно провести «детектор лжи для банкнот» над американским долларом, английским фунтом, швейцарским франком, западногерманской маркой или японской иеной, чтобы установить их происхождение. Если магнитного поля нет, на табло загорается сигнальная лампочка. Она загорается также, если количество краски не соответствует пропорциям, которые строго определены. Установить, что банкнота фальшивая,— важное условие, но недостаточное, главное — выявить и ликвидировать эмиссионный центр валютных мошенников.

Крупнейшая международная банда фальшивомонетчиков, действовавшая по всей Западной Евро-

пе, была раскрыта в Милане. Включавшая в себя несколько десятков человек банда подделывала все, что можно подделать: доллары, песеты, кредитные карточки и даже документы итальянского посольства в Уругвае.

Еще в 20-х годах немецкие полицейские во время очередного обхода торговой части Франкфурта, как это иногда бывает, случайно наткнулись на громадное количество фальшивых советских червонцев. На «заброшенном складе» червонцы лежали в кипах в ожидании погрузки на пароход, который под покровом ночи доставил бы их к берегам России. Полиция открыла дело, которое не знала потом, как закрыть. «Затащили осла на крышу и не знают, как снять его, чтобы народ не смеялся»,— гласит восточная мудрость. Пути вели, с одной стороны, к финансово-политической элите Запада, с другой — к примитивному уголовному миру.

Чем дальше, тем больше процесс фальшивомонетчиков принимал характер международного скандала. Достаточно сказать, что в деле оказались замешаны такие столпы мирового масштаба, как финансист Генри Детердинг и его таинственный агент Джордж Белл, нефтяной магнат Нобель, баварский пронацистский промышленник Вилли Шмидт и др.

Процесс так же быстро кончился, как и начался. Объясняя причины этого, «Нью-Йорк таймс» писала: «Хотя министерство иностранных дел Германии и английское правительство заявили, что общественность будет обо всем информирована, однако ни для кого не секрет, что полиция получила предписание спустить дело на тормозах» [7]. Сомневаться в этом не приходится, если учесть, что дело завершилось столь же неожиданно, сколь и противозаконно. Хотя германские законы и суровы по отношению к фальшивомонетчикам, все обвиняемые вышли на свободу. Поскольку мировая общественность ждала объяснения, она его получила. «Хотя подделка советских денег была бесспорно доказана,— разъяснял немецкий суд,— однако подсудимые действовали по бескорыстным политическим мотивам». Конечно, высокообразованные судьи не

могли не понимать примат принципиальных первопостулатов над конъюнктурными соображениями.

В самом деле, если можно изготовить фальшивые деньги «по бескорыстным политическим мотивам», то почему нельзя те же самые фальшивые деньги выпускать для собственного «бескорыстного» обогащения? Законники это хорошо понимали, и все же политические соображения взяли верх над принципами, на которых зиждется правопорядок и процветание нации. Видимо, это и называется политической слепотой.

Немцы, очевидно, почувствовали вкус фальшивых банкнот. Не имея возможности отомстить французам за поражение, нанесенное немцам в первой мировой войне, канцлер Штреземан решил наводнить французскую экономику фальшивыми банкнотами. Авантюра раскрылась на ранних этапах. Разразился международный скандал, результатом чего было подписание в 1929 г. конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков. Фальшивомонетчики были объявлены вне закона, а их деятельность — преступлением, против которого совместными усилиями должны бороться все страны. Для этого требовалась соответствующая организация. Международные гангстеры испытывают ужас при одном упоминании этой организации, называя ее с ненавистью «серым пауком».

...В предместье Сен-Клу находится организация «старых дев», которые перекладывают карточки из одного ящика в другой и сонно отвечают, что им об ограблениях века ничего не известно и что в карточках такое не значится. По окончании работы эти рутинеры возвращаются к своим унылым очагам и смотрят сериалы про «Джеймса Бонда» до позднего вечера. А потом ложатся спать, предварительно отключив телефон, чтобы их не смели беспокоить.

О служащих этих организаций можно было бы сказать с библейской мудростью: «Каждому свое», когда бы эти столь различные интерпретации не относились к одной и той же Международной организации уголовной полиции, известной как «Интерпол». Конечно, это не клуб «старых дев».

Первоначально «Интерпол» был создан для

борьбы с фальшивомонетчиками, этим извечным злом. «Интерпол» борется также с кражами произведений искусства, с преступлениями против безопасности полетов гражданских самолетов, с международной контрабандой. Контрабанда, ограбления банков, открытие анонимных счетов, фальшивомонетчики и экономический шпионаж имеют общую природу как по причине получения больших незаконных доходов, так и в силу необходимости выуживать любой ценой достоверную конфиденциальную информацию.

Начиная с 80-х годов функции международной уголовной полиции значительно расширились, ибо подделка валют продолжается, а число международных преступлений растет. «Интерпол» координирует борьбу различных стран против международных преступников. Как международная организация, «Интерпол» пользуется заслуженной репутацией и может привлекать для осуществления операций лучших полицейских агентов. К его услугам опытные сыщики из ФБР и Скотленд-Ярда, «Секрет сервис» и местной полиции, эксперты и ученые с мировым именем, информаторы, работающие на национальные полиции и, следовательно, информирующие «серого паука», связанного с ними деловыми отношениями. Информаторами «Интерпола» равным образом могут стать энтузиасты и корыстолюбцы, ими могут быть почетные банкиры, охранники из свиты правителей, актрисы театра, мафиози, журналисты и т. п. Но основная работа «Интерпола» — это справочная. Он обладает колоссальной и уникальной картотекой, в которую занесены более 1,5 млн имен с их анкетными данными, характером и почерком преступлений, кличками, отпечатками пальцев и местами «возможных популяций».

«Интерпол» обладает уникальной лабораторией для идентификации денежных знаков и других ценных бумаг; есть музей, где хранятся все выявленные образцы купюр и монет, изготовленных фальшивомонетчиками. Их число превышает 4 тыс. Эти образцы представляют собой чудо изобретательности человеческого ума и хитрости, поставленных на службу корысти. Здесь же собраны образцы бумаги

и тканей, на которых фальшивомонетчики изготавливают купюры, а также другие орудия преступлений, изъятые при ликвидации подпольных мастерских [8—13].

В «Интерполе» существует специальный отдел «Е», который занимается экономическими преступлениями. Трудно найти категорию преступлений, кроме психических и сексуальных, которые нельзя было бы подвести под экономическую. Контрабанда и фальшивомонетничество, ограбления и наркобизнес, не говоря о банковских и биржевых аферах,— все делается во имя экономических выгод. Отдел занимается беловоротничковой преступностью, наиболее сложным и наименее романтичным видом международных преступлений. Здесь сыщикам и комиссарам полиции приходится часами дожидаться аудиенций с подозреваемыми лицами, обращаться к ним «ваше превосходительство» или «господин президент», прибегать к формулировкам типа: «Не могли бы вы уточнить...», «Не соизволите ли вы вспомнить...» Сначала детективам приходится выдержать презрительные взгляды обслуги, а затем ледяные ответы высокопоставленного негодяя. В довершение всего они получают нагоняй от начальства, что подозреваемый выразил недовольство «самому министру». И нет никому дела до того, что преступник редко бывает доволен следователем. А если он доволен, значит, «вор и сторож» вошли в преступный сговор, что также не является редкостью. Еще древние восклицали: «Кто будет сторожить сторожей?»

Нити этих преступлений, как правило, ведут в высокие сферы политики, экономики и банковского дела. Фальшивые акции, фиктивные компании, дутые банки, страхование несуществующих ценностей и получение гигантских неустоек — таковы некоторые дела, расследуемые отделом «Е». Среди более 3,5 тыс. ежегодных дел отдела была и афера с «Салемом». В январе 1980 г. морская пучина поглотила «Салем», а вместе с ним и судовой журнал. Команда благополучно покинула танкер.

В ходе расследования катастрофы сразу же обнаружилось, что танкер водоизмещением 214 тыс. т,

почти полностью загруженный нефтью, оставил на поверхности удивительно незначительное нефтяное пятно. По мере разбирательства установили, что капитан судна, перевозившего из Кувейта нефть под либерийским флагом для британской монополии «Шелл», тайно выгрузил топливо в расистской ЮАР, а в трюмы танкера закачал морскую воду. Чтобы скрыть следы и получить страховку, у берегов Сенегала «Салем» был затоплен.

В начале 80-х годов «Интерполу» от своих информаторов стало известно о выкупе в 1,5 млн долл., выплаченном уругвайским банкиром пяти гангстерам. Вымогатели были не мелкими мошенниками, а крупными фигурами аргентинской хунты, где занимали значительные посты в секретных службах и полиции. Этой «великолепной» пятерке также инкриминировалось похищение финансиста Фернандо Комбаля, которому удалось выкупить свою жизнь за 1 млн долл.: или его голова ценилась меньше, или он не был в состоянии больше выплатить, или инфляция внесла свои коррективы. «Интерпол» через свои каналы связи довел до сведения банкиров, и в первую очередь швейцарских, о возможных «гастролях» аргентинцев, чтобы «отмыть» доллары. Для подобных операций Швейцария — райский уголок. В США, например, куда гастролеры собирались переселиться, не практикуют открытие тайных счетов. В любом случае необходимо отвечать на вопрос «откуда деньги?». Если те же награбленные деньги сначала вложить на секретные счета в Швейцарии, а затем перевести в США, вопрос «откуда деньги?» становится абсурдным. «Интерпол» не ошибся. Пять гангстеров, разделив деньги, направились кто в Лозанну, а кто в Цюрих, где их и взяли с поличным.

Наняв адвокатов, они подняли шум, что прилетели в Швейцарию, чтобы попросить политическое убежище, ибо являются «борцами за народное счастье, против военной хунты». Когда военная хунта пала и перед ними открылась перспектива вернуться в свободную Аргентину, они подали жалобу в Страсбургский суд по правам человека, с тем чтобы их не смели выдавать новым властям.

«Это наше право жить в той стране, где хотим»,— резюмировали «борцы за свободу». Поскольку ни о какой политике речи быть не могло, четверых переправили в отечество, об освобождении которого они якобы так пеклись. Бывший советник секретных служб хунты, некий Санчес, сумел сбежать из тюрьмы и скрыться, остальным пришлось сесть за решетку.

Наверное, гангстеры различных мастей и мафиози охотятся за «фальшивыми» сокровищами «Интерпола», равно как и за его картотеками. Иначе как желанием уничтожить картотеку трудно объяснить действия французских экстремистов, подложивших бомбу во второй половине 80-х годов под штаб-квартиру в Сен-Клу. В результате взрыва зданию был нанесен значительный ущерб, хотя картотека и не пострадала.

Конечно, независимо от размера ущерба это была пощечина руководству «Интерпола». Если он не может охранять собственную штаб-квартиру, то как же ему доверять колоссальные ценности Запада? Вездесущие журналисты не преминули задать этот вопрос. И руководству ничего не оставалось, как отшутиться, сказав, что «началось разрушение старого здания». Соль шутки была в том, что для штаб-квартиры «Интерпола» строится в парке «Золотая голова» недалеко от Лиона новое здание, оснащенное по последнему слову науки и техники. Особое значение при проектировании и возведении штаб-квартиры уделялось безопасности. Стеклянный куб, окруженный со всех сторон водой, с подземными железобетонными хранилищами и уникальными сейфами для хранения картотек и других секретных бумаг, по мнению творцов, гармонично впишется в местный ландшафт и обеспечит высокую безопасность секретов «серого паука».

Общие закономерности находят выражение в большом и малом. После первой мировой войны у истоков зарождения «Интерпола» стояли французы. В 30-х годах в «Интерполе» стали хозяйничать немцы. После второй мировой войны французы вновь вошли в силу, свидетельством чего явился тот факт, что штаб-квартира «Интерпола» располо-

жилась во Франции. Но в 1984 г. после третьего тура голосования американцам удалось навязать в качестве главы «Интерпола» шефа американской «Секретной службы» Джона Симпсона, который в прошлом возглавлял личную охрану президента Рейгана *. Генеральным секретарем в 1985 г. стал Р. Кендэл, до перехода в «Интерпол» он входил в специальное подразделение британской контрразведки МИ-5 [14].

Одной из функций «Интерпола» является публикация бюллетеня «Подделки и подлоги», спрос на который постоянно растет, что обусловлено ростом числа фальшивомонетчиков и мошенников. Действительность свидетельствует, что ни ФБР, ни «Секрет сервис», ни «Интерпол» не в силах искоренить контрабанду художественных ценностей, фальшивых банкнот и наркотиков.

Респектабельный бизнес и организованная преступность имеют много точек соприкосновения, узлов связи и мест вынужденного пребывания. Но наиболее известные места, куда не с конвоем, а с великой охотой отправляются известные мультимиллионеры и гангстеры высокого полета, диктаторы и «пожизненные президенты», находятся в центре Европы. Это не Ницца и не Париж, а Базель и Цюрих.

Что Лувр и «Гранд-опера», когда существуют анонимные счета и личные сейфы! Такие сейфы открываются двумя ключами. Первый находится у абонента, второй — у служащего банка. За ширмой абсолютной секретности туда можно положить все что угодно, вплоть до вакуумной мины, способной разнести хранилище в щепы, ибо банкиры гарантируют тайну вклада. Даже банкирам не известно, что хранится в сейфе абонента. Хотя секретные сделки — верный симптом деловой нечистоплотности, Швейцария считает охрану чужих тайн и денег своим святым делом, т. е. бизнесом.

* На 57-й сессии в Бангкоке в 1988 г. новым президентом «Интерпола» был избран И. Барбо, генеральный директор французской национальной полиции. Он объявил, что основными приоритетами на последующие годы станет борьба с наркотиками, терроризмом и финансовыми преступлениями.

Вселенский тайник

Тайны умножают пороки. Бывает, что супруги ссорятся, и вряд ли это можно назвать исключительной сенсацией. Но Пьеретта, супруга лидера ультраправой партии Франции Ле Пена, была в гневе, что ее отлучили от тайного счета в Швейцарии, которым раньше супруги пользовались вместе. «Мне есть что сказать о человеке, с которым я прожила 25 лет»,— заявила она женевскому репортеру, имея в виду личную финансовую и политическую нечистоплотность лидера ультраправых [15].

Тайна вкладов наряду с надежностью и процентными ставками служит основной притягательной силой. Нередко тайна вкладов и анонимность вкладчика являются единственным фактором, по которому клиент определяет, какому банку доверить сохранение и преумножение богатств.

Борьба за клиентов заставляет люксембургских банкиров идти по стопам швейцарских коллег, внедрять их методы, добиваться всемирной славы. Недаром директор одного из банков в Люксембурге уверял потенциальных клиентов через такой солидный журнал, как «Юромани»: «Абсолютная секретность гарантируется, и она определенно не лучше в Швейцарии» [16]. Швейцария, даже по признанию конкурентов, эталон анонимности, надежности и абсолютной секретности.

Гитлер, как свидетельствует история, не считался ни с правами людей, ни с правами государств. Он верил только силе и силой пользовался. Объявив совесть химерой, жестокость — способом упрочения власти арийцев, он стал крушить государства и государственные сокровищницы. Фюрер, который отрицал все, что было создано человечеством до него, убоялся только одного — тронуть беззащитное государство, оберегаемое символической армией. Страна эта была Швейцария, наполненная мировыми секретами и золотом. В них-то и нуждался «тысячелетний рейх», едва продержавшийся 12 лет. Казалось, Гитлер мог бы захватить Швейцарию или под страхом оккупации вывернуть сейфы, где хранились несметные богатства. Но он убоялся этого, ибо

чувствовал неизбежность быстрой расплаты. Убоялся потому, что всякий, кто имеет деньги, торопится их там спрятать. Тронуть Швейцарию означало вызвать непримиримую ненависть политиков и миллионеров. Всемирный бунт влиятельных и денежных персон фюреру с его планами тотальной аризации Вселенной был совершенно ни к чему. Это не говоря о том, что нейтральная Швейцария была прекрасным пристанищем для спецслужб «великой» Германии и «тихой лавочкой» для международных сделок на сырье и оружие, в которых так нуждался «третий рейх».

Такая «щепетильность» Гитлера только сыграла на руку швейцарским гномам, как называют здешних банкиров. После войны роль швейцарских банкиров как посредников и лучших хранителей тайн и денег сильно возросла. Давно известно, что закон о тайне вкладов строго соблюдается в этой стране. Улица Банхофштрассе в Цюрихе именуется «золотой милей», поскольку здесь разместились штабквартиры крупнейших швейцарских банков и филиалы иностранных банковских корпораций. Возможность делать тайные вклады влечет в швейцарские банки маститых политических авантюристов и крупных гангстеров, монархов и диктаторов.

По существующему правилу швейцарские банкиры не должны принимать «подозрительные» деньги и драгоценности. Но местные банкиры не видят причин, почему они должны стоять на страже «моральных устоев Вселенной». Швейцарские банки и по сей день содержат в секрете счета печальной памяти семьи Романовых, которая процарствовала в России 300 с лишним лет. Членам этой фамилии было что хранить, ибо в отличие от русского народа русские правители всегда хорошо жили.

Вашингтон отказался второй раз баллотироваться на пост президента, боясь, что это создаст ущербный прецедент, способный привести к узурпации власти. Вряд ли он подозревал, что «младшие братья» создадут такой оригинальный титул, как «пожизненный президент». Даже римским принцепсам время от времени приходилось подтверждать гласом народа свою «божественную власть».

В начале 70-х годов на юге Эфиопии ежегодно добывалось до тонны золота, которое тут же тайно вывозилось в Швейцарию. И принадлежало золото императору, который благодаря единоличной власти, отсутствию оппозиции, высоким и ни к чему не обязывающим лозунгам сделал прессу своей служанкой, деформировал общественное мнение. Народ, находившийся на грани физического истощения, не знал, что его богатства депонируются на секретных счетах, но знал наверняка то, чего нет: Хайле Селассие денно и нощно печется о процветании Эфиопии и ее подданных. То, что золото негуса так и не смогли получить обратно,— лишнее свидетельство изначальной извращенности единовластия, как бы оно ни называлось, вождизм или диктаторство.

За многотонными дверями из стали высших марок в хранилищах швейцарских банков лежат «невостребованными» сотни тонн золота как умершего в изгнании Хайле Селассие, так и убитого в Марселе югославского короля Александра. По всей вероятности, там же на секретных счетах лежат ценности, наворованные южновьетнамским президентом Тхиеу, президентом Индонезии Сукарно. Не исключено, что многие ушли, унося с собой тайные коды счетов. Часть золота и сокровищ, награбленных гитлеровцами по всей Европе, также лежит на секретных счетах «бесхозной» [17].

Едва политический барометр показывает на бурю, правители и диктаторы спешат вывезти государственную казну и награбленные сокровища вместе с останками предков. Это, может, и не хорошо, но возмущенные и обворованные люди оскверняют останки тех, кто породил политических бандитов и международных мошенников.

То, что человек, будь он даже кровавый диктатор, хочет обеспечить свое будущее, понять можно, если бы не всепожирающая, всеподавляющая жадность, граничащая с патологией. Это не имеющее резонов корыстолюбие, алчность, когда воруют миллиарды, с которыми реально ничего нельзя сделать, превосходит нормальное человеческое понимание.

Стреснер не спал два раза кряду в одной постели и в одном месте, но воровать не прекращал. Все во имя одного человека — так можно охарактеризовать ситуации в «банановых республиках», где царствуют «пожизненные президенты». Отличительными чертами диктаторов являются властолюбие, корыстолюбие. Этой простой модели соответствовал бывший президент-диктатор Филиппин Фердинанд Маркос. Он женился на своей пассии, бывшей королеве красоты Имельде, которой цепи Гименея дали свободу настоящей королевы. Если на Филиппинах алчные авантюристы бросились в джунгли с лопатами и кольтами, чтобы отыскать спрятанные там маркосовские сокровища, то в центре Европы поиски кладов происходят в кабинетах министров и судебных инстанциях.

Двадцать лет президентствовал Маркос и двадцать лет обворовывал свой народ, от него не отставала и его жена. Считают, что наворованные супругами и камарильей суммы доходят чуть ли не до 10 млрд долл. Сколько в действительности наворовано, вряд ли кто точно знает, включая и самого Маркоса. Это тем более показательно, что официальная зарплата президента не превышала 6 тыс. долл. в месяц. Сохранность денег и ценностей президенту и королеве гарантировала швейцарская банковская система с ее секретными счетами. Первый тайный счет в Швейцарии Маркос открыл через два года после избрания. Может, это и есть разумный предел честного царствования президентов? Затем счета и суммы возрастали в геометрической прогрессии.

Откуда же такие деньги? До известной степени это подарки из прошлого, вернее, плата за прежние страдания филиппинского народа, это репарации, выплачиваемые Японией, в свое время оккупировавшей островное государство. Минуя Манилу, через Токио и Гонконг 10% этих сумм поступали в швейцарские банки. Кредиты от других стран, налоги с населения, государственные и военные закупки — все облагалось налогом в пользу Маркоса, как некогда в пользу церкви [18].

Час пробил. Маркос бежал. Но экспроприировать

экспроприатора не удалось. Он бежал под крылышко «дяди Сэма» на борту самолета ВВС США — этого почти официального перевозчика «горящих диктаторов». Излишне говорить, что живет чета с вызывающей роскошью на Гавайских островах в особняке, изнутри напоминающем царский дворец, извне — неприступную крепость.

...В послеобеденный час, в понедельник, 24 марта 1986 г., Э. Шеллера, советника по инвестициям швейцарского кредитного банка, посетили два эмиссара. Они представили филиппинские паспорта, безупречные с любой точки зрения, и доверенность следующего содержания: «Прошу передать Майклу де Гусману все принадлежащие мне ценные бумаги и деньги. Он собственноручно вручит Вам это письмо. Вы можете установить личность подателя, проверив его паспорт. Гаваи, 21 марта 1986 г.». Послание подтверждалось личной подписью Фердинанда Маркоса. Гусмана сопровождал генерал, который официально был телохранителем и одновременно присматривал за тем, чтобы эмиссара с миллионами наличных денег не пришлось искать в Южной Америке. Сумма в 213 млн долл. наличными была достаточно большой, чтобы потянуть время для их подготовки. Но Шеллера беспокоило другое. Ранее была получена депеша из федеральной комиссии по контролю за банками, чтобы служащие повысили бдительность по отношению к капиталам филиппинского происхождения. Шеллер обратился к правительству, члены которого собрались на экстренное совещание. После долгих колебаний, поздно ночью решили временно заморозить средства бывшего президента Маркоса и его жены. Речь шла об известных счетах, а сколько находится на тайных счетах или под псевдонимами — тайна тайн [19].

Дело в том, что президент Акино одной из первоочередных задач своего правительства объявила возвращение ценностей, награбленных Маркосом и его кликой. Для Филиппин это имеет не только морально-политическое, но и сугубо материальное значение. Президент Корасон Акино требует вернуть эти деньги стране. Правительство Швейцарии на стороне Корасон Акино, ибо репутация Швейца-

рии как хранилища краденого его мало устраивает. Однако банкиры вольно или невольно на стороне Маркоса. Если сокровища будут возвращены, то где гарантия, что не начнется бегство денег из Швейцарии?

Швейцарские кантональные суды примирительно вынуждены защищаться, уверяя, что в силу «международной судебной взаимопомощи» они обязаны рассмотреть заявления правительства Филиппин, как и любого другого законного правительства. Суды вообще редко торопятся решать такие дела, а швейцарские в особенности.

На Маркоса в Швейцарии работают 35 высококвалифицированных адвокатов, в то время как интересы филиппинского правительства представляют три юриста. И все же швейцарский суд вынес беспрецедентное постановление: раскрыть ценность вкладов в двух банках, чтобы вернуть их законному правительству. За 20 лет диктаторства Маркос законно заработал всего 80 тыс. долл., а его жена, будучи министром, не дотянула и до половины этой суммы. Только в двух швейцарских банках вклады оцениваются чуть ли не в 2 млрд долл.[20] Фантастический размах воровства при удручающей нищете народа! Компетентные лица имеют информацию, что только в Швейцарии восемь банков хранят деньги «пожизненного президента», а основная масса наворованного Маркосом спрятана в Австрии, где тайна вкладов также строго охраняется.

Деньги различными путями приходят к швейцарским банкам. В середине 60-х годов алжирский лидер Бен Белла осуществил перестановку в политическом бюро Народного фронта освобождения. Само по себе это было рядовым событием, но особый колорит внутрипартийным распрям придало то, что Хиддир был смещен с поста «хранителя партийной кассы» и на его место назначен Айит Хосин. По поручению своего руководителя последний отправился в Швейцарию, чтобы снять ранее депонированные на секретных счетах деньги для нужд молодой республики. Но высшее должностное лицо коммерческого банка в Женеве Мардам отказался выдать причитающиеся ей суммы. По существующему по-

ложению только Хиддир имел право получить вложенные деньги. Все объяснения правительства, депеши и обращения в швейцарские суды натыкались на вежливое, но несокрушимое «нет». «Все, что происходит у вас,— это ваши трудности, мы — банк и выдаем деньги только тому, кто их вложил» — так в целом можно было резюмировать позицию Швейцарии [21]. Однако и Хиддир их получить не может потому, что в свое время бежал из страны, забыв в спешке прихватить необходимые банковские документы.

Давно смещен с поста сам Бен Белла, давно ушли с политической арены мелкие и крупные фигуры, связанные с этими вкладами, давно сменились чиновники самого банка, а 50 млн фр. лежат в подвалах, точнее, крутятся в различных сферах международного бизнеса, обогащая «гномов» и возрастая в размерах. Это своеобразные «летучие голландцы», которые несутся по воле валютных волн и штормов, но никому не принадлежат.

Практически вернуть награбленные миллионы не представляется возможным. Чтобы наложить секвестр на банковский счет, жалобщик (им, как правило, бывают новые правители развивающихся стран) должен точно сказать имя того, кто положил, а оно может быть и подставным. Затем по порядку выложить номер счета, место, где хранятся деньги или ценности, адрес банка, сумму вклада, хотя бы в первом приближении.

Как известно, секретные счета не для того открываются, чтобы сообщать сведения о вкладе лицам, которые этим интересуются и захотят вернуть награбленное. Даже если в силу его величества случая и удается узнать все эти хранимые в тайне данные, и тогда сама процедура изъятия оставляет время злоумышленнику. Достаточно позвонить, чтобы поменять код или перевести вклады в другой банк. Да и сам банкир не заинтересован, чтобы у него копалась полиция или его имя трепали в газетах. Это гарантия того, что вкладчик сумеет вовремя вывести свои «скромные сбережения» из-под удара.

Даже если все это по удачному стечению обстоятельств удастся, то заявителю придется доказывать,

что он владелец, а не тот, кто их принес в банк. А это еще труднее, ибо Швейцария живет тем, что охраняет чужие тайны, для собственного спокойствия сказав, что тайны — привилегия порядочных людей. Да и все законодательство страны направлено на защиту чужих секретов независимо от их природы и происхождения. Статья 47 федерального закона о банках и сберегательных кассах гласит: все, кто имеет доступ к секретам, если разгласит их или позволит другим нарушить профессиональные тайны, подвергаются тюремному заключению сроком на полгода или штрафу до 50 тыс. фр.; если утечка секретов произойдет вследствие небрежности и халатности, то штраф до 30 тыс. фр.; за нарушение «обета молчания» наказываются и в том случае, даже если служащий оставил службу или вышел на пенсию. Единственное исключение делается для федерального и кантонального правосудия.

Конечно, упрекать швейцарских банкиров во всех грехах человечества несправедливо хотя бы потому, что грехи появились раньше швейцарской банковской системы. Тут существует реальная дилемма: или накладывать секвестр на счета при первом требовании и приобрести доверие публики, но потерять доверие клиентов, стало быть, и их деньги, или оставить все как есть.

Криком души можно считать высказывание швейцарского министра финансов Шевалаза по дебатам о сокровищах эфиопского негуса: «По какому праву банкир может требовать у главы государства подтверждения законности вкладов?» [22] Даже если такой вопрос был бы задан, император Эфиопии представил бы любой документ за подписью самого императора и со всевозможными печатями министров, верховных жрецов и личной канцелярии императора.

Всему находят объяснения, претендующие на оправдание. Люди не могут себя не уважать. Честный уважает себя за то, что ему нечего прятать ни от народа, ни от жены, ни от начальника. Хитрый уважает себя, что он в силах облапошить и жену, и начальника, и народ. «Медвежатник» уважает себя, что он лучше, чем те, кто имеет кембриджское

образование, орудует ломом, а питомец Оксфорда — что он чище, чем английская королева, говорит на «хай спик». Порядочная женщина гордится, что у нее бриллианты от бабушки, а продажная — что ее так любят. Одним достаточно, что они уважают себя, другим необходимо уважение окружающих.

Робеспьер уважал себя и спал в жалкой и днем и ночью освещенной лачуге, чтобы все видели, какой он честный. Швейцарские банкиры не меньше уважают себя, хотя предпочитают делать свои дела вдали от людских глаз и в тиши старинных особняков. Банкиры не просто люди, а корпорация священнослужителей «желтого дьявола» и, как любая полутайная ложа, имеют свою рекламируемую философию или систему ценностей, призванную питать доверие окружающих и самоуважение. Без доверия банки обречены.

Финансовой основой банковской системы Швейцарии является кальвинизм с его наилучшими добродетелями: умеренность, бережливость и честность. Швейцарский банкир строит свою деятельность на бескомпромиссной честности. Согласно теории, только молчание банкира оберегает добродетель, только честный человек прибегает к банковским секретам. Тайна — не что иное, как компенсация за честность. Банкир не возьмет и не даст взаймы денег людям, в добродетельности которых он не уверен, и осуществляет операции только в границах, строго очерченных церковью и государством. Извращение принципов и практическая подмена понятия «добродетель» понятием «корысть» не являются прерогативой кальвинизма. Это общепринятая, к сожалению, трактовка. Может, суровый Кальвин действительно считал, что к тайне могут прибегать только порядочные люди, ибо короли, желая избежать обвинений в грабежах и в то же время пополнить свою казну, прибегали к массовой резне богатых людей, обвиняя их во всех смертных грехах, от измены отчизне и королю до связи с дьяволом и собственной матерью. Когда обвинение, смертоносное, как ядовитое жало,— «враг церкви и короля» перестало действовать, нашли более убедительное и лаконичное обвинение — «враг народа». Из каких бы

благих намерений этот узурпатор церковной и светской власти ни исходил, но неподкупная честность женевских банкиров стала приносить свои плоды: сначала в виде доверия, затем в виде доходов, которые с каждым годом росли. Честность, приносящая доход, всегда в чести, но эта деликатная — особого вида честность. Но когда деньги принимают и отдают вору и мошеннику, грабителю и диктатору, который превратил кровь миллионов в миллионы долларов, это порождает сомнения в разумности такой честности. Но это эмоции, а не бизнес.

Слава как о надежных банках с женевских перекинулась на остальные банки Швейцарии. Слава — это и реклама, и приток колоссальных средств. По плотности банков ни одна страна не может сравниться со Швейцарией. Имея порядка 7 млн человек населения, она открыла 4 тыс. банков.

Существуют крупные, известные во всем мире банки и банки приватные, порой без всяких указателей и вывесок. Если первые помещаются в огромных дворцах с мраморными колоннами и узорчатыми решетками, то вторые представляют собой старинные, солидные, потемневшие от времени особняки. Именно в такие банки и стремятся все те «добродетельные» люди, в которых банкиры Кальвина не сомневаются. Особняки расположены в лабиринте тихих улочек. Желающие могут попасть сюда через запасные ходы, которые выходят совершенно на другие улицы, соединяя «частные квартиры» с уютными приемными в глубине квартала. Это лишает тех, кто хочет проследить, куда пойдет владелец богатства, возможности уличить или выявить его счета.

Швейцарские законы предписывают банкирам удостовериться в личности клиента, узнать его адрес. Потенциальный клиент может протянуть удостоверение или водительские права и сообщить адрес, причем любой. Ни удостоверение, ни адрес официально не проверяются. А потому все эти «меры предосторожности» превращаются в фикцию. Да и как сомневаться в честности человека, который принес деньги!

Банкир, хотя и действует согласно принципам

великого Кальвина, живет на наваре с этих денег. Банкиру неоткуда взять деньги, или он должен что-нибудь получить за хранение, а нередко и сам вынужден платить. Зарабатывает он тем, что дает деньги взаймы, полученные от вкладчика.

Богатых людей Швейцария привлекает не столько прекрасным климатом и живописными пейзажами, сколько низкими налогами на доходы. Простые смертные даже не подозревают, что такое — бремя богатства! Рутинная фраза, что швейцарский франк упал или доллар поднялся, услышанная в автомобиле на далеких Гавайях, заставляет учащенно биться сердце не одного мультимиллионера. Они также знают, что такое важное дело, как изменение курса валют, нельзя пускать на самотек.

«Мерседесы» и «роллс-ройсы», «линкольны» и «кадиллаки» время от времени, мягко шурша шинами, подкатывают к старинным особнякам, расположенным на «миле банкиров». С должным почтением миллиардера встречает лучший специалист банка, и начинается разговор о «фискальных проблемах» гостя. Другими словами — как обжулить государства, где помещены капиталы, как их гнать из страны в страну, чтобы не только не платить налоги, но чтобы в результате этих операций они еще и возросли. В тиши кабинетов банка миллиардер и банкир решают, какие валюты сбросить, какие приобрести и каковы прогнозы на ближайшее будущее различных валют. Разговаривая тет-а-тет, они делятся информацией, полученной через своих людей в различных государственных органах вплоть до министерских и президентских кабинетов. Можно представить результаты валютно-биржевой игры, когда миллиардер знает наверняка о том, что правительство Италии готовит проект девальвации своей валюты, в то время как японцы объявят о ревальвации иены! Массовый сброс лиры только усугубит и без того сложное положение Италии, но какое дело космополиту до итальянцев, даже если он сам уроженец Рима.

Время от времени хранители наворованных ценностей попадают в число осужденных. Осуждают их не швейцарские суды, а национальные, которые

не хотят, чтобы их богатства по тайным каналам попали в руки «гномов». Швейцарское правосудие — на стороне интересов собственных банкиров, поэтому западным фемидам приходится довольствоваться отдельными удачами.

Осенью 1986 г. в центре Парижа был задержан женевский банкир Дарье. Пока французская полиция показывала свой высокий профессиональный политес и расшаркивалась, банкир вытащил из кармана лист бумаги и, чуть не подавившись, проглотил его. Когда полиция спохватилась, было уже поздно. Документ, в котором значились имена тайных французских клиентов швейцарского банка, исчез во чреве банкира. Если тайны — капитал банкиров, то Дарье — его истый рыцарь без страха и упрека. Банкиры могут втайне гордиться своими героями.

Швейцария, страж вселенских секретов, не выдает и своих. Нет никакой сколько-нибудь достоверной информации о богатствах, накопленных в стране, как нет достоверной статистики о частных капиталовложениях швейцарцев за рубежом. Общие цифры не отражают истину, не дают представления ни о реальном положении, ни о структуре, ни о географии капиталовложений. Даже такие данные, как промышленное производство, которые публикуют все страны, в швейцарских справочниках не найти. Имея по сути самый высокий доход на душу населения, власти не публикуют даже такие данные, как суммы вкладов в банки.

В 1982 г. в Базеле были арестованы французские таможенники Руи и Шульц по обвинению в экономическом шпионаже. Эти службисты отправились туда, чтобы получить у швейцарских коллег информацию относительно связей французской плутократии со швейцарскими «гномами», поскольку порядка 250 тыс. французов имеют в этой стране анонимные счета. Швейцарская полиция арестовала сыщиков от таможни и препроводила в тюрьму. Швейцарские законы относительно соблюдения секретов столь суровы, что французским властям пришлось предпринимать немало демаршей, в том числе и дипломатических, на самом высоком уровне, чтобы освободить своих таможенников, которые

пытались пресечь незаконную утечку валюты на анонимные счета швейцарских банков [23].

Швейцария — это вселенский тайник и цербер на страже секретов. Государство не только хранит чужие тайны независимо от их сущности и происхождения, но и наносит удары, порой смертельные, по тем, кто осмеливается выдать его тайны. В 1984 г. в Англии вышла книга под названием «Красноречивая история», позже переведенная и на русский язык. Она поведала миру, какова истинная цена секретов, чем платят за их несанкционированное разглашение. История эта, трагическая и красноречивая, не имеет конца, хотя ее начало запротоколировано в пухлых томах судебных досье многих европейских стран и датируется 1964 г.

Мальтиец по происхождению, англичанин по паспорту, Стенли Адамс по окончании Оксфордского университета поступил на работу в американскую корпорацию «Стенлинг-Уинтроп» и стал преуспевать. Однако он был не удовлетворен своим медленным продвижением по иерархической лестнице. Этим и воспользовался международный концерн, выросший на швейцарском капитале,— «Хофман-Лярош», через посредническую фирму специализирующийся на переманивании специалистов, Адамса пригласили на беседу.

Международные концерны охотно прибегают к таким посредническим фирмам, ибо те позволяют им, не подвергая собственную репутацию риску, переманивать талантливых специалистов и менеджеров, где бы те ни работали.

«Беседа» прошла конструктивно. Позднее Адамс признавался: «Хватка у «Лярош» была мертвой. Они имели на меня полное досье и, казалось, знали обо мне больше, чем я сам. Но мне предложили очень высокое жалованье, и я дал согласие. Летом 1964 г. я стал сотрудником «Лярош». Я был счастлив. Мне казалось, что я нашел свой путь наверх» [24]. Карьера начиналась, как сказка, прошла трагическую кульминацию, чтобы превратиться в бесконечный фарс.

25 февраля 1973 г. Стенли Адамс, который собирался в скором времени покинуть концерн, от-

правил письмо с пометкой «лично и конфиденциально» в адрес комиссара по конкуренции Европейского экономического сообщества Альберта Боршета. В секретном послании говорилось, что «Лярош» своими действиями уничтожает «честную конкуренцию», полностью извращая саму идею соперничества, которая постулирует: выигрывает тот, кто лучше производит. Конечно, и для ЕЭС это была не весть какая сенсация. Но ценность заявления Стенли заключалась в том, что он мог это документально подтвердить. Европейский комиссариат серьезно заинтересовался этим поворотом в мышлении высокопоставленного менеджера.

31 декабря 1974 г. морозным солнечным утром, в ожидании Нового года машина Адамса подъехала к небольшому таможенному посту на границе Италии и Швейцарии. Но вместо обычного «счастливого пути» он услышал: «Боюсь, вам придется немного подождать». Когда из Берна прибыл комиссар политической полиции с помощником, стало ясно, что праздники вконец испорчены, хотя рано или поздно недоразумение изживет себя, ибо ничто не может длиться вечно. Но это не было недоразумением.

Большой бизнес вступил в игру и защищал право сильного нарушать писанные для простых смертных законы. Адамсу предъявили обвинения по двум статьям швейцарского уголовного кодекса: 162-й и 237-й. Первая статья относилась к раскрытию коммерческих тайн, вторая — к преступлению против государства. Другими словами, Адамса обвиняли в том, что он осуществлял экономический шпионаж против «Лярош» и, следовательно, против Швейцарии, которой якобы Адамс нанес непоправимый ущерб, «передав экономическую информацию иностранному государству».

Адамс знал, что формулами концерна не торговал, а ту информацию, которую он передал в комиссариат ЕЭС, сама Швейцария по соответствующему договору обязана была предоставить, потому не очень беспокоился. Он наивно полагал, что полиция немного подержит его и выпустит. Он беспокоился только за жену и детей, которым испортили праздник и настроение. Но речь в действи-

тельности шла о более серьезных вещах. Не выдержав допросов, жена повесилась, оставив троих малолетних детей.

Началась бесконечная тяжба между Адамсом и «Лярош» и стоящими за ними Европейским парламентом и Швейцарией. Сам по себе любой суд — бесконечное крючкотворство, но, когда в дело вмешались такие силы, как ЕЭС, государство, частный бизнес, личная судьба, он затянулся на годы. Европарламент считал, что Адамс только выполнил свой долг, дав в комиссию ту информацию, которую по соглашению обязана была предоставить сама Швейцария, а швейцарский суд признал Адамса виновным в экономическом шпионаже. Европейский суд вынес решение о наложении штрафа за нечистоплотную конкуренцию на «Лярош», что при ее доходах был скорее наказанием моральным, чем материальным.

Ко всем несчастьям, оказалось, что человек, который предал Адамса как информатора, был генеральный директор отдела конкуренции ЕЭС Вилли Шлидер. Выдача информатора считается смертным грехом даже для журналиста, хотя искушение доказать свою правоту не имеет границ, не говоря о контрразведке, каковой по существу и является этот орган межгосударственного альянса. Через семь лет волокиты, обмена письмами, пожеланиями, решениями стало ясно, что Европейская комиссия не знает, как отделаться от дела «Адамс», за которое несла моральную ответственность.

После первого освобождения в декабре, вновь накануне рождества, Адамса арестовали вторично. На этот раз итальянские власти достаточно быстро отпустили его под залог, чтобы, прервав его хлопоты накануне нового, 1980 г., снова арестовать. Эти аресты еще более испортили и без того незавидное положение Адамса, полностью подорвав кредит. Заимодавцы под страхом заключения в долговечную тюрьму потребовали от Адамса возвращения денег. Этим не преминула воспользоваться Европейская комиссия, предложив 50 млн лир как последнюю и окончательную помощь. До этого она оплачивала судебные издержки Адамса, которые стоят на

Западе чрезвычайно дорого. Адамс подписал «купчую» и, получив сумму, раздал срочные долги, потом через адвоката опротестовал собственную подпись под документом.

Тогда бывший менеджер «Лярош», названный западной прессой «преданный предатель», подал в Европейский суд жалобу на ЕЭС с требованием компенсировать убытки, понесенные им сначала при сборе необходимой для ЕЭС конфиденциальной информации, а затем при выяснении с ним отношений. Адамс, продолжая судиться и с «Хофман-Лярош», по сути завяз в бесконечной судебной волоките.

Ни одна компания не афиширует свои способы делания денег, но скрытность швейцарской фармацевтической компании «Хофман-Лярош» носит вызывающий характер. В ежегодных отчетах, публикуемых «под десницей закона», сумма активов холдинговой компании «с самым серьезным видом оценивается в 1 швейц. фр., стоимость зарубежных филиалов — в 1 долл. ...Это при том, что ежегодный оборот достигает порядка 10 млрд швейц. фр.» [25]. Трудно найти человека, который не нашел бы 1 франк, но еще тяжелее найти человека, который сумел бы за такую сумму приобрести этот международный спрут.

Удар империи тайн по Адамсу тем и обусловлен, что он пытался расшатать основы бизнеса. Это было предостережением тому, кто может или захочет в будущем покуситься на того, кто создает богатства страны и славу лучшей хранительницы тайн. «Безучастная к великим революциям в странах, окружающих ее, Швейцария образовала банк на человеческих страданиях и богатела на несчастьях других»,— писал французский политик и писатель Шатобриан, оценивая становление вселенского тайника [26].

Швейцарские «гномы» уже не одно столетие пользуются уникальным доверием банкиров и бандитов, президентов и диктаторов, великих творцов и великих мошенников. Швейцария, преследуя узкоэгоистические цели, поощряет приток капиталов, не считаясь с их истоками. Тонны тайного золота и

шкатулки с бриллиантами, мешки подлинных франков и поддельных долларов, фамильные ценности и столовое серебро оседают в бронированных подвалах анонимных банков.

Миром капитала правят интересы, которые побуждают создавать службы экономического шпионажа. Асы шпионажа ничем не брезгуют, начиная от примитивного воровства и подкупа нужных лиц и кончая тайной торговлей оружием и высшими государственными секретами с использованием жриц любви.

От секс-бомбы до атомной

По классической иерархии древнейшими профессиями считаются проституция, шпионаж и журналистика. Может, потому эти ремесла так тесно переплетаются в продолжение всей истории человечества.

Женщины занимают в мире шпионажа такое же значительное место, как и в жизни. Показ роли женщин в столь неприглядном симбиозе, как шпионаж и проституция, продиктован не желанием копаться в чужом белье или бросить тень на прекрасную половину человечества, а тем, что из «песни слова не выкинешь».

«Красота спасет мир»,— утверждал Достоевский. Может, это и так. Но пока она загубила немало и малых и великих судеб. Трудно переоценить роль ловких женщин в таинственном мире секретов, шпионажа и контрразведки.

Когда говорят о женщинах-шпионках, в памяти сразу всплывает образ легендарной Маты Хари. Если отбросить все романтические наслоения поздних периодов, то вся легендарность этой красивой «театральной злодейки» заключалась в том, что она и в жизни, как на сцене, продолжала играть роль роковой женщины. Среди прочих ей не раз приходилось попеременно отдавать любовь и получать гонорары от любовников французского и немецкого происхождения, которые, к ее великому сожалению, оказались агентами разведок этих стран. Альковные

связи вскоре раскрылись и приобрели в кулуарах европейских разведок политический оттенок. И расстрел французами Маты Хари «как злостной международной шпионки» не делает чести «прекрасной Франции», которая гордится умением жить и ухаживать за женщинами.

Еще большей, чем Мата Хари, была Марта Рише. Клубок шпионских страстей, в которых таинственным образом переплелись высокая политика и низменные побуждения, любовь и вероломство, попытки убийств и шантаж, коррупция и халатность на грани измены, оставил наиболее яркое, эмоциональное пятно на триптихе экономического шпионажа.

В неполные 20 лет Марта Рише, очаровательная француженка, потеряла мужа в самом начале первой мировой войны. Она решила стать шпионкой. Первый провал не обескуражил Марту. Летом 1916 г. под кличкой Жаворонок французская шпионка была направлена на фешенебельный курорт Сан-Себастьян, где отдыхали дипломаты, военные, шпионы воюющих стран и очень богатые люди.

Счастье улыбнулось и Марте Рише. Конечно, речь шла о профессиональном счастье. Трудно назвать счастьем 50-летнего военно-морского атташе Германии фон Крона, который завербовал Марту. Парижанка великолепно справилась с первым деликатным заданием матерого шпиона, и старый селадон совершенно потерял от счастья голову [27]. Фон Крон докладывал в центр о своем приобретении совершенно в других тонах и выражениях, чем было на самом деле. Французская разведка, погрязшая в собственных интригах, давала такие промахи в деле Жаворонка, что только слепой не мог не заметить вопиющие несоответствия. Со слов влюбленного фон Крона получалось, что без Рише Германская империя развалилась бы в три дня.

Под шумок о невероятных талантах, при содействии германской и французской разведок Рише совершала челночные поездки между Мадридом и Парижем, получала большие гонорары, приобретала изысканные наряды, обставляла будуары с чисто французским блеском и женской изобретательно-

стью. Как это ни кажется пикантным, постепенно «альковный уголок» в мадридской роскошной квартире превратился в конспиративную квартиру, где военно-морской атташе, резидент военно-морской шпионской сети, принимал своих агентов и осведомителей.

Пользуясь своим будуаром, она получала больше информации о немцах, чем целые отделы французской разведки. Это она провалила операцию немцев по доставке оружия своим марокканским сторонникам, это она раскрыла секреты только что созданных немцами симпатических чернил, это она разоблачала немецких агентов, работавших против Антанты...

Воюющие страны не могут обходиться без экономических диверсий и экономического шпионажа. Марта Рише в секретных списках германской разведки проходила как агент «С-32». Получив особое задание фон Крона, она отправилась в далекую Аргентину, чтобы уморить голодом противника с помощью тайных агентов по ту сторону океана. Целью поездки была доставка немецкой агентуре в Аргентине секретной инструкции и двух термосов с долгоносиками, способными уничтожить зерно, поставляемое для Антанты.

Очаровательная француженка на борту парохода «познакомилась» с молодым человеком, с которым заперлась в каюте. Конечно, фон Крону было бы обидно узнать, что Марта так нехорошо себя вела. Но вспышку французского темперамента можно было бы простить, когда бы они, запершись и на всякий случай зашторив иллюминатор, не занялись долгоносиками. Вдвоем они намочили их, а затем просушили и перемешали с пшеницей, предназначенной для прокорма вредителей. Инструкции по использованию долгоносиков были отправлены в Париж, а вместо них «таинственными знаками» записан ничего не значащий текст, который к тому же опустили в морскую воду и просушили. Вручая все это немецкому атташе Мюллеру, Марта Рише проклинала море и непогоду, из-за которой «каюту вместе со всем содержимым залило соленой водой» [28].

Немецкие агенты в Аргентине не знали, что ду-

мать и что предпринять, ибо законы военного времени суровы и невыполнение приказов карается по всей строгости закона. Рише вернулась «домой» и доложила фон Крону о выполнении заданий, для убедительности опустив детали и забыв упомянуть о молодом попутчике, специально присланном французской разведкой. Француженка была столь прелестна, Германия с ее тупой жестокостью и смешными претензиями на мировое господство так далека, что военный атташе ничего не хотел, кроме любви агента «С-32».

Шеф щедро тратил на свою подчиненную казенные деньги, выдавал единовременные и регулярные премии, не скупился на наградные, поручил ей наиболее секретные дела, и в качестве связной она имела доступ к наиболее деликатным и секретным бумагам. Однако тучи сгущались. Немецкая контрразведка пыталась тихо ее утопить, ибо фон Крон был племянником Людендорфа.

Марта сообщила своему обалдевшему от любви и признаний шефу, что она французская разведчица. Барон не хотел верить и пытался обвинить «свое нежное сокровище» в шантаже. Но не тут-то было. Рише связалась с германским послом Ратибором и представила все улики, начиная от любовных писем и кончая кодом секретного сейфа военно-морского атташе Германии. Удачливый любовник и незадачливый шпион был отозван в фатерлянд и имел полное основание вслед за древними повторять: «Женщина бывает дважды хороша — на ложе любви и на смертном одре». Но фон Крону не суждено было увидеть второе, ибо и на войне не всегда молодые умирают раньше, чем старые.

Не вдаваясь в метафизические рассуждения о единстве и многообразии живого, достаточно подчеркнуть, что шпионы, как и контршпионы, эксплуатируют низменные инстинкты, если, конечно, инстинкт продолжения своего рода можно считать низким. За тысячелетнюю историю шпионаж прибегал к самым разнообразным трюкам.

Во время первой мировой войны немецкая овчарка Фриц неоднократно переходила линию фронта со шпионскими донесениями. Собака проявляла на-

ходчивость, каждый раз уходя от погони и ловушек французов. Тогда контрразведка вспомнила знаменитое «шерше ля фам» и подсунула сучку по кличке Рози. Видимо, Рози была столь прекрасна, что суровое собачье сердце не выдержало. Забыв о долге службы, Фриц стал принюхиваться к Рози и разводить с ней собачьи нежности... Тут кобеля и взяли французы, которые знали, что делали.

Финансовые затруднения, политическое инакомыслие, недовольство продвижением по службе, обиды от начальства и властей, недовольство своим статусом и многое другое толкают обладателей конфиденциальной информации в объятия иностранных разведок. В конце 20-х годов в германское министерство вооружений пришел штабс-капитан министерства обороны Чехословакии и предложил сверхсекретные документы. Обрадованные сотрудники абвера быстро выяснили, что чех запутался в долгах, сделанных из-за женщины. Агент оказался настолько ценным, что немцы, желая держать покрепче штабс-капитана, подсунули другую красотку, которая отвечала его вкусам.

Страсть оказалась роковой. Штабс-капитан так воспылал к немке, что совершенно потерял голову. Потеряв голову, он потерял портфель с секретными бумагами в пражском аэропорту. Он о нем просто забыл. Только в Дрездене спохватился. И то не он, а немецкий куратор. Осторожно позвонили в Прагу, чтобы выяснить судьбу портфеля. Там любезно сообщили, что какой-то портфель найден и его можно забрать в любое время. Мнения штабс-капитана и немецкого офицера разошлись. Первый считал, что женщина важнее, второй — портфель. Немец упорствовал. Сгорая от нетерпения, чех бросился домой, но там его ждали агенты службы безопасности с наручниками, в которых его тут же и препроводили в камеру. За измену родине и шпионаж он был приговорен к 15 годам каторжной тюрьмы [29]. Неизвестно, как красотка, но абвер имел все основания искренне сожалеть о том, что этот штабс-капитан не вернулся к Лорелее из абвера.

История как военного, так и экономического шпионажа знала куда более опасных, чем Мата

Хари, агентов, и они вопреки справедливости прожигали жизнь под королевскими балдахинами и умирали в роскоши и почете. Именно к ним относились фаворитка короля Людовика мадам Помпадур, сестры Эверлей, которые содержали самый фешенебельный дом терпимости в Чикаго с роскошными девицами, собранными со всего мира.

Клуб сестер Эверлей помимо развлечений служил еще местом обмена конфиденциальной информацией, подслушивания, шантажа, выуживания промышленных и коммерческих секретов. Сестры наживали свое богатство и тем, что выуживали информацию во время оргий детройтских промышленников и массачусетсских дельцов с учеными регалиями, равно как и у финансовых воротил с Уолл-стрита.

Красивые, обаятельные женщины в руках экономических шпионов — непреходящая ценность. Те, кого нельзя споить, подкупить или припугнуть, выбалтывают секреты своим красивым партнершам. Как бы банален ни был трюк с подставной женщиной, при определенной подготовке он всегда срабатывает безотказно. Этим орудием экономического шпионажа, очевидно, будут пользоваться до тех пор, пока останется конкуренция, а следовательно, и условия для процветания древнейшего ремесла. Чем масштабнее бизнес, тем неразборчивее бизнесмены. Нужда в достоверной информации столь велика, что ее добывают, невзирая ни на издержки, ни на лица.

Так, мультимиллионер Хашогги платит за достоверную информацию любую цену, и об этом не могла не знать его супруга, да еще столь многоопытная, как Сорая. Хашогги, как посредник при купле-продаже оружия, совершает перелеты с континента на континент и получает миллионные комиссионные вознаграждения. Он не просто посредник, а владеет собственной тайной сетью снабжения оружием любых систем и любой стоимости. Сеть эта глубоко законспирирована. Личный самолет, оборудованный с вызывающей роскошью, доставляет его в любую точку земного шара за считанные часы [30].

Его супруга тоже летала в различные столицы мира, но чаще всего в Париж. Сорая Хашогги,

приехав в Лондон, под присягой заявила полиции, что у нее пропали драгоценности на огромную сумму, и, согласно полису, получила страховку. Агенты Скотленд-Ярда бросились в Париж, откуда она прилетела. Или агенты были профессионалами, или у них были хорошие осведомители, или им улыбнулась полицейская фортуна, но, так или иначе, они быстро отыскали драгоценности в квартире сообщника Сораи.

Сращивание правоохранительных и преступных структур давно не является тайной. Слуги Фемиды пытаются компенсировать низкие доходы, занимаясь своим бизнесом, выходящим за рамки закона, очерченного уголовным кодексом. Агенты Скотленд-Ярда вернулись в Лондон и прямо с вокзала направились в апартаменты Сораи. Такого она не ожидала.

По мере того как сыщики показывали на опознание одно за другим бесценные произведения ювелирного искусства, Сораю охватывал страх. Возвращение драгоценностей ввергло красавицу в ужас, но страхи были излишни. Полицейские чины явились вовсе не для того, чтобы препроводить аферистку за решетку. Они предложили вернуть ей драгоценности без всякого судебного крючкотворства и шумихи в прессе в обмен на половину страховки.

Сорая овладела собой, полагая, что овладела и ситуацией. Она вновь стала любезной хозяйкой и деловой женщиной. Поскольку таких сумм она «никогда не держала при себе», мошенница и полицейские договорились встретиться на следующий день. В назначенное время три детектива явились к Сорае и вручили шкатулку с драгоценностями и в обмен получили пачки банкнот. Хозяйка была столь обворожительна и вызывала столь неподкупное доверие, что шантажисты, не пересчитывая, стали рассовывать банкноты по карманам. Именно за этим занятием их и застала специальная оперативная группа во главе с шефом отдела Скотленд-Ярда, которая сидела в будуаре королевы от торговли оружием.

Эта банальная история послужила ключом к раскрытию тайн еще одного варианта выуживания

конфиденциальной информации сильными мира сего и обеспечения деловой благосклонности политиков. Госпожа Хашогги имела много возможностей раскаяться в том, что была вдохновительницей эффектного трюка с полицейскими в спальне. Сорая в той же степени переоценила себя и свои связи, в какой недооценила агентов сыска и силу прессы. Жадность взяла верх над осторожностью, авантюризм подавил страх потерять доброе имя верной супруги и добродетельной мусульманки.

«Мальчики» из Скотленд-Ярда не желали быть мальчиками для битья и поведали служителям правосудия такое, что чопорные английские судьи были вынуждены пойти на сделку с полицейскими-преступниками. Тайна была стара, как история, в которую замешана красивая женщина. «Мальчики» имели доказательства того, что Сорая была любовницей высокопоставленного лондонского политика. Разоблачение грозило международным скандалом. Судьи договорились с подсудимыми, что политик на процессе будет проходить как «мистер X». Но инкогнито было раскрыто. Любовником оказался Уинстон Черчилль-младший. Драма была даже не в том, что Черчилль-младший слыл образцовым семьянином. Драма заключалась в том, что оппозиция сделала запрос в парламент относительно этих связей. Будучи военным советником премьер-министра Великобритании, Черчилль-младший владел секретной государственной информацией о тайных сделках по торговле оружием. Казалось бы, какая связь между секретной военной информацией и любовной связью между джентльменом и «восточной красавицей»? Связь была прямая и непосредственная.

Хашогги был и остался крупнейшим торговцем оружием в западном мире. «Почти бесплатная тайная информация», получаемая через Сораю, помогала ему умножать свои миллиарды. Пришлось спасать расчувствовавшегося советника. «В связях достопочтенного члена палаты,— заявила Маргарет Тэтчер,— нет ничего предосудительного. Семья Хашогги вполне уважаема в деловом мире» [31].

Никто не осуждал принцип дружбы семьями. Пуританская мораль или желание быстрее замять

скандал толкали консерваторов на пространные рассуждения, имеющие слабое отношение к делу, в котором переплелись все грехи мира — прелюбодеяние, коррупция, шантаж и выуживание государственных секретов? То, чего не хотели понимать стоящие у кормила власти, поняли сами супруги. Сорая вновь вернулась в христианство.

Затеяв бракоразводный процесс, Сорая потребовала в качестве компенсации 2,5 млрд долл. Сорая — это только псевдоним. Под этим мусульманским именем скрывалась Сандра Джервис. Когда Хашогги встретил ее в Париже, у нее не было никакого состояния. Зато были роскошная внешность, блестящее знание европейских языков и большой талант входить в доверие к нужным людям. «50 глав правительств по крайней мере готовы оказать мне разного рода услуги»,— заявляла она не без основания, хотя, видимо, и не без преувеличений. Половину совместно нажитого имущества она, очевидно, тоже требовала неспроста. Услуги такого рода высоко котируются.

Было бы наивно полагать, что единственным источником информации и богатства Хашогги была его жена, с которой он вскоре расстался, ибо женщина с плохой репутацией, как и провалившаяся шпионка,— плохой капитал для бизнесмена.

Предприимчивость и интуиция, умение рисковать и налаживать деловые связи, жестокость и алчность вкупе с полным отсутствием этических тормозов сделали Хашогги миллиардером. Жена-лазутчица была только эпизодом в деловой жизни предпринимателя. Вот как описывает Том Емельянов один из приемов в нечистоплотном арсенале конкурентной борьбы этого дельца. «В свое время Хашогги завербовал некую мадам Мирей Гриффон, владевшую неподалеку от Монако фешенебельным ателье мод, под безобидной вывеской которого скрывался тайный, особого назначения — мобильный! — публичный дом. Его «эротический экипаж» состоял из 300 красивейших вышколенных юных женщин, в совершенстве владевших «изысканнейшими» и (что очень ценно для определенной клиентуры) изощреннейшими способами индивидуального и группового

секса. По первому требованию мистера Хашогги мадам Гриффон доставляла любой численности «эскадру сладких курочек» в любую указанную мистером Хашогги точку планеты» [32].

Если красоткам удается выудить дополнительную информацию у партнеров, это не только не возбраняется, но и приветствуется и поощряется. Нередко за «побочные услуги» вышколенные «манекенщицы», демонстрирующие чаще всего костюм Евы, получают значительно больше, чем за основную работу.

Секс-бомбы играли, играют и будут играть одну из ведущих ролей на сцене, где разыгрываются невидимые миру шпионские спектакли, поставленные большим бизнесом.

В ноябре 1985 г. при весьма драматических обстоятельствах был арестован Джонотан Поллард — ответственный сотрудник американских военно-морских сил [33].

Подробное описание всех перипетий неудач шпиона и успехов тайной полиции тянет на первосортный полицейский роман с участием супершпионов, специальных агентов, дипломатов, шефов разведок и поистине роковой женщины. Роль последней выпала на мадам Поллард. Улучив минутку, Поллард позвонил жене Энн, чтобы предупредить об угрожающей опасности. Она была сообщницей и предприняла шаги, чтобы скрыть улики. Улики были неопровержимые. В доме хранился кейс с секретной документацией. Она оказалась женщиной, достойной своего мужа и семейного ремесла. Предшествовавший легкий флирт с соседом моментально подсказал ей выход. Первым делом она выставила кейс со «смертоносной» начинкой через окно, выходящее на соседний участок, после чего тщательно закрыла окно и пошла звонить соседу. Энн слезно попросила его забрать и перепрятать в надежном месте кейс. Не вдаваясь в подробности, она уверила, что от этого зависит многое и взамен он может требовать все что угодно.

Но все было напрасно, хотя сосед и сделал, как просила Энн. Он не остановился на простом выполнении ее поручения, а начал действовать самостоя-

тельно. Вопреки ожиданиям очаровательной Энн сосед не прельстился туманными обещаниями. Неизвестно, чем он руководствовался, но, так или иначе, сосед оказался в команде, которая играла против шпионской семейки. Он связался с контрразведкой военно-морских сил, где Джонотан работал «по совместительству», и сообщил о своей «находке». Там, недолго думая, позвонили в ФБР, которое и так не выпускало его из поля зрения [34].

Полларда всего этого не знал. Зловещее предчувствие, что «милая беседа» со специальным агентом из Федерального бюро расследования — начало конца, не подвело «дружественного шпиона», как позднее его окрестила американская пресса. И Джонотан Полларда решился на самый отчаянный шаг, продиктованный тем, что железное кольцо все более сжималось. Он пошел на то, что запрещено всем агентам всех разведок мира. В нарушение писанных и не писанных кодексов для профессионалов он обратился за помощью прямо в посольство Израиля. Это считается верхом неэтичности даже в таком царстве вседозволенности, как межгосударственный шпионаж.

Удар, нанесенный Полларду в израильском посольстве, был сокрушительной силы. Конечно, Полларда, будучи человеком неглупым, знал, что мертвый шпион лучше провалившегося. Но, как это зачастую случается, считал, что это к нему лично не относится. В посольстве, попросту говоря, его выставили за дверь, пригрозив сдать в полицию, если он еще раз осмелится явиться в «храм дружбы» с подобными грязными инсинуациями.

Едва Джонотан, удрученный неудачей и подавленный человеческой неблагодарностью, вышел за ворота посольства, как к нему устремились здоровые парни, быстро взяли под руки и ловко защелкнули наручники на запястьях [35]. Сомнениям места не оставалось. Он, как и его сверхсекретный чемоданчик, был в руках ФБР. Круг замкнулся. Судьба свершила свой оборот, и Полларда проиграл. Шпионаж — жестокая игра, и проигравший по сути отвечает не только за свои, но и за чужие просчеты. При счастливом исходе — пожизненная каторга,

при несчастном — электрический стул.

Полларда, как разведчик, работавший против США, и как контрразведчик, работавший во имя безопасности все тех же Соединенных Штатов, не мог не знать, что, согласно новым законам, принятым по инициативе администрации Рейгана в 1984 г., шпионаж приравнен к убийству президента и карается смертной казнью. На практике за шпионаж грозит пожизненное заключение без надежды на побег или на досрочное освобождение за хорошее поведение. Нередко шпионов приговаривают к трем пожизненным срокам. Энн Полларда сумела спокойно покинуть Северо-Американский континент. Не стал задерживаться долго в Вашингтоне и другой подручный Полларда, который предпочел вынужденному покою вынужденные путешествия.

Сам Поллард утверждал, что работать на израильскую разведку стал из политических соображений. Однако это не помешало ему получить 45 тыс. долл. для поездки за океан и 2,5 тыс. долл. ежемесячно на карманные расходы. Жена получила бриллиантовое кольцо и прочую мелочь. Вот и вся политическая подоплека, хотя отрицать полностью сионистские симпатии и не следует. Чему удивляться? Иудам всегда было приятно считать, что они совершают низкие поступки из высоких побуждений, а не за 30 серебреников.

В ходе следствия удалось установить, что Поллард, его жена и еще один сотрудник военно-морских сил США составили маленькую шпионскую компанию для сбора и передачи израильской разведке информации совершенно секретного характера. Поллард продавал все, что попадется под руку: и сверхсекретные документы, касающиеся вооруженных сил США, и сведения о радиоэлектронных средствах подслушивания на Ближнем Востоке, и технологию изготовления новых видов вооружений, и даже коды американского флота, базирующегося в Средиземном море. Арест шпиона, работавшего на «дружественную страну», не мог не возмутить американскую общественность. Точнее, не арест, а двуличность Тель-Авива [36].

Фарс, в который превращалось очередное разоблачение шпиона, работающего на проамериканский режим, для Полларда обернулся трагедией. Вопреки всем ожиданиям и прогнозам американского гражданина Джонотана Полларда американская Фемида приговорила к пожизненному заключению. Возможно, шпиономания, умело подогреваемая американской администрацией, сыграла свою определенную роль в столь жестоком наказании «дружественного» шпиона. Не исключено также, что свою лепту внес и тот факт, что Поллард торговал тем, что призван был охранять. Очевидно, американская администрация рассердилась и на то, что израильтяне покусились на самое святое — военные коды, т. е. нарушили правила игры.

Неизвестно, как сложится судьба Полларда. Не исключено, что его «за образцовое поведение» и освободят при новой администрации. Израиль любит и умеет похищать чужие тайны, но не любит, когда раскрывают его собственные.

Хлесткие заголовки (тайное похищение, атомный шпионаж сионистских супершпионов, тайны пустыни Негев, беспрецедентное разглашение сверхважных государственных тайн, семь секретных подземных этажей, тайный сговор спецслужб и т. д.) скандальных статей будоражили долгое время мировое общественное мнение. Отсутствие фактов не сковало фантазии самых изощренных делателей новостей и падкой до сенсаций западной прессы, что позволяло выдвигать версии от самых романтических до крайне трагических.

Не успела английская газета «Санди таймс» опубликовать сенсационный материал, представленный израильтянином Вануну Мордехаем, как он исчез при весьма таинственных обстоятельствах [37]. Сенсация была столь захватывающей, что к собственным расследованиям приступили не только бульварные газеты и желтая пресса, но и такие респектабельные издания, как итальянская «Экспрессо», французская «Матен», американская «Ньюсдей» и др.

Французы бросились искать женщину, и родилась легенда в истинно галльском духе, правда, не

без подачи американцев. Если легенды кельтов кончались на островах женщин, то тут все началось с женщины, которая уговорила Вануну покинуть английский остров и прокатиться по Средиземноморью на роскошной яхте. Едва герой вместе с красоткой вышли в открытое море, как появились агенты израильской разведки «Моссад» и взяли Мордехая, сердце которого разрывалось при мысли о предстоящей разлуке с прекрасной Юдифью XX в. Вряд ли его утешало и то, что ему грозит смертная казнь за «атомный шпионаж».

Во второй версии было меньше театральных страстей, но больше жизни. Согласно этой версии, Вануну был схвачен дюжими парнями в Риме, куда его заманили хитростью, силой ввели наркотические вещества и в полном беспамятстве тайно вывезли в Израиль. Согласно третьей версии, Мордехай был выдан английским правительством, которое боялось, что «дурной пример» может повлиять на неустойчивых носителей государственных секретов туманного Альбиона.

Количество версий нарастало, а факты носили фрагментарный характер, пока в воскресенье 21 декабря 1986 г. иностранные журналисты, аккредитованные в Тель-Авиве, не собрались перед окружным судом в Иерусалиме, куда, по их сведениям, должны были доставить Вануну. Когда появился полицейский фургон под усиленной охраной, журналисты кинулись навстречу, и тут произошло то, что меньше всего ждали журналисты и меньше всего хотели власти. Вануну вскинул левую руку и, раскрыв ладонь, прижал ее к стеклу фургона. Полицейские кинулись оттаскивать его от окошка, но было поздно. Журналисты успели прочитать текст, который скорее напоминал шифровку: «Я, М. Вануну, был похищен в Риме. Италия, 30.09.86. БЭ 504.21.00».

Расшифровать запись не стоило большого труда. Но простая расшифровка вряд ли что даст. Чтобы понять международный ажиотаж вокруг похищения израильского гражданина Израилем, необходимо знать, что тот работал на секретном подземном заводе в пустыне Негев. На этом заводе изготавли-

ваются основные компоненты ядерного оружия, наличие которого официально отрицает Тель-Авив.

По утверждениям специалистов, в штаб-квартире израильской разведки «Моссад» находится тщательно охраняемый сейф, в котором хранится папка со специальным штампом. Именно в этой папке находится так называемый черный список неугодных Тель-Авиву лиц, т. е. тех лиц, которые подлежат ликвидации, похищению или насильственному возвращению в Израиль. Бесспорно, в этот список входил и Мордехай Вануну.

В изложении «Санди таймс» самая большая государственная тайна запрятана в библейской пустыне. Ежедневно в 7 часов утра 40 автобусов фирмы «Вольво» проносятся по скоростному шоссе, не доезжая до местечка Димон, сворачивают на боковую дорогу и через полмили останавливаются перед контрольно-пропускным пунктом. Пассажиров голубых и белых автобусов проверяют военные, которые бегло просматривают наличие пропусков, после чего кавалькада продолжает путь до следующего контрольного пункта, где силы безопасности подвергают сотрудников центра ядерных исследований строжайшей перепроверке.

Сам центр окружен колючей проволокой, через которую невозможно пролезть. Для полной безопасности через ограждение пропущен ток высокого напряжения. Песчаную полосу вокруг центра разрыхляют постоянно, на холмах установлены наблюдательные посты, оснащенные по последнему слову техники. Вся территория центра контролируется с земли и воздуха. Крупные воинские силы находятся в постоянной боевой готовности. Сойдя с автобусов, сотрудники расходятся по отделам. Но только 150 из них проходят в сверхсекретный отдел «Махон-2». Именно здесь и сосредоточены все узловые тайны создания ядерного оружия.

Здесь, как утверждает официальный Тель-Авив, находится экспериментальная атомная электростанция. Она служит одновременно и фабрикой для производства начинки атомной бомбы, и ширмой, за которой, или, точнее, под которой спрятан завод по изготовлению атомного, возможно и водородного,

оружия. За сложными стенами наземного этажа смонтированы грузовые лифты, уходящие на глубину шести этажей, где осуществляется обработка деталей и изготовление компонентов для ядерного оружия.

Каждый этаж пронумерован, имеет собственные пропуска и по сути является научно-производственным отделом по изготовлению ядерного оружия. Здесь же находится демонстрационный зал для очень узкого круга лиц (премьер-министра, министра обороны и высших военных чинов), в котором они получают представление об уровне разработок и достижений. Вануну Мордехай работал в центре по созданию ядерного оружия в течение 10 лет. Если учесть, что он сумел тайно сфотографировать и вывезти в Англию фотографии подземных этажей атомного центра, то станет понятен весь ажиотаж вокруг бывшего специалиста «кузницы оружия судного дня».

Собравшиеся перед иерусалимским судом журналисты легко расшифровали записи на ладони Мордехая. Они означали, что его похитили в Риме 30 сентября, куда он прибыл рейсом № 504 английской компании «Бритиш Эйрвейз» в 18 час. 38 мин., а в 21.00 был похищен. Похитители пытались замести следы, а журналисты их распутать. Последним удалось установить, что Вануну действительно вылетел 30 сентября из Лондона в Рим, где был похищен израильскими спецслужбами, усыплен и через Париж самолетом израильской компании «Эл-Ал» был переправлен в Израиль и упрятан в каменный мешок, называемый тюремной камерой.

Первоначально Израиль отрицал причастность «к этой газетной шумихе». Но мировая общественность все настойчивее требовала расследования этого из ряда вон выходящего преступления. Британский парламент, в котором оппозиция пытается использовать всякий промах правящей партии, уже называл возможных членов комиссии по расследованию этого дела, когда Тель-Авив в начале ноября признал, что Вануну действительно похищен и находится в Израиле под следствием. Вануну обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах, глав-

ным среди которых был возможный шпионаж в пользу СССР.

Проясняя суть содеянного, один из высокопоставленных израильских чиновников заявил, что им было важно вернуть «блудного сына» домой, чтобы расспросить его обо всем: «Иначе мы просто застрелили бы его где-нибудь на улице». Сомневаться в этом не приходится, ибо или сотни людей таинственно исчезают в разных концах земного шара, или их изувеченные трупы обнаруживаются в подвалах заброшенных домов в таком состоянии, что нельзя уже установить ни личность, ни мотивы преступления. В данном случае удивляет сам цинизм признаний.

Собственно, то, что пресса давно утверждала, доказал Мордехай Вануну, который был очевидцем и фоторепортером в тайном подземном предприятии, производящем ядерное оружие. Сенсационный материал, опубликованный в «Санди таймс» с цветными снимками бывшим гражданином Израиля в конце 1986 г., лишний раз подтвердил, что и атомное, и водородное оружие, над созданием которого сейчас работают израильские специалисты, изготавливается по похищенной технологии и с использованием ворованных ингредиентов из западных стран [38].

Мордехай пережил одиссею, которой мог бы позавидовать сам хитроумный грек. Он был уволен из центра в связи с реорганизацией и в поисках лучшей доли отправился в Австралию. Здесь его рассказами заинтересовались журналисты, но выжать максимум сенсаций удалось лондонской газете «Санди таймс», которая и пригласила носителя секретов в Лондон. Однако его похитили до разгара разоблачений.

Журнальные версии при всей их сенсационности не сильно отклонялись от истины. В начале 1988 г. тайный суд над Вануну завершился. Как и полагали, «крашеная блондинка с пухлыми губами», заманившая атомщика в ловушку, оказалась агентом «Моссад». Синди — только кличка, атрибут, столь же необходимый для шпионки, как зеркало для красавицы. Истинное ее имя — Ширилл Бинтов. До 17 лет она жила в США и занималась историей

иудаизма. Это и сыграло роковую роль в судьбе Мордехая. Прогуливаясь по Лейстер-скверу в злосчастный день 24 сентября 1986 г., Вануну обратил внимание на очаровательную особу, и после банальных приемов ему удалось с ней познакомиться. Исключительной казалась сама девушка — красивая, образованная, скромная. В этой банальности таилась трагедия.

Грубая сила обыденности скрутила его и понесла по волнам несчастий. Жажда удержать свою жар-птицу заставила его поведать о том, что таил бы под пыткой и страхом смерти. Полагая, что это его звездный час, он утратил возможность настороженного отношения к ее любопытству. Именно в эти дни в «Санди миррор» появилась о нем статья с фотографиями. Синди «испугалась» этого и предложила ему скрыться из Англии, где его могут опознать. Он не соглашался, справедливо полагая, что туманный Альбион скроет лучше, чем солнечная Италия. Осторожность еще не выветрилась, хотя желания возрастали. Тут она намекнула достаточно прозрачно, что в устах застенчивой девушки равносильно письменной клятве, что они смогли бы провести божественный уик-энд у сестры в Италии. Чувства стали подминать разум.

Можно противоборствовать «Шин-Бету», как в Израиле называют контрразведку, можно перехитрить АМАН, можно стойко переносить лишения судьбы и потерю родины, но не дано мужчине пренебречь чувственной красотой. В любом случае Вануну это не удалось. Они тайно бежали из Англии в Италию, чтобы свить любовное гнездышко. В аэропорту их встретил родственник Синди. Едва они сели в машину, он усыпил хлороформом Вануну, которому так и не удалось устроиться в спальне новоявленных родственничков.

Столь затасканный сюжет имел для Вануну трагические последствия. Мордехая тайно, морем доставили в Израиль, и вместо тысячи и одной ночи под небом знойной Италии он получил 18 лет каторги.

Мата Хари из «Моссад» со своим мужем, майором того же учреждения, решила отдохнуть за счет государства, совершая кругосветное путешествие.

В отличие от Вануну «Моссад» наверняка знает, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

Афинские архонты, не побоявшиеся осудить Сократа на смерть, призвали на суд гетеру Фрину, которая, как всякая жрица любви, не могла служить зерцалом нравственности и эталоном для подражания юным гречанкам. «Смерть, смерть!» — вопила толпа, прознав про оргии сладострастной грешницы. В демократических Афинах голос народа почитался как глас божий. Участь гетеры была предрешена, когда бы в последнюю минуту защитник не сорвал с Фрины пурпурный хитон. Толпа, очарованная красотой обнаженной гетеры, сначала онемела, а затем в самозабвении на руках понесла ее к «святилищу богини Афродиты» [39].

Даже если это и легенда, то и тогда из-под прозрачного покрова поэзии пробивается грубая сила воздействия тонкой женской красоты. Во все времена шпионы и разведслужбы всех мастей пользуются красотой, преследуя цели умножения богатств, престижа и власти в бесконечной «войне всех против всех». Таким образом, если в теоретическом аспекте шпионаж — это тайный поиск достоверной информации, то в практическом плане шпионаж — это парад подлых трюков за плотной завесой секретности.

Заключение

Мир словно соткан из таинств и чудес. Как бы человек далеко ни шагнул в познании окружающего мира, он всегда будет на полпути к вершине. По мере изучения таинства переходят в раскрытие тайны мироздания. Тайны жизни и смерти, тайны любви и ненависти, тайны созидания и разрушения, тайны психики и мозга создают беспредельное поле деятельности для самых глубоких, самых изощренных, самых рафинированных умов. «О Горацио, сколько тайн на небе и земле, которые твоим мудрецам и не снились!» — восклицал Шекспир.

Однако человека обступают не только высокие тайны, но и секреты, диктуемые интересами, деловыми соображениями, завистью, злобой и корыстью. Большинство людей озабочено не поисками истины, а поисками выгоды. Отсюда и шпионаж, как охота за секретами, будь то бытового, экономического или военно-политического характера.

Как заблуждения противоборствуют с истиной, ложь — с правдой, так и шпионаж пытается перехитрить скрытность. Стремления лучше жить, богато одеваться, быть первым, выглядеть значительным, дерзать и побеждать служат величайшим стимулом человеческой активности. Желания преуспеть, отличиться заставляют людей соревноваться, соперничать или конкурировать. В мире реального бизнеса конкурировать больше соответствует понятию «уничтожить конкурента любой ценой». Экономический шпионаж — производное от конкуренции и подвержен влиянию тех же факторов, что и конкурентная борьба.

Врата, ведущие в ад, находятся напротив ворот, что открыты в рай,— уверяет священная книга мусульман. Неизвестно, как в небесах, но на земле конкуренция открывает путь и к изобилию, и к

удушению, ибо конкуренция диалектична по своей природе.

Конкуренция — это прогресс. Но она ставит продуцентов в такие жесткие условия, что они вынуждены поступать по принципу «победителей не судят», или «цель выше средств», что на практике означает одно и то же. Вопрос ставится однозначно: или ты, или тебя пустят по миру. Третьего не дано. Иначе говоря, система диктует копить секреты и создавать шпионские структуры, оснащать их шпионскими перфорналиями. Конкуренция, как прогресс, тянет за собой шлейф проблем, которые при их необузданности создают разрушительные предпосылки, реализуемые в экономических кризисах. Конкуренция, лишенная силы разрушительной стихии, только и способна порождать новые идеи и новые концепции.

Конкуренция и есть борьба во имя победы. Побеждает тот, кто лучше, качественнее и дешевле производит, что выражается в прибыли. Это и побуждает соперников неустанно искать новые пути увеличения барышей. Это и ведет к прогрессу. Победитель получает всегда больше, чем проигравший. В сущности это универсальное правило.

В экономической конкуренции победа не акт, а процесс. Поэтому в конкурентной борьбе вечных победителей не существует, впрочем, как и в сфере военно-политического соперничества. Именно конкуренция вопреки лжи, грязи и коррупции позволяет западным фирмам искать и находить пути эффективного создания новых и качественных товаров.

Считается аксиомой, что конкуренция ведется ради прибыли. И это истина. Но это еще не полная истина. Прибыль — только абстрактное воплощение и символ возможностей. Большие барыши нужны, чтобы жить в богатстве и неге, окружить себя красивыми вещами и приятными людьми, обеспечить уважение и стабильность, прикоснуться к престижу и славе, утвердиться на верхних ступеньках социальной иерархической лестницы, завоевать власть и диктовать свою волю, иначе говоря, реализовать присущее человеку стремление к богатству, удоволь-

ствиям, власти. Поэтому если конкуренция — орудие прогресса, то нечистоплотная конкуренция обирает миллионы в пользу мошенников-одиночек.

Гений эпохи Ренессанса Альберти, который ставил идеалы сбережения выше идей наживы, поучал, что муж, вводя жену в готовый и обставленный дом, обязан начать совместную жизнь с ознакомления хозяйки со спальней, без свидетелей показать ей, где спрятаны семейные сокровища. Спальня — лучшее тому место, ибо супруги становятся естественными охранниками.

Уже давно верхние слои в пику учениям Альберти не считают, что честь выше обладания, а порядочность доминирует над пользой, а жен вообще предпочитают не подпускать к деловым тайнам, ибо они могут оказаться невольными агентами экономического шпионажа, а нередко и добровольными в руках конкурента. Еще китайцы утверждали, что «язык жены — лестница, по которой несчастье забирается в дом».

Кажется бесспорным: все, что связано с правителями, является государственной тайной. Отсюда, сколько правителей, столько и тайн. В Уганде правил Иди Амин, который питал таинственную привязанность к гигантскому холодильнику. Только после падения режима мир узнал, что в холодильнике хранились отрубленные головы политических оппонентов. Другой диктатор — из Центрально-Африканской Республики, Бокассо, хранил не только головы, но и тела, чтобы съедать их по мере необходимости.

Излишне говорить, что холодильники и их содержимое были высшими государственными секретами. Когда запахло жареным, прихватив в спешке уворованные у нищего народа ценности, Бокассо бежал во Францию. Любитель маленьких девочек и человеческого мяса расхищал государственные средства, убивал тысячи людей, присваивая их имущество. Своих политических противников он съедал сам и угощал «белых друзей», которые по неведению принимали человечину «за африканскую экзотику». Эти мерзости тоже совершались за ширмой секретности.

Спектр человеческой нравственности варьируется от Бокассо до Сократа, который утверждал: «Если скажу правду — убьют, если утаю, сам умру». Между этими крайностями живут и действуют вожди и цари, поэты и изобретатели, ученые и рабочие, шпионы и осведомители. Активность последних растет, ибо цена секретов продолжает повышаться.

Великие умы всегда были против хитростей, секретов и шпионажа, ибо понимали, сколько грязи кругом, чтобы еще искусственно умножать мерзость. Однако, несмотря на все благородные порывы и негодования, секреты копятся с упорством, достойным лучшего применения. Они и впредь будут аккумулироваться, ибо секреты дают владельцам неоспоримые преимущества в конкурентной борьбе. Профит толкает к конкурентной борьбе, конкуренция — к накоплению тайн, а они в свою очередь вызывают к жизни экономический шпионаж как часть тотальной слежки.

Массы также не приемлют секретов. Это инстинктивное отвращение вызвано тем, что там, где начинаются секреты, кончаются законы, справедливость, гуманность.

Тщательно сберегаемые секреты являются краеугольным камнем произвола властей и могущества кланов, будь то масонские ложи, сицилийские мафиози или семейство Хантов. С тайнами связаны ложь, слежка, шантаж, подкуп, похищения, взломы, ограбления, убийства и даже истребление целых родов, как это происходило, когда в недрах земель, принадлежащих туземцам, обнаруживали золото, нефть, уран.

Честным людям противопоказаны секреты, ибо те, кто извлекает выгоды из тайн, прежде всего наживаются на них. Там, где тайны, там порок, алчность и все те креатуры, которые панически боятся света и гласности. Тайны — та позолоченная ширма, за которой совершаются все гнусности правителей и торгашей, направленные на защиту своих интересов за счет большинства.

На Западе масс-медиа нередко именуют четвертой ветвью власти вслед за законодательной, судебной и исполнительной. И не без оснований. Сила

средств массовой информации заключается в том, что в поисках сенсаций «наемники пера и монитора» срывают покровы таинственности, которые только и способны придать мошенничеству респектабельность, блуду — романтичность, подлости — светский лоск, а политических гладиаторов, алчущих власти, рядят в тогу поборников общественного блага.

Выуживание информации, от примитивного подслушивания до космического подглядывания, становится модус вивенди. Космический шпионаж позволяет собрать такую экономическую информацию без нарушения границ, паспортного режима и перестрелок, как наличие сырьевых ресурсов, стратегического сырья, виды на урожай, строительство новых предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности, перемещение людских, материальных и товарных ресурсов и многое другое. Космический шпионаж не отменяет тысячелетиями опробованные способы выуживания секретов фирм и государств.

По марке цемента можно установить, что строят: овощехранилище или ракетную шахту. Перекопирование финансовых документов даст возможность точно установить стратегические направления главных ударов конкурирующих фирм и государств, чтобы предупредить их. В этом непреходящая ценность обрывков разговора и старых бумаг со столбцами скучных цифр. Специалистов это захватывает сильнее, чем обывателя детективы Агаты Кристи.

Шпионят в большом и в малом. Как консилиум врачей, государственные и частные спецслужбы осматривают, прощупывают, прослушивают, зондируют земной шарик всевозможными способами, начиная от простого изучения официальной прессы и кончая сканированием земной толщи лазерными лучами из космоса. Континенты, как уши Земли, прислушиваются друг к другу, а земной шар, как гигантский мяч в авоське, опутан сетями экономического шпионажа.

Источники

Введение

[1] *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 120.
[2] *Жан-Жак Руссо.* Трактаты. М., 1969.

Глава I

[1] См.: *Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. Т. I. СПб., 1774. С. 13; *Гераклит Эфесский.* Фрагменты. М., 1910. С. 9.
[1а] *Colvocoressi Petter.* Top Secret Ultra. N. Y., 1980. P. 29.
[2] *Bottom N., Gallati R.* Industrial Espionage: Intelligence. Techniques and Countermeasures. Boston, 1984. P. 11.
[3] См.: *Аристотель.* Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 452.
[4] *Карамзин Н. М.* Предания веков. М., 1988. С. 75.
[5] *Аникин А. В.* Золото. М., 1984. С. 161.
[6] Всемирная история. Т. IV. М., 1958. С. 96—97.
[7] *Аникин А. В.* Указ. соч. С. 160.
[8] *Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны. М., 1985. С. 24.
[9] *Gallati Robert.* Introduction to Private Security. N. Y., 1983. P. 17.
[10] См.: *Роттердамский Э.* Похвала Глупости. М., 1983. С. 129.
[11] Fortune. 1987. 13. IV. P. 29.
[12] *Корнеев Л. А.* Тайная война монополий. М., 1978.
[13] См.: *Черняк Е. Б.* Пять столетий тайной войны. М., 1972. С. 364.
[14] *Гемери Э.* Сверхбогачи. М., 1987. С. 20.
[15] См. там же. С. 21.
[16] *Бальзак О.* Собр. соч. Т. 2. М., 1983. С. 24.
[17] См.: Отрасли промышленности США. М., 1963. С. 528.
[18] Цит. по: *Шлепаков А. Н., Смирнова Л. А.* США: «похищение умов» в прошлом и настоящем. М., 1983. С. 11.
[19] См.: *Эдуардо Галеано.* Вскрытые вены Латинской Америки. М., 1986. С. 163.
[20] Комсомольская правда. 1986. 12 июля.
[21] См.: *Бахман К., Карлебах Э.* Купи себе министра. М., 1988. С. 18.
[22] См.: *Боркин Дж.* Преступление и наказание «И. Г. Фарбениндустри». М., 1982. С. 69.
[23] *Morris G.* The Story of F. Haber. Oklahoma, 1967. P. 72.
[24] *Боркин Дж.* Указ. соч. С. 92.
[25] *Мадер Юлиус.* Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. М., 1984. С. 61.
[26] *Bottom N., Gallati R.* Op. cit. P. 16.
[27] *Левин В.* Бизнесмен удачи. М., 1982. С. 48.
[28] См.: *Гемери Э.* Указ. соч. С. 147.

Глава II

[1] Цит. по: *Федоров В. П.* ФРГ: 80-е годы. М., 1986. С. 85.
[2] См.: *Прицкер Д.* Жорж Клемансо. М., 1983. С. 99.
[3] Там же. С. 103.
[4] *Dansette A.* Les affaires de Panama. Paris, 1934. P. 240.
[5] *Черняк Е. Б.* Судьи и заговорщики. М., 1984. С. 248.
[6] *Chastenet J.* Histoire de la Troisième Republigue. T. 2. Paris, 1954. P. 317.
[7] *Barber J. D.* The Presidential Character. Wash., 1972. P. 291.
[8] L'Express International. 1987. 17. IV. P. 23.
[9] *Боркин Д.* Указ. соч. С. 307.
[10] Цит. по: Кровавый бизнес. М., 1985. С. 234.
[11] См.: *Рейсмен В. М.* Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М., 1988. С. 310.
[12] Time. 1987. 22. VI. P. 20.
[13] Washington Post. 1988. 20. VI.
[14] U. S. News and World Report. 1988. 27. VI.
[15] Metall. 1984. XI.
[16] *Гемери Э.* Указ. соч. С. 107.
[17] *Гюнтер Оггер.* Фридрих Флик мультимиллионер. М., 1976. С. 45.
[18] *Бахман К., Карлебах Э.* Указ. соч. С. 88.
[19] См.: *Гюнтер Оггер.* Указ. соч. С. 247.
[20] *Гемери Э.* Указ. соч. С. 109.
[21] Der Spiegel. 1984. N 3. S. 3.
[22] Stern. 1985. 31. I.
[23] *Меньшиков В. М.* Клиенты «черной кассы». М., 1986. С. 33.
[24] *Бержье Ж.* Промышленный шпионаж. М., 1972. С. 116.
[25] *Полькен К., Сцепоник Х.* Кто не молчит, тот должен умереть. М., 1988. С. 64—65.
[26] *Кашин В. А.* Кто содержит буржуазное государство? М., 1986. С. 133.
[27] Fortune. 1983. 17. X. P. 7.
[28] International Criminal Police Review. 1986. VI—VII. P. 3 (далее: ICPR); International Tax Report. 1984. P. 15.
[29] Euromoney. 1987. IV. P. 95.
[30] Цит. по: За рубежом. 1985. № 7. С. 19.
[31] См.: *Колчанов Р. Г.* В погоне за миллионами. М., 1971. С. 161.
[32] См.: *Чихон Э.* Банкир и власть. М., 1977. С. 239.
[33] См.: *Цветов В. Я.* Мафия по-японски. М., 1985. С. 49.
[34] ICPR. 1985. XII. P. 40.
[35] Euromoney. 1987. IV. P. 45.
[36] Fortune. 1987. 16. II. P. 85—86.
[37] Ibid. 5. I. P. 48.
[38] Newsweek. 1987. 23. II. P. 38—39.
[39] Harvard Business Review. 1983. N 6. P. 197.
[40] Fortune. 1984. 14. V. P. 28—29.
[41] Glimpses of the Harvard Past. Cambridge, 1986. P. 7.
[42] U. S. News and World Report. 1987. 26. X. P. 53.
[43] Humanité Dimanche. 1986. 3. X. P. 13.

[44] *Wright J.* The American Almanac of Jobs and Salaries. N. Y., 1982. P. 428—430.
[45] *Зорин В.* Мистеры Миллиарды. М., 1968. С. 22.
[46] *Гемери Э.* Указ. соч. С. 160.
[47] См.: *Васильков Н. П.* Дело «Монтэдисон». М., 1979. С. 20.
[48] *Зафесов Г. Р.* Тайные рычаги власти. М., 1984. С. 95.
[49] Der Spiegel. 1987. N 10. P. 134.
[50] Цит. по: *Кассис В.* Из тайников секретной службы. М., 1981. С. 174.
[51] См.: *Райт Дж. П.* «Дженерал моторс» в истинном свете. М., 1985. С. 140.
[52] Jacocca. An Autobiography. Lee Jacocca. N. Y., 1984. P. 158.
[53] Ibid. P. 146.
[54] *Bottom N., Gallati R.* Op. cit. P. 227.

Глава III

[1] См.: *Березовский М.* Непременно скандал. М., 1986. С. 26.
[2] Magyazország. 1986. N 33.
[3] Ibidem.
[4] Собеседник. 1986. № 42.
[5] Drapeau Rouge. 1986. 4.IV.
[6] International Criminal Police Review. 1987. V—VI. P. 10—11.
[7] Цит. по: За рубежом. 1985. № 37. С. 15.
[8] *Левин В.* Указ. соч. С. 63.
[9] Electronics Week. 1984. N 26. P. 34.
[10] *Корнеев Л.* Тайная война монополий. М., 1978.
[11] Electronics. 1986. N 9.
[12] Известия. 1987. 13 марта.
[13] Electronics. 1985. N 4. P. 32.
[14] Ibidem.
[15] См.: Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). 1987. № 10—12.
[16] См. там же. 1988. № 1—6.
[17] См.: Советская Россия. 1988. 19 апреля.
[18] Euromoney. 1988. VI.
[19] ICPR. 1986. I. P. 24, 25.
[20] См.: *Лопухин А. В.* Все меняется даже в Англии. М., 1985. С. 34.
[21] См.: Советская Россия. 1988. 24 апреля.
[22] *Эдуардо Галеано.* Указ. соч. С. 194.
[23] Цит. по: *Корнеев Л. А.* Указ. соч. С. 248.
[24] См.: *Гемери Э.* Указ. соч. С. 200, 204—205.
[25] См.: Литературная газета. 1988. 18 мая. С. 9.
[26] Zeit Magazin. 1987. N 13. S. 70.
[27] *Ландсберг Ф.* Богачи и сверхбогачи. М., 1975. С. 633.
[28] См.: *Стуруа М.* Этот безумный... М., 1986. С. 426.
[29] *Гиленсен В. М.* В тенетах политического сыска: ФБР против американцев. М., 1987. С. 273.
[30] См.: Известия. 1983. 24 июля.
[31] Der Spiegel. 1985. 18.XI.
[32] *Федоров В. П.* Указ. соч. С. 97.
[33] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 49.

Глава IV

[1] За рубежом. 1987. № 38. С. 24.
[2] ICPR. 1987. V—VI. P. 3.
[3] Известия. 1986. 18 октября.
[4] См.: *Родионов К.* Интерпол: Миф и действительность. М., 1982. С. 114.
[5] Der Spiegel. 1987. N 10. S. 133.
[6] The United States Government Manual. Wash., 1988. P. 495.
[7] New York Times. 1927. 23.XI.
[8–13] ICPR. 1987. V—VI. P. 7.
[14] Ibid. 1987. I—II. P. 8.
[15] Известия. 1987. 15 декабря.
[16] Euromoney. 1987. VI. P. 87.
[17] *Ziegler J.* Une Suisse au-dessus de tont soupçon. Paris, 1987. P. 53.
[18] Ibid. P. 187.
[19] См.: Советская Россия. 1987. 24 июля.
[20] См.: Известия. 1988. 15 июня.
[21] *Ziegler J.* Op. cit. P. 63.
[22] Ibid. P. 59.
[23] *Зеленский Ю. И.* Контрабанда — язва империализма. М., 1985. С. 173—174.
[24] *Адамс С.* Красноречивая история. М., 1986. С. 31.
[25] Deutsche Bank. Börsenbild und Anlagespiegel. 1984. N 7. S. 7.
[26] Цит. по: *Ziegler J.* Op. cit. P. 186.
[27] *Черняк Е. Б.* Указ. соч. С. 431.
[28] См. там же. С. 432.
[29] *Мадер Ю.* Указ. соч. С. 87.
[30] Time. 1987. 19.I. P. 11.
[31] См.: *Зеленский Ю. И.* Указ. соч. С. 94.
[32] См.: *Емельянов Т.* Факельщики у пороховых погребов. М., 1988. С. 42.
[33] Time. 1986. 16.VI. P. 11.
[34] U. S. News and World Report. 1987. 1.VI. P. 20.
[35] Time. 1987. 16.III. P. 22.
[36] News Week. 1987. 30.III. P. 14.
[37] Sunday Times. 1986. 16.XI. P. 25.
[38] Ibid. 1986. 8.XI. P. 1—11.
[39] См.: *Васильев К.* Любовь. М., 1982. С. 222.

Оглавление

Введение
5

Глава I Перипетии шпионажа
10
Мутные истоки
10
Тайны коммерции
24
Промышленный шпионаж
38

Глава II Шпионаж во имя бизнеса
53
Грани коррупции
53
Нарукавники и наручники
73
Респектабельная отмычка
89
Корсары бизнеса
104
Миллион за молчание
120

Глава III Многоликий шпионаж
130
Таинства моды
130
Чары этикетки
141
Кибершпионаж
153
Экипировка шпиона
165
Телохранители и детективы
176

Глава IV Криминальный бизнес
195
«Серый паук»
195
Вселенский тайник
209
От секс-бомбы до атомной
225

Заключение
244

Источники
249

Гасанов Р. М.

Г 22 Шпионаж особого рода.— М.: Мысль, 1989.— 254 с., [8] л. ил.— (Империализм: События. Факты. Документы).

ISBN 5-244-00284-8.

Шпионаж как сфера тайной деятельности по сбору особо ценной информации охватывает все сферы рыночной экономики. Автор показывает различные средства и приемы шпионажа, с помощью которого конкуренты находятся в курсе дел друг друга и наносят удары по наиболее уязвимым местам. Здесь и слежка, и подкуп, и переманивание специалистов, и подделка фирменных знаков, и шантаж, и секретные счета, и использование компьютерной техники для финансовых афер.

Г $\frac{0604000000\text{-}055}{004(01)\text{-}89}$ 74-89

ББК 65.8

Руслан
Магомедович
Гасанов

Шпионаж особого рода

Научно-
популярная

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ
События
Факты
Документы

Редактор
Л. А. Козлова

Младший редактор
А. Б. Красавина

Оформление серии
художника
А. Б. Боброва

Художественный
редактор
А. Н. Ольденбургер

Технический
редактор
Ж. М. Голубева

Корректор
З. Н. Смирнова

ИБ № 3627

Сдано в набор
16 11 88 Подписано
в печать 19.05 89
А 10117.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Бумага типогр № 1
Школьн. гарн.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 14,28 (с вкл.).
Усл. кр.-отт. 15,96.
Учетно-изд. л. 13,68 (с вкл.).
Тираж 100 000 экз.
Заказ № 494.
Цена 75 к.

Издательство
«Мысль»
117071, Москва,
В-71, Ленинский
проспект, 15

Ордена Октябрьской
Революции
и ордена
Трудового Красного
Знамени
МПО «Первая
Образцовая типография»
Союзполиграфпрома
при Государственном
комитете СССР
по делам
издательств,
полиграфии
и книжной торговли.
113054, Москва,
Валовая, 28



75 к.

